

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
ИСТОРИИ МОЛДОВЫ

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН

Российский национальный комитет
Международной Федерации исследователей женской истории

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ:

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ИСТОРИОГРАФИЯ,
НОВЫЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ

*Материалы XIV международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

30 сентября – 3 октября 2021 года,
Кишинев (Республика Молдова)

В двух частях

Часть 1

Москва
ИЭА РАН
2021

УДК 396
ББК 60+63
Ж 551

Рецензенты

М.М. Керимова, доктор исторических наук
М.В. Золотухина, кандидат исторических наук

Подготовлено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2020-910)

Ж 551 **Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы.** Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко. – В 2 ч. – М.: ИЭА РАН, 2021. – Ч. 1. – 318 с.

ISBN 978-5-4211-0269-4

Издание содержит материалы XIV Международной научной конференции, проводимой в 2021 г. Российской ассоциацией исследователей женской истории, Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН и Национальным музеем истории Молдовы в Кишиневе.

Проблематика докладов, присланных на конференцию и собранных в данной книге, охватывает методологические проблемы изучения женской истории и гендерной антропологии, историографию и источниковедение проблемы. В них читатель найдет междисциплинарные обзоры исследований историков, этнологов, антропологов, социологов, лингвистов, политологов, фольклористов, демографов, социальных работников, деятелей культуры. Международная конференция призвана способствовать объединению усилий ученых разных стран для продвижения знаний о социокультурном вкладе женщин в историю, актуализировать значимость гендерного подхода в гуманитарных науках.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0269-4

© ИЭА РАН, 2021
© Национальный музей истории Молдовы, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пушкарева Н.Л., Заболотная Л.П.</i> Женская история сегодня: размышления без подведения итогов (вместо Введения)	11
---	----

РАЗДЕЛ 1 ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИКИ ПО ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И ГЕНДЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

1.1. Ежедневные дневниковые записи как важнейший источник женской истории

<i>Трофимова В.С.</i> «Дневник» Коттона Мэзера как источник сведений по женской социальной истории Новой Англии рубежа XVII–XVIII вв.	24
<i>Фролова А.В., Зая И.Ю.</i> К истории изучения женских дневников XX в.: историографический очерк	28
<i>Гафурова З.Р.</i> Исследование женского дневника в контексте борьбы против скрытой гендерной дискриминации (дневник Л.В. Шапориной, 1898–1967)	32
<i>Котовская М.Г., Швец Э.Г.</i> Дневник Марии Башкирцевой как источник по истории педагогики (особенности обучения в Академии Жулиана во второй половине XIX в.)	37
<i>Громова А.И.</i> «Дневник русской женщины» как источник по антропологии женской телесности (конец XIX – начало XX в.)	40
<i>Горячева А.Н.</i> Особенности анализа женских эго-документов в истории повседневности (на примере дневника Н.Д. Андросовой)	43

<i>Харман Д.Д.</i> Дневники, картины, рисунки и акварели Татьяны Мавриной конца 1930-х – начала 1940-х годов: опыт переживания своей телесности в эпоху репрессий и войны	45
<i>Миронова Н.П.</i> История повседневности в личных и деловых дневниках женщин-ученых Коми в 1950–1970-е годы	48
<i>Богдашина И.В.</i> Женские автодокументы как источник по истории изучения нестоличной повседневности 1950–1960-х годов (источниковедческий обзор)	52
<i>Ерохина Е.А.</i> Дневник женщины-ученой как летопись Новосибирского Академгородка: наследие Н.А. Притвиц	56

1.2. Письма, мемуары, воспоминания: особенности женских эго-документов

<i>Перова М.А.</i> Воспоминания как источник по ранней советской эдукологии: советские девочки в социальном проекте 1920-х годов	60
<i>Циденков Г.Г.</i> Женский взгляд на детскую беспризорность (мемуары председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с детской беспризорностью при Моссовете А. Давыдовой и рапорты бойца Самарского боевого эпидотряда коммунистов Н. Сергеевой)	63
<i>Симонова О.А.</i> Модели фемининности военачальниц Гражданской войны в мемуарах и художественной литературе	67
<i>Шаповалова В.О.</i> «Я должна рассказать вам»: женские лагерные мемуары как исторический источник	71
<i>Милова О.Л.</i> Воспоминания членов семей священнослужителей и мирянок как источник по истории Русской Православной Церкви 1920–1950-х годов	76
<i>Валькова О.А.</i> Письма советских женщин-ученых как исторический источник (1936 г.)	80

1.3. Биографии женщин и автобиографии. Особенности работы с биографическими источниками

<i>Новинская Т.Ю.</i> Особенности использования источников личного происхождения в исследовании одной женской биографии	84
<i>Трофимова Т.Н.</i> Автобиографии двух женщин – членов Санкт-Петербургского математического общества: Елизаветы Федоровны Литвиновой и Ольги Сергеевны Ростовцевой	89
<i>Самарина Т.Н.</i> Женская и мужская телесность в балетном искусстве по автобиографическим материалам XIX – начала XX в.	93
<i>Недзельюк Т.Г.</i> «Книжечка мыслей» Анны (Екатерины) Абрикосовой и проблема женского лидерства в религиозной общине в России первой половины XX в.	96
<i>Буланова М.Б., Милованова М.Ю.</i> Л.А. Шанявская у истоков женского медицинского образования в России (опыт биографического анализа)	100
<i>Тернопол Т.В.</i> Внутрисемейная женская взаимопомощь и солидарность в «Автобиографии» А. Кристи	104
<i>Овчарова О.Г., Китайцева О.В.</i> Эффективность реализации биографического метода в гендерной политологии	107
<i>Петрушихина Е.Б.</i> Исследования барьеров в женском лидерстве: тема «стеклянного обрыва»	112
<i>Солодников В.В., Солодникова И.В.</i> Поколенческий анализ женских жизненных траекторий	116
<i>Брежнева С.Н.</i> Калмыцкая княгиня Анна Тайшина: историографические штампы биографии	121
<i>Дуэрдун Ц.</i> «Как я стала шаманкой?» Истории трех тувинских шаманок	125

<i>Бредникова О.Е.</i> «Живу, постоянно оглядываясь»: специфика автобиографических нарративов мигранток из Средней Азии	128
<i>Крылова Н.Л.</i> «Русские африканки» рассказывают	131
<i>Птицына Н.А.</i> Опыт работы с биографическим интервью для характеристики гендерных аспектов социально-психологической адаптации российских специалистов на зарубежных рынках труда	135

1.4. Статистика и массовые источники по женской истории

<i>Thorvaldsen G., Glavatskaya E.</i> Women's History with Historical Microdata: the example of marital and extramarital fertility	140
<i>Кривошеева Ю.А.</i> Первая всеобщая перепись населения 1897 года как источник для изучения семейной повседневности ярославских текстильщиц	144
<i>Репинецкий А.И.</i> Всеобщие переписи населения первой половины XX в. как источник изучения положения советских женщин	147
<i>Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.</i> Использование массовых источников в фондах ГАТО для изучения женского населения провинциального российского города в XIX – начале XX в.	151
<i>Араловец Н.А.</i> Данные соцобследований 1920-х годов о добрачном поведении женщин в городах СССР	155
<i>Бугай Н.Ф.</i> Трансформации положения женщины в практической и научной метеорологии в Российской Федерации (на примере метеослужбы Камчатского края)	158

1.5. Архивные собрания и иные крупные комплексы источников по женской истории

<i>Морозова Л.Е.</i> Источники для реконструкции биографии княжны Елены Волошанки	164
---	-----

<i>Годовова Е.В.</i> Материалы Оренбургского магометанского духовного собрания как источник изучения личной жизни оренбургских казачек-мусульманок	168
<i>Синова И.В.</i> Классификация и методы исследования документов по женской истории XIX – начала XX в., хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота	171
<i>Текуева М.А.</i> Источники о гендерном и этнокультурном взаимодействии на Кавказе в XIX – начале XX в.	175
<i>Морева О.В.</i> Источники для изучения женских читательских практик во второй половине XIX – начале XX в.	179
<i>Метель Е.В.</i> Делопроизводственные источники 1920-х годов о женской занятости на Алтае (своеобразие комплекса и работы с ним)	183
<i>Лебедева Л.В.</i> Источники исследования повседневной жизни крестьянки периода НЭПа (на примере Пензенской губернии)	188
<i>Салтык Г.А.</i> Архивные источники о судьбах женщин-неонародниц Курского края (1903–1937 гг.)	192
<i>Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С.</i> Соавтор или помощница? Из материалов к истории индологии в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере)	195
<i>Градскова Ю.</i> Международная Демократическая Федерация Женщин и архивы советского периода	199

1.6. Miscellanea: разнообразные и разнотипные источники, позволяющие реконструировать женскую и гендерную историю

1.6.1. От Средневековья до начала XX в.

<i>Обидина Ю.С.</i> Средневековая мистика как источник по изучению женской идентичности: казус Хильдегарды Бингенской	201
---	-----

<i>Ракитина М.Г.</i> Лицевой Летописный свод XVI в. как источник по истории интимной жизни средневековых женщин: от супружеской жизни до насилия	204
<i>Ciobanu P.</i> Punishment of abortion in some penitential manuals	206
<i>Омакаева Э.У.</i> Литературные и полевые источники о «Принцессе Турандот» Хутулун-Чаха и легендарной ханше Ану-хатун (монголо-ойратские легенды и предания)	210
<i>Красиков М.М.</i> «Стара баба, як холера...». Образ старухи в украинских шуточных песнях	216
<i>Коваль К.С.</i> Труды В.В. Розанова как источник по истории «женского вопроса» в России начала XX в.	219
<i>Морозова А.Ю.</i> Листовки женских организаций из коллекции ЦСПИ ГПИБ как источник по истории женского движения в России	224
<i>Сорокин А.А.</i> Дискуссии о женском избирательном праве в земском самоуправлении в России на рубеже XIX–XX вв.: источниковедческий аспект	227
1.6.2. Источники по женской истории советского и постсоветского периодов	
<i>Васеха М.В.</i> Агитизображения на страницах сибирского женского журнала «Красная сибирячка» как исторический источник	232
<i>Казанчян А.А.</i> Образ женщины в памятниках Великой Отечественной войны Рязанской области	234
<i>Хисамутдинов А.А.</i> «Современная женщина» – русский журнал в Шанхае	238
<i>Козельчук Т.В.</i> «Cherchez la femme»: особенности работы с делопроизводственными документами как источниками по истории женщин (на материалах Кургана и Курганского округа периода НЭПа)	242

<i>Лачаева М.Ю.</i> Законы Натальи Петровны Бехтеревой и их методологический потенциал для изучения женской истории (по воспоминаниям ученого)	246
<i>Попова О.Д., Попова А.Д.</i> Кулинарный рецепт как источник по истории женской «домашней» экономики	251
<i>Сиднева С.А.</i> Эмпирический материал для изучения женских кофеен в традиционной культуре Греции	254
<i>Галлямова А.Г.</i> Устная история в изучении поведенческого паттерна сельских женщин в военные годы. Опыт микро-исторического исследования	258
<i>Сидорова Г.П.</i> Художественное кино как источник для изучения гендерных аспектов советской повседневности	262
<i>Едыгарова С., Ямурзина Л.В.</i> Женщина в прошлом и в современности, женщина в селе и в мегаполисах: актуальные источники сравнительного изучения женской истории	266
<i>Любичанковский С.В.</i> Судьбы женщин Урало-Поволжья на страницах сборника «Большаковских чтений» (2004–2020)	267
<i>Луковицкая Е.Г.</i> Законопроект «О профилактике семейного и домашнего насилия» 2019 г. как источник по современной женской истории: дебаты вокруг нормативного акта и методы анализа	271

РАЗДЕЛ 2

МЕТОДЫ РАБОТЫ ИСТОРИКОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ИСТОРИЮ ЖЕНЩИН. ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМОВ, ПОДХОДОВ, МЕТОДОЛОГИИ

<i>Щеглова Т.К.</i> Устная история как метод и источник гендерной истории: особенности введения женских историй в научные исследования и их интерпретации	274
<i>Попкова Л.Н.</i> Устная история американских женщин: переосмысление опыта феминизма XX в.	278

<i>Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.</i> Материалы устной истории как основа женской истории Сталинграда/Волгограда	281
<i>Шалыгина Н.В.</i> Нарратив как метод изучения ресоциализации русскоязычных женщин-иммигранток в США	285
<i>Веретенко В.А.</i> Гендерный ракурс изучения прислуги пореформенной России: возможности нового методологического подхода	288
<i>Фурсова Е.Ф.</i> Особенности методов полевой этнографической работы в Сибири: коммуникационный и гендерный аспекты	291
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Новые методы в фамилистике: сетевой анализ региональных семейных практик в современной России (на материалах Тверской области)	295
<i>Дерябкина Л.В.</i> История возникновения и развития «академического волонтерства» на примере Хайфского феминистского архива	298
<i>Жигунова М.А.</i> Гендерный аспект традиционной культуры в современной деятельности музеев Сибири	302
<i>Иванова Т.Н.</i> Сравнительный анализ жизненных стратегий женщин советского и постсоветского поколений	306
<i>Ярушина К.А.</i> Как я интервьюирую молодые семейные пары. Опыт полевого исследования	312
<i>Мицюк Н.А.</i> Проблемы изучения современного женского политического и гражданского активизма, женских прав в российском научном дискурсе	314

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ БЕЗ ПОДВЕДЕНИЯ ИТОГОВ (вместо Введения)

Женская и гендерная история – неотъемлемая часть рожденного полвека назад нового научного направления в гуманитарном знании, *женских и гендерных исследований*. Несмотря на непрерывность и преемственность интеллектуального поиска (а *женская история* родилась как продолжение 200-летнего интереса к *женской теме* в этнологии и истории), гендерные исследования в изучении прошлого все еще находятся в положении доказывающих свою самостоятельную значимость для российской науки.

В Западной Европе и США 1970–1980 гг. были временем, когда число интересующихся вопросом о том, есть ли у женщин своя история, росло буквально в геометрической прогрессии. Создательницы журнала «Gender & History», которому в прошлом 2020 г. исполнилось 30 лет, жаловались на трудности перевода нового знания на общепринятый язык историописания [2]. Но чувствуя свое новаторство, а также действенные перспективы направления («история женщин» была для каждой сторонницы нового направления «историей для женщин» – способом объяснения социального неравенства и преодоления оно), зарубежные исследовательницы быстро объединились. Они сформировали круг единомышленниц, создав в своих странах лаборатории и проекты. Их целью было равноправное включение женской и гендерной истории в область методологической рефлексии, апробация новых приемов работы с эмпирическим полевым материалом и историческими источниками [15].

Однако на бывшем советском пространстве историография развивалась своим неповторимым путем. До начала 1990-х годов все были скованы предписанием рассматривать любой социальный процесс с позиций марксизма-ленинизма, а классики этой социальной теории женщин не жаловали. Ни о какой женской особости, женской аксиосфере, женском языке, общественных

(групповых) интересах и формах самовыражения им не приходилось размышлять на страницах своих трудов. Женщины были для них «социальным ферментом» – ускорителем социального, революционного процесса. Но ровно к тому моменту, когда приблизился коллапс СССР (а вместе с ним и теоретических оснований советской историографии), то есть к началу 1990-х годов, европейские историки пришли к выводу о необходимости координации усилий сторонников направления *истории женщин* во многих европейских странах. На XVII конгрессе исторических наук в Мадриде в 1990 г. было заявлено о создании Международной федерации исследователей женской истории, одновременно началась подготовка пятитомной «Истории женщин на Западе от античности до XX века» под редакцией французских историков Ж. Дюби и М. Перро [12].

Она стала глобальным синтезом исследований по теме за предшествующие 20 лет в странах Европы и Северной Америки. Более 70 ученых разных национальностей (главным образом, это были француженки, но среди авторов было и 11 мужчин из разных стран) написали о том, какие новые темы и предметы исследований родились благодаря новому направлению в науках о прошлом. Среди таких тем (обозначенных в книге, но имевших активное продолжение после ее издания) были тема женского труда (как оплаченного, так и неоплаченного – в семье); история материнства и плодоизгнания; история повседневности как история быта, окрашенного переживаниями живших людей; история частной жизни и изменчивых понятий дружбы, любви, счастья, семейных радостей и конфликтов (а не просто история детности, брачности и родства, как это было в науке ранее); история женских прав и женского бесправия, женского движения и эволюции феминизма. Критики издания отмечали отсутствие или малое присутствие темы истории сексуальной культуры, странное избегание таких аспектов, как взаимодействие культур, миграции, влияние колониальных отношений [19]. Эти аспекты в то время уже активно прорабатывались в США [7].

Женская история Восточной Европы была представлена лишь историей России в последнем пятом томе, материалы которого

охватили XX век. Написала ее француженка, советолог Франсуаза Навай (в самой России в то время еще не было именитых специалистов по теме) [33]. О женской истории других стран бывшего «социалистического блока» также не было речи. Однако издание пятитомника позволило теме «женская история» преодолеть первый порог легитимности: новая проблематика оказалась замечена. Женщины обрели свою историю, очень близкую гендерной антропологии быта и повседневности, которую (как оказалось) можно реконструировать научными методами, не увлекаясь иллюстративностью и не впадая в идеологическую (а именно: феминистскую) заданность. Подробное «женское пятикнижие» было быстро переведено на множество европейских языков, на китайский и японский. Россия молчала; перевод издания задержался на долгих 30 лет [31]. Из славянских стран первой откликнулась Польша, ведь именно в далекие 1930-е годы польская исследовательница Лючия Харевичова была инициатором постановки самой темы «женская история» [6].

В некоторых странах издание пятитомника инициировало создание собственных национальных «женских историй», в которых женская история реконструировалась уже с добавлением новых аспектов рассмотрения. Скажем, издание «Женской истории Испании и Латинской Америки» в 4-х томах под редакцией Изабель Моран включило забытые было представления о феминности и маскулинности в разные эпохи, тему смены режимов и политик сексуальности, проблему статуса женщин умственного труда и писательниц, тему доступа всех женщин к гражданским правам [11].

Самые жаркие дебаты, однако, вызвал вопрос о том, куда двигаться и как развиваться направлению дальше. Должно ли оно идеологически обслуживать феминизм, быть с ним связанным? [8] Скажем, во Франции исследовательницы не разделяли мнения о том, что новая (гендерная) история должна иметь непременно «феминистское лицо». Многие из французских (и это заметно в стиле написания «Истории женщин на Западе») и особенно британских ученых полагали, что женская и гендерная история *подпитывается*, конечно, женским движением и феминизмом [2], но

все же изучать социальное прошлое женщин следует в разных ракурсах, с учетом и патриархатного, и феминистского дискурсов. Они настаивали на том, что самые важные иерархии – социально-групповые, нежели гендерные, как неантагонистические противоречия полов [20]. Единства в стане исследовательниц женской истории не ощущалось и потому, что не было согласия в том, принимать ли вообще в свое языковое и исследовательское поле гендерную концепцию? Она к тому времени триумфально закрепилась во многих гуманитарных науках, прежде всего в психологии и социологии. Но как раз члены Международной федерации исследователей женской истории были против замены в названии организации истории женской историей гендерной; они не соглашались считать написание *женской истории* пройденным этапом развития историографии. Доказывая самостоятельную значимость истории женщин, они критиковали абстрактный характер гендерных исследований в науках о прошлом; название «гендерная история», как они утверждали, это попытка мимикрии под академическую респектабельность, эвфемизации женского дела и женской темы. В конечном счете такой подход мог бы привести к забвению мужского доминирования и поставленной феминизмом задачи – везде искать не взаимодополнительность полов, а властные отношения, неравенства, диспропорции и асимметрии между полами [5; 25; 34].

Исследовательницы прошлого продолжали спорить и о том, что следует понимать под гендерной историей – просто *социальную историю отношений полов*, историю гендерных асимметрий, диспропорций и дискриминаций? [3] Или же считать гендерную историю *частью истории культурной*, истории ментальностей (вдохновленной *linguistic turn*) [16], пытаться реконструировать не просто и не столько прошлое (можем ли мы вообще до него докопаться?), но его отражения в источниках? Может быть, точнее ставить задачу увидеть в гендерной истории историю меняющихся представлений о женском, мужском, женственности и мужественности, историю трансформаций культурного знания о половых различиях?

Объединяющим между сторонниками двух пониманий гендерной истории в Европе и США стал конструктивистский, анти-эссенциалистский дискурс («женщинами не рождаются», ими *становятся* – как становятся и мужчинами), интерес к формам противостояния индивидов навязываемым социальным стандартам, к кризисам идентичностей в переломные годы и эпохи [23]. Оба направления развития женской и гендерной истории активно ставили вопрос о необходимости пересмотра исторических событий и феноменов с точки зрения влияния на них фактора пола (как самих участников событий, так и авторов текстов) [4]. Новая социальная реальность, стремительная глобализация выдвинули на первый план на рубеже тысячелетий (или в начале нулевых) вопросы пересечений отношений власти и гендера с такими составляющими, как класс, этнос или раса [18; 13; 17]. Тем самым еще раз была подчеркнута интерсекциональность истории и этнографии, значимость союза женской истории и гендерной социальной антропологии.

Еще одним объединяющим моментом и для сторонниц рассмотрения гендерной истории как социальной истории подавления одного пола другим, и для сторонниц усиленных исследований в области социальной психологии пола и истории ментальностей было желание пересмотреть исторические события и феномены с точки зрения пола (был ли у женщин свой Ренессанс [14; 26]; принесла ли Великая Французская революция освобождение и женщинам, и т.п.). Такого рода исследования примиряли тех, кто считал историю наукой руководства к действию (феминисток), и тех, кто видел в науке о прошлом основания для размышлений о мире и самих себе [27].

Историческая инфлексия (уклон) меняла облик самой культурной истории, позволяя представить общественные изменения как бесконечные пересечения и взаимовлияния мнений, борьбу представлений. На примере изучения истории воспроизводства гендерных противоречий и асимметрий в прошлом яснее становились сложности на пути развития современных демократий [19].

К концу 1990-х интерес от «истории частной жизни» (мало описанной когда-то и считавшейся второстепенной по значимости, но ставшей новым, модным объектом изучения) [10] сместился к анализу соотношений между публичным и частным в женской и гендерной истории, к анализу истории приобщения женщин к публичному, освоению женщинами сферы администрирования, внешней политики, дипломатии, науки и неженских профессий, реорганизации властных отношений между полами в XX в. перед лицом стремительных перемен в тоталитарных странах (сталинская Россия, гитлеровская Германия, маоистский Китай). Ранее не использовавшееся в европейской литературе и пришедшее из американской историографии понятие *agency*, как способность выступать активно действующими субъектами, неожиданно заняло значительное место в исследованиях женской истории. И это объяснимо: для России то десятилетие было особым, и его ныне неслучайно именуют «гендерные 90-е» [29]. Это было время возникновения независимого от власти, самостоятельного женского движения (29–31 марта 1991 г. состоялся Первый Независимый женский форум в Дубне) [15], стремительного роста числа женских НКО (их стало к 2000 г. около 2000), создания Союза женщин России и политического движения «Женщины России», которое в 1993 г. прошло в Государственную Думу, получив 8% голосов на выборах... Тема женского политического участия была в те годы одной из приоритетных.

Сторонницы прагматического использования истории для обоснования феминистских установок и культурантропологи, разделяющие гендерную концепцию, по-новому взглянули на биографическую историю. Исследование индивидуальных жизненных стратегий – самый предпочтительный ныне путь исследования социальных реалий настоящего и прошлого. Автобиографии, автогенографии, эго-документы полностью реабилитированы: ранее им придавалось куда меньшее значение. Иной уровень доверия к личному архиву историка поставил в европейской и американской науке во главу угла изучение антропологической составляющей в любом близком социальном процессе, заставил

езде слушать и слышать отдельные голоса, подчас не сливающиеся в общий хор. И прежде всего это голоса людей разного пола. Вместе с интересом к интимному на рубеже 1990–2000-х годов была реабилитирована история сексуальной жизни мужчин и женщин, которую долго не пускали в программные курсы гуманитарных университетов [1].

Для рубежа XX–XXI вв. и смены тысячелетий объединительным моментом для сторонниц направления женской и гендерной истории стало желание сопоставить женские практики разных континентов [9], регионов и стран – задача, ранее решавшаяся лишь этнографами. Как влияют на отношения полов культурный трансфер и глобализация, какие последствия имеет для мужчин и женщин влияние политик, идеологий и конфессий – вот темы, которые оказались на острие дебатов в конце нулевых и в десятые годы XXI в. Огромной проблемой в 2010-е годы стали миграции, гендерная политика в области иммиграции, различия путей и скорости натурализации мужчин и женщин. В решении ее оказалось так много сложностей, что было уже не до размежеваний активисток (феминисток) и интеллектуалок, видящих в истории женщин и женственности прежде всего историю идей.

Российская женская история, родившаяся как направление в те же 1980-е годы и пережившая в 1990-е период огромного интереса к ней и публикаторского бума, привлекла массу молодых интеллектуальных сил, которых несколько поубавилось, когда прошло время поддержки ее изучения западными грантами (о чем не замедлили сообщить западные аналитики) [22]. Среди скептиков немало тех, кто упрекает российских специалистов в области женской истории в том, что они сами за четверть века так и не смогли прийти к согласию в том, что составляет содержание их работы, определить то «послание», тот *message*, которые составляет сердцевину исследовательского труда. В нашей историографии (как впрочем, и в историографии других постсоветских государств, прежде всего Украины и Беларуси) сосуществуют с большей или меньшей степенью противостояния два типа дискурсов, претендующих на маркировку гендерных [32].

Первый дискурс – дискурс традиционных гендерных ролей. Он, по сути, легитимирует роль женщины как комплементарную (взаимодополнительную) к роли мужчины. Философ О.А. Воронина назвала этот тип дискурса «ложной теорией гендера» [28]. Именно он позволил переименоваться или наименоваться небольшому количеству центров, лабораторий и научных отделов в институтах гуманитарного профиля, – тех, что ранее занимались изучением социологии пола (этнологией пола и семьи, историей семьи и демографии), в лаборатории, центры, кафедры, отделы, сектора гендерных исследований.

Второй дискурс – тот, что жестко ставит под сомнение естественность взаимодополнительности гендерных ролей в прошлом и в настоящем [24]. Обратим внимание на то, что приверженцы такого методологического ракурса по-иному подходят уже к сбору эмпирического материала, поскольку сами вопросы, которые они перед собой ставят, предполагают феминистскую рефлексивность. Многие из них *моложе* представительниц первого типа историописания о женщинах. Они застали проникновение гендерной концепции в Россию в момент, когда их собственный жизненный опыт был открыт ее восприятию. Поэтому и гендерные исследования прошлого в их работах базированы на исследовательском материале их регионов.

И все же разные подходы к толкованию содержания гендерных исследований настолько переплелись, что в одном и том же учреждении, в одном и том же научном центре могут мирно сосуществовать сторонники и сторонницы разных подходов.

Конференции, организуемые созданной по нашей инициативе Межрегиональной общественной организацией «Российская ассоциация исследователей женской истории», – явления неформальной политической событийности, факт существования укрепляемого сетевого комьюнити, диссенсусного сообщества, которое не может быть иным в нынешних условиях. Зато мы точно убеждены, что наша ассоциация и наши конференции – действительно новое образование, а не политически неэффективные (формально-стабильные) посткоммунистические институции.

История российского объединения сторонниц женской истории и гендерных исследований в науках о прошлом – это история поисков объединяющего начала для ученых с разными идейными установками. В ней – рождение новых надежд, способных обновить современные социальные теории, социальную, политическую и культурную антропологию, отечественную и всеобщую истории. Речь о «посттеррористическом, посттоталитарном, толерантном» будущем, дающим возможность ставить новые, непривычные темы, при этом мирно сосуществуя, сторонницам разных, в том числе и старых подходов [30].

Второе следствие сетевого, а не иерархического восприятия двух дискурсов (первое следствие – как было сказано – это *терпимость* друг к другу) может стать в каком-то смысле главным с методологической точки зрения. Речь о концепции стирания грани между западными и восточноевропейскими интеллектуальными политическими стратегиями в социальных науках и художественных практиках.

XIV Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) ставит задачей обменяться мнениями о том, как изучалась трансформация гендерных отношений в мультикультурной среде на протяжении нескольких столетий. Спецификой восточноевропейского социального пространства является его резко выраженная неоднородность. И сама Россия велика и многообразна, так что даже в рамках одной ее части жизнь, быт, ментальные установки весьма различаются. Деревня и город, большие города и малые, регионы, населенные различными национальностями, и моноэтничные – все это представляет пеструю палитру, на которой существовали сложные конstellляции гендерных отношений. Непросто они выстраиваются и сейчас, в том числе во взаимодействиях с этносами, с которыми россияне жили бок и бок столетиями, или в столь близкой России Молдове (между гагаузами, молдаванами, румынами, украинцами). Поэтому выбор места проведения очередной научной встречи РАИЖИ не случаен. Насколько схожими были и остаются историографические процессы в соседних странах?

Что мы вместе можем предложить западным социальным теоретикам и историкам, на которых в 1990-е смотрели с надеждой и безо всякой критики и сомнений, желая только повторить сделанное ими? Сможем ли предложить результаты своих исследований, в том числе источниковедческие, свои методики, идеи, толкования и понимания? Чтобы усилить позиции неопатриархата, апеллируя к «духовным скрепам» российской культуры, новые идеологи в наших странах усиливают финансовые вливания в НКО (в том числе и научно-образовательные), чтобы поддержать изучение традиционности и ослабить проникновение западных либеральных идей в женское движение и женские исследования, гендерную историю и гендерную антропологию. Но преодолеть разобщенность двух дискурсов в научном пространстве, как и различных центров женских и гендерных исследований в Восточной Европе можно и нужно. Надо ставить задачу быть понятыми и услышанными не только представителями своих научных групп и центров, но и теми, кто к ним не принадлежит, встречаться на конференциях, быть терпимее и искать пути обмена мнениями. Диссенсус, толерантность к мнению другого, готовность его выслушать, понять его логику – основа для будущего взаимодействия ныне непримиримых и враждующих.

Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и в рамках проекта РФФИ 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. *Barclay K. Love, Intimacy and Power: Marriage and Patriarchy in Scotland, 1650–1850.* Manchester: Manchester University Press, 2011.
2. *Bennett J.M. Feminism and History // Gender and History.* 1989. Vol. 1 (3). P. 251–272.
3. *Boxer M.J. When Women Asked the Questions. Creating Women's Studies in America.* Baltimore, 1998.
4. *Boydston J. Gender as a Question of Historical Analysis: Gender, Change and Periodisation // Gender & History.* 2008. Vol. 20. No. 3. P. 558–583.

5. *Brown, Wendy*. The Impossibility of Women's Studies // Differences. Vol. 9. No. 3 (1997). P. 79–101.

6. *Charewiczowa L.* Est-il fonde d'ecrire une histoire speciale de la femme? // La Pologne au 7-e Congres International des sciences historiques. Vol. 1. Warsaw, 1933. P. 309–313.

7. *Dayton C.H., Levenstein L.* The Big Tent of U.S. Women's and Gender History: A State of the Field // Journal of American History (2012). Vol. 99. No. 3. P. 793–817.

8. *Frederickson M.E.* Going Global: New Trajectories in U.S. Women's History // History Teacher. 2010. Vol. 43. No. 2. P. 169–189.

9. *Hershatter G., Zheng W.* Chinese History: A Useful Category of Gender Analysis // American Historical Review. Dec 2008. Vol. 113 (5). P. 1404–1421.

10. Histoire de La Vie Privee Des Francais Depuis L'Origine de La Nation Jusqu'a Nos Jours // Par dir. M. Le Grand D'Aussy. Paris: Nabu Press, 2012.

11. Historia de las mujeres en España y América Latina. Vol. 1–4. (Ed. by Morant I.). Madrid: Ediciones Cátedra, 2005.

12. History of Women in the West. Series ed. by Georges Duby, Michelle Perrot. Vol. I–V. Harvard: Harvard University Press, 1991–1996.

13. *Kaplan C., Alarcon N., Moallem M.* (eds.) Between Woman and Nation: Nationalism, Transnational Feminism and the State. Durham: Duke University Press, 1999.

14. *Kelly J.* Did Women Have a Renaissance? // Becoming Visible: Women in European History. Ed. by Renate Bridenthal, Claudia Koonz. Boston: Houghton-Mifflin, 1977. P. 137–164.

15. *Kelly J.* Women, History, and Theory. Chicago, University of Chicago, 1984.

16. *Lerner G.* Why History Matters: Life and Thought. Oxford and New York, 1997.

17. *Maleckova J.* Nationalizing Women and Engendering the Nation. The Czech National Movement // Blom I., Hagemann K., Hall C. (Hg.): Gendered Nations. Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century. Oxford, 2000. P. 293–310.

18. *McClintock A., Mufti A., Shohat E.* (eds.) *Dangerous Liaisons: Gender, Nation and Postcolonial Perspectives*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997;

19. *Offen K.* Surveying European Women's History since the Millennium: A Comparative Review // *Journal of Women's History*. Vol. 22, No. 1, Spring 2010. P. 154–177.

20. *Rowbotham S.* The Trouble with Patriarchy // *People's History and Socialist History* / Ed. by Raphael Samuel. London: Routledge & Kegan Paul, 1989. P. 365.

21. *Scott J.* Gender: A Useful Category of Historical Analysis // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91 (5). P. 1053–1075.

22. *Sperling V., Ferree M., Risman B.* Constructing Global Feminism: Transnational Advocacy Networks and Russian Women's Activism // *Signs*. Vol. 26. No. 4 (Summer, 2001). P. 1155–1186.

23. *Strobell M., Bingham M.* The Theory and Practice of Women's History and Gender History in Global Perspective // *Women's History in Global Perspective*. Ed. by Bonnie G. Smith. Vol. 1. 2004.

24. *Voronin, Olga.* Has Feminist Philosophy a Future in Russia? // *Signs*. Vol. 34. No. 2 (2009). P. 252–257.

25. *Weigman R.* The Possibility of Women's Studies // *Women's Studies for the Future* / Ed. by Elizabeth Lapovsky Kennedy and Agatha Beins. New Brunswick, 2005. P. 40–60.

26. *Wiesner-Hanks Merry E.* Do Women Need the Renaissance? Gender, Change and Periodisation // *Gender & History*. 2008. Vol. 20. No. 3. P. 539–557.

27. *Women's History in Global Perspective* / Ed. by Smith B.G. Vols. 1–3. Univ. of Illinois Press, 2004–2005.

28. *Воронина О.А.* Формирование гендерного подхода в социальных науках // О.А. Воронина. Гендерный калейдоскоп: курс лекций. М., 2001. С. 8–33 (25).

29. *Жеребкина И.А.* Гендерные 90-е или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003.

30. *Жеребкина И.А.* Радикальное разрушение бинарной оппозиции Запад-Восток: западные философские теории поэтического и советские поэтические практики 60-х // *Интеллектуальная Россия*. 15.07.2011. URL: <http://www.intelros.ru/intelros/reiting/>

reyting_09/material_sofiy/8992-radikalnoe-razrushenie-binarnoj-opozicii-zapad-vostok-zapadnye-filosofskie-teorii-poyetich

31. История женщин на Западе : в 5 т. / ред. русского перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2005–2015.

32. *Пушкарева Н.Л.* Два типа дискурса в изучении женской и гендерной истории и перспективы их сближения // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья / ред. В.А. Космач. Ч. 1. Витебск, 2007. С. 298–303.

33. *Пушкарева Н.Л.* Внедрение гендерного знания в современную российскую систему исторического образования // Гендер в фокусе. Минск: Экоперспектива, 2018. С. 173–176.

34. *Тебо Ф.* Жіноча та гендерна історія у Франції: характеристики та сучасні тенденції // Жіття. Українська правда. 02.03.2015.

35. *Щербаненко Э.* Феминизм в отечественных тонах. Размышления о Первом независимом женском форуме, и не только о нем // Правда. 8 мая 1991. № 110 (26558).

Наталья Пушкарева,
*председательница Российской ассоциации
исследователей женской истории,
руководитель Центра гендерных исследований ИЭА РАН,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Лилия Заболотная,
*главный научный сотрудник
Национального музея истории Молдовы (Кишинев),
директриса XIV Международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории*

РАЗДЕЛ 1

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОЧНИКИ ПО ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И ГЕНДЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

1.1. Ежедневные дневниковые записи как важнейший источник женской истории

В.С. Трофимова

Санкт-Петербург, независимый исследователь

«Дневник» Коттона Мэзера как источник сведений по женской социальной истории Новой Англии рубежа XVII–XVIII вв.

История пуританок Новой Англии в колониальную эпоху (XVII–XVIII вв.) не является популярной темой для исследований среди женщин-историков в России, хотя еще в XIX в. известная писательница и литературный критик М.К. Цебрикова написала книгу, посвященную американкам XVIII в. [2]. Из жительниц Новой Англии XVII в. наиболее известны проповедницы (напр., Энн Хатчинсон) и первая североамериканская поэтесса Энн Бредстрит.

Коттон Мэзер (1662–1728), проповедник, писатель, натуралист из Бостона, давно известен как историком, так и литературоведам, специализирующимся в области колониальной истории Северной Америки. Однако его «Дневник» (1681–1724) лишь недавно, в 2013 г., был введен в российский научный оборот, хотя опубликован он был еще за сто лет до того [1, с. 30]. Этот значительный памятник раннеамериканской мемуарной литературы в России практически не изучен, в особенности как источник по социальной истории Новой Англии этого периода. Помимо «Дневника», значительный интерес представляют записи Северной церкви в Бостоне, в которой К. Мэзер служил пастором и

которые сделаны его рукой в период с начала 1690-х годов по 1724 г. Часть этих записей опубликована в примечаниях к «Дневнику», изданному впервые в 1911–1912 гг. В данной статье я ставлю целью определить, какие проблемы женской социальной истории Коттон Мэзер поднимает в своем «Дневнике» и в записях Северной церкви и оценить, какой интерес представляет его текст как источник сведений по женской социальной истории того времени.

Говоря современным языком, в «Дневнике» и в записях Северной церкви поднимаются следующие женские социальные проблемы: детоубийство – с 1693 г.; женское образование – с 1696 г.; харассмент – с 1697 г.; сексуальное насилие – 1699 г.; женское пьянство – с 1705 г.; домашнее насилие – с 1706 г.; бедность и вдовство – с 1711 г.; проституция – с 1713 г.; положение служанок – 1717 г.; женоубийство – 1721 г. Описания случаев детоубийства матерями-одиночками появляются в «Дневнике» Коттона Мэзера раньше всех остальных женских социальных проблем. По «Дневнику» длинной вереницей проходят американские «Гретхен». Первый случай, описанный в «Дневнике», относится к 1693 г. Две женщины (одна белая, другая негритянка) обвиняются в убийстве своих незаконнорожденных детей [3, р. 165]. Подобные случаи также описаны в 1698 и 1718 гг.

Женское образование – тема, которая красной нитью проходит по «Дневнику» Мэзера. Отец девяти дочерей, из которых четыре достигли зрелости, он начинает размышлять об их обучении с 1696 г., когда его старшей дочери Кэтрин было семь лет [3, р. 201]. С 1711 г. тема образования дочерей становится в его «Дневнике» не менее важной, чем тема обучения сыновей. Мэзер собирается учить дочерей писать, а также обучать их стенографии, основам медицины и диетологии [4, р. 43, 153, 205, 276]. Особое внимание он уделяет образованию дочери Лиззи, которая ходит в школу [4, р. 88, 278, 380, 387, 523, 527, 556].

Проблема харассмента (очевидно, что Мэзер нигде не называет сексуальные домогательства и приставания к женщинам этим словом, но подразумевает именно его) впервые возникает в записях Северной церкви в 1697 г. Некая Абигаиль Дей, женщина, живущая в богадельне, обвинила начальника богадельни в

домогаательствах, но обвинение не подтвердилось [3, р. 226]. Наиболее ярким эпизодом в «Дневнике», посвященным харасменту, стала история с пастором-самозванцем, приехавшим в 1699 г. из Англии, который, по словам К. Мэзера, приставал к благочестивым бостонским прихожанкам [3, р. 324].

В записях Северной церкви, опубликованных в примечаниях к «Дневнику» К. Мэзера, удалось обнаружить и случай сексуального насилия. К 1699 г. относится пространная запись о развратной женщине, которая обвинила мужчину в том, что он ее развратил. Из текста, хотя и заметно сглаженного, следует, что речь идет о сексуальном насилии [3, р. 309–310].

Проблема женского пьянства также освещена в записях Северной церкви. Удалось обнаружить два таких случая – один 1705 и другой 1706 г. [3, р. 526, 569–570]. В обоих случаях прихожанки подверглись процедуре отлучения от церкви. Подробностей К. Мэзер не дает.

Под домашним насилием мы будем подразумевать не только насилие физическое, но и психологическое. С этой проблемой К. Мэзер столкнулся в собственной семье в 1706 г., когда в возрасте 26 лет умерла его сестра Ханна. К. Мэзер открыто пишет о том, что муж Ханны довел ее до смерти, используя, выражаясь современным языком, методы психологического насилия. Но, учитывая тот факт, что К. Мэзер называет его «бешеным зверем» и «монстром» и упоминает немаловажную деталь, что Ханна длительное время страдала хроническим носовым кровотечением, можно сделать предположение, что муж применял к ней и физическое насилие (скорее всего, бил по голове) [3, р. 576–577]. В середине 1710-х годов К. Мэзер снова поднимает этот вопрос в своем «Дневнике», описывая проблемы падчерицы – дочери третьей жены. Мужа падчерицы он называет «ужасным, упрямым и порочным», и говорит о его «невыносимой тирании» [4, р. 342, 362–363]. Та же тема снова звучит в «Дневнике», уже в связи с одной из прихожанок, в 1724 г. [4, р. 766, 774].

Тема женской бедности, зачастую связанной с вдовством, занимает значительную часть «Дневника» К. Мэзера, начиная с

1711 г. Согласно оценке автора «Дневника», в 1718 г. вдовы составляли пятую часть его прихожан [4, р. 516]. Если верить К. Мэзеру, он проявлял к ним особую пасторскую заботу.

Тема проституции возникает в «Дневнике» К. Мэзера в 1713 г., когда он узнает о существовании в городе нескольких публичных домов. Однако он не проявляет интереса к положению самих проституток, а занимается выяснением, кто из мужчин посещает публичные дома [4, р. 229, 235, 612].

В 1717 г. К. Мэзер обращается к положению служанок. В это время он дает прибежище служанке, которая бежала из порочной семьи, а также оказывает поддержку двум сестрам, приехавшим из Голландии и поступившим в услужение, которых, по его словам, нужно выкупить у хозяина [4, р. 451, 546]. В отличие от первого случая, в котором семья напрямую названа «порочной», история с двумя сестрами не столь ясная.

Случай женоубийства описан К. Мэзером в дневниковых записях за 1721 г. Он обращается к истории чернокожего, убившего свою жену. Это преступление вдохновляет автора «Дневника» на проповедь, направленную против порочных и упрямых мужей [4, р. 618, 620]. Фактически Мэзер развивает тему, начатую еще в 1706 г. при описании случая с сестрой Ханной, и показывает, к чему может привести домашнее насилие.

В «Дневнике» К. Мэзера отсутствует анализ причин женских социальных проблем. Он лишь констатирует их, используя опыт собственной семьи и своих прихожан. Между тем его «Дневник» и записи Северной церкви являются важными источниками как при изучении конкретных кейсов, так и для социологических исследований в исторической перспективе. Особенно плодотворно использование «Дневника» К. Мэзера вместе с другими мемуарными источниками, а также вместе с протоколами судебных заседаний и материалами судебных дел того времени.

Коттон Мэзер интересовался женскими проблемами, прежде всего, как отец дочерей и пастор Северной церкви. Его интерес унаследовали и его потомки: его внучка, Ханна Мэзер Крокер (1752–1829), была автором первого в Соединенных Штатах Америки произведения на феминистскую тему – «Наблюдение над

реальными правами женщин» (1818). Кроме того, она основала первую в Северной Америке сугубо женскую масонскую ложу.

Список источников и литературы

1. *Волкова Е.С.* Идеиные дискуссии в пуританизме Новой Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. МГУ, Москва, 2013.

2. *Цебрикова М.К.* Американки XVIII века. СПб.: В типографии Ф.С. Сущинского, 1871.

3. *Mather C.* *Diary of Cotton Mather 1681–1708.* Boston: Massachusetts Historical Society, 1911.

4. *Mather C.* *Diary of Cotton Mather 1709–1724.* Boston: Massachusetts Historical Society, 1912.

А.В. Фролова, И.Ю. Зая

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

К истории изучения женских дневников XX века: историографический очерк

В начале XXI века дневники продолжают оставаться жанром малоизученным и недостаточно осмысленным теоретически, хотя именно женский дневник наиболее демократичен по содержанию. Его универсальность, разнообразие форм дают возможность непосредственного свободного выражения своих мыслей и чувств. Дневник как жанр наряду с автобиографией, воспоминаниями и записками является частью мемуарной литературы. Дневник – это текст, написанный для себя, а не для посторонних глаз, описывающий только что случившееся, событие как личной, так и глобальной значимости, с указанием дат создания и с периодичной пополняемостью. Именно поэтому дневниковым записям свойственна, как замечает Анна Зализняк, «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей,

интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [1, с.163].

История жанра насчитывает более пяти столетий, к концу XVII – началу XVIII вв., формируется особый интерес к личности автора дневника, его внутреннему миру, чувствам. Безусловно, что в подавляющем большинстве это были мужские дневники, среди них необходимо отметить редкий памятник дневникового творчества на русском языке, относящийся также к XVII в., – дневник Марины Мнишек [2].

Наибольшие трансформации дневник претерпевает в XX столетии. Век мировых войн и глобальных общественных сдвигов меняет и его гендерный вид. XX век переворачивает все устои, личный дневник начинают вести повсеместно, в этот процесс активно включаются и женщины: политические фигуры (например, дневник королевы Виктории [5]), актрисы, художницы (Фрида Кало) [6]. Вторая Мировая Война открыла широкому читателю и исследователю новые имена женщин только благодаря тому, что они вели свои дневники, описывающие пережитое лично во время войны (Анна Франк, Таня Высоевич, Таня Савичева) [3, 4]. О популярности дневника говорит то, что в XX веке возникает жанр дневника-подделки, к нему относится, например, дневник Евы Браун.

Женский дневник представляет собой в жанровом виде собственно личностный дневник, такой как дневник Анны Франк, в котором сила впечатления от излагаемого зависела от исторического трагического контекста, и, так называемые, дневники профессиональные, имеющие форму ежедневных воспоминаний, состоящие из записей, ведущихся на протяжении некоторого времени. В них наблюдаются внешние признаки дневникового повествования – датированность, периодичность ведения; автором приводятся документальные свидетельства, разговоры людей, выдержки из писем, собственные наблюдения; немного описаний внутренних переживаний, то есть преобладает фиксация внешних событий. В профессиональном дневнике, в отличие от бытового, автор мало пишет о себе, зато отмечает всё, что, по его мнению, должно представлять исторический интерес, либо приводит

тщательно отобранные отдельные факты и детали, которые в совокупности создают художественное единство. Особенно интересны подобные дневниковые записи ученых-этнографов [12].

В России в первой половине XX в. в основном издавались дневники активных участников революции и Гражданской войны, социалистического строительства. Практически все авторы были мужчинами, чье внимание в дневниках обращено на описание героизма, доблестных побед, пафоса созидания и т. д. В целом же дневники в советские годы публиковались редко, и, как правило, в сокращении. Многие дневниковые записи, в том числе изданные в свое время за рубежом (среди наиболее известных – серия «Архив русской революции» в 22 тт.), стали достоянием общественности начиная с 1990-х годов. В период перестройки интерес к женским дневникам по истории 1930-х годов существенно возрос. Заметно расширился и круг источников, ранее остававшихся недоступными для специалистов. К таковым следует отнести дневники Нины Луговской [8].

Историографическим событием стал выход в 1995 г. в США книги «Интимность и террор. Советские дневники 1930-х гг.» – единственной в своем роде публикации, объединившей дневники советских граждан этого времени, главным образом – деятелей культуры [7].

С конца 1980-х годов и по настоящее время не прекращается мемуарный публикаторский бум. Активно публикуются дневники и воспоминания, основанные на дневниковых записях литераторов, историков, деятелей «белого» движения (чаще уже издававшихся когда-то за рубежом), политиков и журналистов – по современной истории России. Конечно, среди опубликованных женских дневников к самым значимым нужно отнести дневник А.М. Коллонтай – одной из ярких фигур в руководстве Советской России [9]. Двухтомник, наполненный зафиксированной автором дипломатической информацией, сугубо личными впечатлениями, комментариями, уникальными деталями советской политической «кухни», охватывает значительный хронологический отрезок времени с 1922 по 1940-е годы.

Для исследователей женских дневников большой интерес продолжают представлять архивные материалы, неисследованные

письма, дневники из закрытых фондов хранения (как дворянские дневники, так и крестьянские, такие, как Харитины Третьяковой – первой женщины-депутата Верховного Совета РСФСР). [11].

В наши дни в новых дневниках находит свое продолжение тенденция предыдущих веков по максимальной демократизации жанра, сейчас любой исследователь может вести свой блог, создать свой дневник-блог. Интересным интернет-ресурсом является «Прожито.ру», в котором наряду с постоянными интернет-публикациями дневников представлены материалы по их изучению.

Женский дневник – один из немногих живых литературных жанров, интерес к которому со стороны исследователей и читателей со временем не угасает. Само исследование женских дневников XX века дает богатый фактологический материал и основания для выстраивания так называемой «внутренней истории» женского движения и описания и осмысления процессов вовлечения женщин в активную социальную жизнь. Исследовательский интерес к женским дневникам как к историческому источнику не ограничивается сугубо гендерной проблематикой [12], поскольку изучение женских дневников позволяет высветить именно те аспекты жизни человеческих обществ, которые не находят достаточного отражения в других нарративных источниках, но просто необходимы для восстановления целостного представления о прошлом.

Список источников и литературы

1. *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 106. С. 162–181.
2. Дневник Марины Мнишек. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
3. *Анна Франк.* Убежище, дневник в письмах. М.: Текст, 2019.
4. *Таня Высоевич.* Военный дневник и блокадные письма. 22 июня 1941 – 1 июня 1945. СПб.: Аврора, 2019.
5. Дневники королевы Виктории. URL: <https://free-proxy-list.net/anonymous-proxy.html>
6. The Diary of Frida Kahlo. New York: Abrams books, 2014.
7. URL: <https://rev-lib.com/arhiv-ruskoj-revoljucii-gessena>

8. Интимность и террор. Советские дневники 1930-х годов. Нью-Йорк, 1995. (на англ. яз.)

9. *Луговская Н.С.* Хочу жить... : Из дневника школьницы: 1932–1937. По материалам следственного дела семьи Луговских. М.: Формика-С, 2003.

10. *Коллонтай А.М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 1–2. М., 2001.

11. Государственный архив Архангельской области. Ф. 43. Воспоминания участников революционных преобразований в деревне. Ф. 270. Архангельское общество краеведения.

12. *Власова И.В.* Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2014.

З.Р. Гафурова

*Москва, Национальный исследовательский
технологический университет МИСиС*

**Исследование женского дневника в контексте борьбы
против скрытой гендерной дискриминации
(дневник Л.В. Шапориной, 1898–1967)**

Вопрос о скрытой гендерной дискриминации не менее важен, чем об открытой. Скрытая дискриминация опасна тем, что она создает атмосферу, в которой акты дискриминации получают определенный статус легитимности и оправдание, обращаясь к национальным стереотипам или мнениям других людей. Случай, произошедший в апреле этого года во время приема руководства Европейской Комиссии президентом Турции, когда равную по статусу с главой Евросоюза Шарлем Мишелем главу Еврокомиссии Урсулу фон дер Ляйен посадили на диванчик, в то время как мужчины расположились в креслах, неслучайно всколыхнул общественность. Никакие ссылки («в Турции так принято», «никто же не обиделся») не могли скрыть тот факт, что под флером доброжелательства наличествовала иллюзия решения женского вопроса. Будучи, прежде всего, порождением стереотипного мышления, взгляды сторонников скрытой дискриминации нуждаются

в глубоком контекстуальном анализе для своего искоренения. Исследование женских дневников в этом аспекте приобретает большое значение, ибо откровенный текст его авторов «оказывается инструментом, позволяющим удостовериться, что я ни на что не закрываю глаза, ничего не скрываю от самой себя – наоборот, оно [письмо] помогает мне вернуться к себе и все тщательно исследовать» [1, с. 34].

Одним из самых интересных материалов в рассматриваемом нами вопросе является дневник Любови Васильевны Шапориной (1879–1967), известной театральной деятельницы, художницы, переводчицы, жены советского композитора Ю. Шапорина. Ее дневник, который она вела с 1898 по 1967 гг., представляет собой обширный материал с огромным числом действующих лиц, событий, культурных мероприятий, блокадных дней, зарубежных путешествий. Нас здесь, прежде всего, интересует социальная тематика. Так как основным местом событий в жизни Любови Васильевны был Ленинград, мы обратимся к ее записям, отражающим решение женского вопроса в России после Революции 1917 года (непосредственно в Ленинграде) в свете появления и закрепления в советском обществе образа «новой женщины» пролетарской культуры.

После Революции 1917 года в России в экономическом, политическом и социальном форматах был задекларирован комплекс допущения равенства основных возможностей для женщин. Но при этом советская власть некоторым образом «замолчала» все прежние достижения России в женском равноправии и по умолчанию «приписала» себе многие позитивные факты, такие, например, как «всеобщее избирательное право без различия пола», принятое еще Временным правительством 20 июня 1917 г. Советская власть поставила себе в заслугу появление понятия «новая женщина», имея в виду женщину, свободную от социального угнетения и предрассудков. В дневнике Л.В. Шапориной поднимается вопрос о соответствии понятий «новый человек», «новая женщина», «новая социальная роль» женщины реалиям советского общества. Ее записи убедительно показывают, что воспевание в социалистической культуре образов женщины-матери, женщины-подруги и т.п. оказалось, по сути, стремлением

загнать людей в привычные и удобные рамки. Представление о полном решении проблемы женского равноправия было иллюзией, а скрытая гендерная дискриминация проявлялась во всех сферах общества. При этом Шапорина убедительно показывает, какой конкретный ущерб качеству культуры, образования и науки приносила гендерная дискриминация.

Какова же была «новая социальная роль» советской женщины, и была ли она вообще? – ответы на эти и другие вопросы мы находим на страницах шапоринского дневника. Прежде всего, отмечает автор записок, у нее не было экономической свободы, то есть она была экономически не свободна, что выражалось в отсутствии работы, и по этой причине – не было достаточно средств для поддержания жизни; в отсутствии условий для работы матери, имеющей детей и желающей уделять им определенное время, и по этой причине – семейные проблемы. Картинка с изображением жизни, полной радостного социалистического труда, превращается в другую: «Я служу, работаю или ищу работу» [2, с. 78], а «денег дома не было» [2, с. 80] и «дети голодные» [2, с. 81]. Тема голода тревожным звуком проходит через весь дневник. 1917 год – «А голод все усиливался» [2, с. 71]; 1930 год – «Чем будем кормиться?» [2, с. 88]; блокада – «Я невероятно голодаю это время» [2, с. 92]; 1948 год – «Девочки второй день без хлеба» [3, с. 82] и почти в конце жизни (1965 год): «Живу впроголодь» [3, с. 404]. Заметим, что Шапорина часто пишет не о свободе как таковой, а об отсутствии свободы в условиях, когда жизнь определялась, прежде всего, необходимостью преодоления элементарного голода. И если сегодня наша проблема – как удовлетворить основные потребности минимумом заработанных средств, то проблема того времени – как вообще удовлетворить эти потребности. Разумеется, в таких условиях тотального беспокойства и страха никто не ощущал себя свободным, и женщины прежде всего. Исторически поставленная в центр бытования семьи женщина более других переживает и беспокоится по поводу денег и других средств добычи необходимых условий жизни: еды, жилья, одежды. Более того, вот это, исторически определенное условиями обитания и общественного поведения положение никем не оспаривается и «навешивается» на женщину как само

собой разумеющееся и не подлежащее изменению! Здесь явная «скрытая гендерная дискриминация», когда люди отказываются пересматривать свои стереотипы, даже когда им прямо указывают, насколько они далеки от реального осознания проблемы.

Когда мы поднимаем вопрос об ущербе дискриминации по гендерному признаку в образовании, нужно обратиться к страницам дневника Шапориной, касающимся роли женщины в воспитании детей. Почти все «руководящие деятельницы» эпохи царственного феминизма в России XVIII в. ставили своей задачей повышение образованности общества с помощью жен и матерей. Можно сказать, что это была своеобразная образовательная программа Российской империи. Поэтому традиции частного (семейного) образования столь сильны в России. Более того, отсюда частично проистекают истоки стереотипа перекладывать на мать проблемы воспитания и будущего детей. В силе этого стереотипа можно убедиться, заглянув на любое родительское собрание в современной российской школе: большинство его участников – женщины. В годы советской власти этот огромный и, без преувеличения, очень ответственный труд женщин определялся как необходимый и естественный элемент труда домохозяйки, а последний ценился значительно ниже общественного. Следует сказать, что сам труд домохозяйки в те годы, принимая во внимание низкий уровень домашней техники и технологии, был чрезвычайно тяжелым. 31 июля 1949 г. Шапорина пишет: «Как-то вечером заходила ко мне А.А. Ахматова. Ей очень трудно живется. Домработницы держать она не в состоянии, и А.А. превращена в домохозяйку» [2, с. 133]. Обремененная детьми (своими и взятыми на воспитание) Шапорина часто не могла найти работу, позволяющую ей сочетать воспитание детей с трудовой деятельностью, поэтому переходила в статус домохозяйки и сразу лишалась многих возможностей сносного существования. У Шапориной хорошо показано, как из «новой социальной роли» женщины вылезает ее старое обличье. Так как быт подчинялся «общему делу», в котором ведущее положение занимал «строитель новой жизни» (мужчина), то женщине отводилась почетная роль его

верной подруги, товарища, помощницы мужа. Она стирает, готовит, создает условия для успехов мужа, полностью разделяет его взгляды, т.е. целиком отдается мужскому жизнеустройству. А если вдруг она потребует внимания к своим интересам, то она, конечно, мешанка и пережиток прошлого. На страницах дневника Шапорина пишет, что все возможные житейские блага и нормальные условия проживания были даны ей не как создательнице первого кукольного театра марионеток, художнице, переводчице, а как жене орденоносного композитора Юрия Шапорина. То есть, даже в личном «послужном списке» любая советская женщина могла столкнуться со скрытой дискриминацией, воспринимаемой как норма.

Самым весомым доказательством актуальности проблемы скрытой гендерной дискриминации, как ни удивительно, являются слова одного из составителей и комментаторов дневника Л.В. Шапориной – В. Сажина. На вопрос: «Отчего же при всех этих успехах, творческой насыщенности жизни и искренней любви многих окружавших Шапорину людей ей представлялось, что она ничего в жизни не добилась?», он отвечает следующим образом: «Проблема, видимо, состояла, как ни парадоксально, в своеобразной цельности ее натуры: верности некогда сформировавшимся убеждениям, идеалам, этическим нормам (иной назвал бы это догматизмом)» [2, с. 16]. Проще говоря – «сама виновата». То есть, если мы рассматриваем «несложившуюся» женскую историю, то напроочь отмечается влияние среды, режима, общественных институтов, а в нашем случае – и всех правил и обстоятельств строительства жизни в советских условиях.

Нельзя отрицать, что вопросы гендерной дискриминации, как и вообще дискриминации, чрезвычайно сложная и неоднозначная вещь. Материалы женских дневников позволяют подойти к их рассмотрению «изнутри», когда с позиции жертвы дискриминации, когда – исполнителя дискриминационного акта. И это особенно важно в разоблачении скрытой гендерной дискриминации. Дневник Л.В. Шапориной в такого рода исследованиях, с его объ-

емной фактологией, подробным описанием, логикой и фокусированием внимания на существенных вещах, является необходимым материалом для объективных выводов и размышления.

Список источников и литературы

1. Между политическим гневом и страхом смерти (с Мартой Нуссбаум беседует Арнис Ритупс) // Rigas Laiks: русское издание. 2015. Осень. С. 30–39.

2. *Шапорина Л.В.* Дневник. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1; Т. 2.

М.Г. Котовская, Э.Г. Швец

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,*

Российский государственный гуманитарный университет

Дневник Марии Башкирцевой как источник по истории гендерной педагогики (особенности обучения в Академии Жулиана во второй половине XIX в.)

Дневник художницы Марии Башкирцевой (1858–1884) относится к разряду наиболее известных мемуарных произведений XIX в. Опубликованный в 1887 г. и обросший большим корпусом исследовательской литературы, Дневник привлекал (и привлекает) внимание читателей как в России (Цветаева, Лев Толстой, Брюсов, Хлебников), так и за границей (Шоу, Батай, Сартр) [1].

Одним из самых актуальных аспектов этого Дневника является описание гендерной ситуации в европейской художественной среде во второй половине XIX в. и ее восприятие, с довольно радикальных позиций, самим автором. Здесь можно, параллельно Дневнику, обратить внимание на другие литературно-публицистические вещи Марии Башкирцевой, к примеру, ее статьи 1880-х годов под псевдонимом «Полин Оррель», в которых она пытается отстаивать права женщин-художниц на прием в Академию изящных искусств в Париже. Сама Башкирцева училась (1877–1881) в знаменитой Академии Жулиана, первом, но не единственном

французском художественном заведении того времени, принимавшем на обучение женщин. Именно поэтому более трети Дневника может быть охарактеризовано как «ученические записи», ибо размышления, оценки, выводы делаются автором в контексте академического обучения. Это огромный материал, позволивший уже в XX в. известной исследовательнице Энид Циммерман, с упором на Дневник, раскрыть особенности женского академического обучения.

Описание Башкирцевой занятий в Академии Жулиана снимает ряд историографических проблем, связанных с изучением процессов формирования европейских художниц XIX в. [2]. Раздельное обучение женского и мужского классов выглядит в Академии Жулиана далеко нетривиальным, потому что смешанное обучение отрицалось по причине недопущения женщин к обзору и рисунку живой обнаженной натуры. В Академии Жулиана сохранялось раздельное обучение, однако существовал класс обнаженной натуры, посещаемый женщинами-художницами. Стереотип раздельного обучения господствовал даже в этой, довольно прогрессивной учебной институции. О мере прогрессивности жулианских преподавателей и процесса обучения в контексте демократических тенденций искусства последней трети XIX в. говорит описание Башкирцевой процесса выбора темы работ для академических салонных выставок. Так, Жулиан поддержал работу Башкирцевой для Салона 1880 года под названием «Молодая женщина, читающая книгу “К вопросу о разводе” Дюма», на которой изображена женщина, увлеченная вопросом, занимавшем общество. Однако он был категорически против другой ее работы для Салона 1881 года, когда ознакомился с эскизом картины. Это был портрет в стиле ванитас, где обнаженная курящая натурщица гордо восседала на стуле на фоне скелета с трубкой. Объективно выписан на страницах Дневника гендерный принцип поощрения художников. В январских записях 1879 г., во время проведения в Академии конкурса рисунка, Башкирцева отмечает доминирование того, что «ценят мужчины» в художествах: чистоту, энергию и чувство правды, отвергая как несущественное отделку и изящество. И в итоге она получает медаль за свой рисунок, следуя в своем творчестве «мужскому подходу». [3]. Таким образом,

Дневник Марии Башкирцевой является яркой иллюстрацией гендерной педагогики в ее различных аспектах в сфере художественного образования, прежде всего.

Текст Дневника позволяет провести определенные сравнения французской системы художественного образования с российской. В России в это время художественное профессиональное образование для женщин существовало ограниченно в стенах Императорской Академии художеств. Вольнослушательницы обучались в специальных женских классах, но не могли претендовать на права и привилегии получения звания классного художника и пенсионерскую поездку после завершения академического курса. Только в 1890–1910-е годы они становятся полноправными участницами художественного процесса – согласно справочнику С.Н. Кондакова [4]. Альтернативного художественного образования в России не существовало до 1890-х годов. В 1899 г. Елизавета Званцева открыла в Москве частную художественную школу, в ней преподавали К.А. Коровин, В.А. Серов и Н.П. Ульянов. В 1906 г. Званцева переехала в Петербург и открыла новую Художественную школу, одно из передовых частных художественных учебных заведений России. Эти частные учебные заведения были созданы по образу и подобию парижских Академии Жулиана, Академии Коларосси и еще десятка частных учебных заведений в Европе.

Поэтому женщины в России второй половины XIX в., выбирая для себя возможность получения профессионального образования, обращали свое внимание на европейские учебные художественные заведения. На те из них, где были открыты специальные женские классы. Эта первая фаланга женщин, получивших профессиональное художественное образование, во многом обусловила полноправный, наравне с мужчинами, приход женщин в творческие профессии. Сюда относятся ученицы частных французских Академий, приехавших, как и Мария Башкирцева из России: Е. Званцева, Е. Зарудная-Кавос, А. Голубкина, В. Мухина, Н. Симонович-Ефимова.

Возвращаясь к Дневнику Марии Башкирцевой, к ее «ученическим записям», к ее эмоциональному переживанию гендерной

диспозиции и осмыслению господствовавшей парадигмы, – видишь не только историю профессионального становления отдельной женской художественной натуры, но и женского профессионального художественного образования в целом в традициях и новациях.

Список источников и литературы

1. *Башкирцева М.* Дневник. URL: https://librebook.me/marina_bashkirceva_dnevnik (дата обращения: 27.04.2021).
2. *Креспель Ж.-П.* Повседневная жизнь импрессионистов. 1863–1883. М.: Молодая гвардия, 2012.
3. *Александров Л.* Подлинная жизнь мадемуазель Башкирцевой. М.: Издатель Захаров, 2003.
4. *Кондаков С.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств: 1764–1914 / сост. Кондаков С. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914–1915.

А.И. Громова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

«Дневник русской женщины» как источник по антропологии женской телесности (конец XIX – начало XX в.)

Елизавета Александровна Дьяконова родилась в 1874 г. в провинциальной купеческой семье, поступила (несмотря на препятствия со стороны матери) на словесно-историческое отделение Высших женских курсов, затем, закончив их, – на юридический факультет Сорбонны, учебу на котором прервала ее загадочная смерть (самоубийство?) в австрийских Альпах в 1902 г. Она начала вести дневник в 1886 г., когда поступила во второй класс Нерехтской Мариинской женской гимназии (ей тогда было 11 лет), и продолжала его вплоть до своей трагической гибели. Рукописи впоследствии были собраны и опубликованы ее братом. Дневник Елизаветы отражает как внутреннюю жизнь молодой женщины на излете столетия (ее душевное состояние, мысли,

страхи, желания), так и внешние ее обстоятельства (социально-политическую ситуацию в Российской империи рубежа веков, проблемы активно проявлявшего себя женского движения, вопросы женского образования и т.д.). Саму Лизу в полной мере можно было назвать и феминисткой, и социалисткой, а биография «этой русской студентки» представляет собой яркий пример духовной жизни молодой образованной женщины «на грани двух веков».

В своем дневнике она в духе времени много рассуждала о пресловутом «половом вопросе», на который у нее был свой ответ. К слову, к собственному телу она относилась очень критически, считала его непривлекательным и долгое время не могла его принять (на протяжении многих лет мысль о собственной «уродливости» заставляла ее жестоко страдать). Кроме того, принятию собственного тела Лизе мешали физические мучения – как она считала, терзавшие ее боли были связаны с «отраженным заболеванием» (скорее всего речь шла о наследственном сифилисе, который передал ей отец); всю жизнь она считала, что страдает за грехи отца, который «до женитьбы вел далеко не нравственную жизнь». Восприятие сексуальных отношений как чего-то «низкого», отвратительного и унижительного для женщины («Неужели Бог так устроил мир, что иначе не может продолжаться род человеческий...» [1, с. 61]), последующее знакомство с произведениями Толстого на соответствующую тему (перед «величием гения» которого Лиза преклонялась) и его нравственно-религиозным учением сформировали у нее вполне определенные взгляды. Прочтя «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого и ознакомившись с этическими взглядами норвежского писателя Б. Бьёрнсона, выраженными в его произведении «Перчатка», она приходит к выводу, идентичному позиции ряда феминисток того времени, выступающих против двойных стандартов в области сексуальных отношений и половой морали: не только женщины, но и мужчины должны создавать супружеский союз, будучи непорочными. По поводу произведения Бьёрнсона она с негодованием пишет в своем дневнике в июле 1893 г.:

«С тех пор, как я прочла статью Гнедича в “Русском Вестнике” – “Вопрос о единобрачии мужчин”, я уже не верю нынешним женихам и их любви. Меня возмутила не самая статья, а выписка из комедии “Перчатка” Бьёрнсона, где невеста возвращает жениху данное ему слово, потому что он знал до свадьбы других женщин. И вот, вместо сочувствия несчастной невесте отовсюду поднимаются вопли негодования, и сам жених на вопрос возмущенной девушки – решился бы он жениться на падшей до замужества – тоном оскорбленной добродетели, читает ей же (!) нотации, что всякий мужчина из его круга почел бы это за позор для себя... Им все можно, а женщинам они не прощают и еще считают позорным союз с подобной себе: они же ее развращают, и они же смеют отворачиваться от нее, делаясь впоследствии “образцовыми” мужьями и отцами семейств. И это везде, везде! и в России, и за границей! О, Боже мой, Боже мой! Точно что оторвалось у меня на сердце, я хотела плакать, но не могла...» [1, с. 82].

Концепция полового аскетизма в отношении обоих полов, конечно, активно обсуждалась среди активисток женского движения. Например, Мария Ивановна Покровская, российская феминистка первой волны, чьи взгляды в зависимости от проблем, которые ею затрагивались, можно было определить и как либеральные, и как радикальные [см., напр.: 3], в своих работах часто фокусировалась на теме половых отношений (и как врач-гигиенист, и как общественная активистка). Покровская выступала за равноправие мужчин и женщин во всех сферах, в том числе и в сексуальной. Помимо всего прочего, Покровская являлась яркой аболиционисткой и, видя в половой невоздержанности мужчин основную причину существования проституции, проповедовала добрачное целомудрие для обоих полов как главное средство борьбы с сексуальным порабощением женщин [2]. В целом ряде статей, лекций и выступлений она стремилась всячески распространять идею сохранения добрачной «чистоты» представителями обоих полов.

Как можно видеть, о «половом вопросе» Дьяконова рассуждала с позиций феминизма того времени – ее требование добрач-

ного целомудрия для обоих полов перекликается со взглядами активисток женского движения. Однако следует отметить, что российское общество начала XX в., даже просвещенная его часть, в целом далеко не было готово к принятию вышеописанных идей, которые высказывались по большей части довольно узкой прослойкой интеллигенции. Концепция, согласно которой мужчина должен сохранять непорочность до брака так же, как его будущая невеста, большинству казалась утопичной и даже нелепой.

Исследование выполнено в рамках плана НИР ИЭА РАН и гранта РФФИ 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006.
2. Покровская М.И. Борьба с проституцией: докл[ад] 2 Отд-нию Русского о-ва охранения нар[одного] здоровья 10 дек. 1899 г. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1900.
3. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007.

А.Н. Горячева

Москва, независимый исследователь

Особенности анализа женских эго-документов в истории повседневности (на примере дневника Н.Д. Андросовой)

В последнее время эго-документы рассматриваются как важная часть источников информации по истории повседневности. Они дополняют картину той или иной эпохи историческими фактами, а также показывают субъективное отношение людей к этим фактам. Источниковедение тесно переплетается и с историей повседневности, и с гендерными исследованиями. Но, как нам кажется, именно женские эго-документы представляют особый интерес, поскольку в сравнении с мужскими они больше акцентированы на быте; причина этому – в гендерных ролях, которые,

несомненно, могут отличаться в зависимости от времени и места, однако роль женщины-хранительницы очага преобладает.

В тезисах будет представлен дневник, принадлежавший Наталье Даниловне Андросовой. В первую очередь необходимо рассказать о самом авторе. Наталья Даниловна – коренная москвичка, жившая в самом центре. Известно, что ее отец был чиновником VI–VIII класса, но кем именно были ее родители и какое положение она занимала до 1917 г. неизвестно. Дневники велись с 1919 по 1932 г. Цель ведения дневника – психологическая разрядка и фиксирование тех или иных фактов и событий.

Первое, что обращает на себя внимание – это подробное и ежедневное описание погоды; встречаются дни, в которых описана только погода, без событий. Также Андросова периодически дает справку по ценам на продукты, отмечая их стремительное повышение. Прослеживается связь автора с дореволюционным прошлым, это отражено как в самом тексте, так и в форме его изложения: Андросова использует старое написание слов, несмотря на реформу русской орфографии 1918 года, также все даты написаны сначала по-старому, затем по-новому стилю, через запятую. В самом тексте автор жалеет о родственниках и знакомых, связь с которыми была потеряна.

Описание быта. Важный аспект: в дневниках отсутствует какое-либо упоминание женской гигиены; поскольку автор принадлежит к интеллигенции, это можно объяснить особенностью воспитания. Однако бытовые ситуации, связанные с трудностями в период разрухи и бедности, описаны подробно (например, отключение отопления, поломка водопровода и канализации).

Психологическое и физическое состояние в дневнике описаны также подробно. В начале его стиль более позитивный и легкий, но со смертью матери и с постоянно ухудшающимся положением текст становится более тяжелым. Также в одной из записей автор отмечает, что ведение дневника ее успокаивает и помогает забыть о проблемах.

Следующий аспект – описание религиозной части жизни, которая занимала большое место, поскольку Андросова была глубоко верующей. В дневниках подробно описаны ухудшение положения церкви, а также взаимодействие церкви и советской власти. Автор тяжело переживает события; например, она приводит

описание процесса над священнослужителями. Посещения церкви упоминаются на протяжении всего текста дневника.

Отношение к большевистскому режиму негативное, но напрямую оно не высказывается (исключение составляет последний год ведения дневника), критика присутствует косвенно, лишь по отношению к последствиям режима – росту цен, голоду и безработице, плохим жилищным условиям и принудительной трудовой мобилизации.

Дневники Н.Д. Андросовой подробно освещают трудности, с которыми приходилось сталкиваться одинокой женщине без поддержки со стороны родственников в Москве 1920-х годов. Дальнейшее исследование данного источника, несомненно, представляет интерес для этнологов, культурологов и для всех тех, кто изучает историю женской повседневности.

Поддержано РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. ОПИ ГИМ. Ф. 92. Ед. хр. 2–10. Дневник Андросовой Н.Д.

Д.Д. Харман

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Дневники, картины, рисунки и акварели Татьяны Мавриной конца 1930-х – начала 1940-х годов: опыт переживания своей телесности в эпоху репрессий и войны

Предметом данного доклада является обращение к личному опыту переживания и освоения своего тела на материале дневников и картин, рисунков и акварелей Татьяны Мавриной конца 1930-х – начала 1940-х годов. Татьяна Маврина (1900–1996), советская и русская художница, известна по своим поздним работам – иллюстрациям к детским книгам (отмеченным, в том числе, пре-

стижной премией им. Г.Х. Андерсена в 1976 г.), зарисовкам русских городов, ярким натюрмортам, поражающим смелостью цветовой палитры. Только в последнее время началось изучение раннего периода ее творчества, связанного с обучением во ВХУТЕМАСе и участием в «Группе 13», отмеченной интересом к изображению обнаженной натуры, и ее «ню» стали включаться в выставки, в том числе и монографические («Ода к радости», ГТГ, 16.04.2021–15.08.2021; «ВХУТЕМАС 100. Школа авангарда», Музей Москвы, 10.11.2020–11.04.2021; «Шальные годы» Монпарнаса. Живопись и графика из собраний Франции, Швейцарии и России, ГМИИ им. А.С. Пушкина, 29.09.2015–29.11.2015; «Пути-дороги Татьяны Мавриной», Государственный музей А.С. Пушкина, 20.12.2011–30.03.2012 и др.). В 2006 г. были изданы дневники Татьяны Алексеевны [3], что дает нам возможность сопоставить ее картины, рисунки и акварели с текстами.

Именно совместное изучение текстов и образов художницы важно в рамках исследований самоидентификации советской женщины 1930-х и 1940-х годов, поскольку проясняет то, как женщины относились к собственному телу, как переживали и репрезентировали свою телесность. Эти вопросы, в свою очередь, приобрели в последнее время актуальность в силу того, что одним из важнейших направлений феминистского анализа сегодня является телесный опыт женщин.

Еще Мэри Дуглас, известный британский социальный антрополог и крупнейшая специалистка в области культурологии и символизма, указала на то, что тело является микрокосмом общества, а контроль телесного выражения есть выражение социального контроля. Французский теоретик культуры Мишель Фуко пошел в этом вопросе еще дальше, размышляя о теле как о зажатом в тисках власти, налагающей на него разного рода принуждения [1, с. 131–132]. В этом контексте фиксирование Мавриной своего телесного опыта, ощущений и желаний в дневниках, а также ее многочисленные живописные отображения обнаженной женской натуры, несмотря на общественное порицание жанра «ню» в советском искусстве тех лет, можно рассматривать как вариант борьбы за право женщины на собственную жизнь в эпоху

Большого террора и войны. Те картины, которые попадали на выставки, громились в советской прессе за «гнилой и неприкрытый буржуазный эротизм» [5, с. 18]. Как дневниковые записи, так и изображения обнаженной натуры не предназначались автором для широкой публики. Для художницы был так же, как результат (а может быть и больше него), важен процесс работы над ними, процесс погружения в свою и чужую телесность, как в иную, альтернативную реальность.

«Ню» Татьяны Мавриной, на первый взгляд, являются продолжением традиции репрезентаций обнаженных женщин в рамках патриархальной культуры. Укреплению этой позиции способствуют и личные эстетические предпочтения Мавриной: художница любила Тициана, Пьера Боннара, Анри Матисса, а одна из ее работ в этом жанре так и называется – «Подражание Ренуару». И только сопоставляя сами изображения с записями в дневнике художницы, мы получим необходимый контекст для интерпретации женской обнаженной натуры у Мавриной. Поэтому столь важен здесь локальный «междисциплинарный» подход (текст и визуальность) к прояснению смысловой значимости ее живописи.

Изображая себя, своих подруг или неизвестных моделей, Маврина никогда не ограничивается внешним взглядом. Глядя на ее работы, зрительница/зритель не просто любит или подглядывает, но словно бы оказывается внутри женского тела, смотрит на себя в зеркало, растворяется в пространстве и зачастую оказывается в компании других обнаженных женщин (скрытая социальная коммуникация). Это не похоже ни на «декадентскую сексуальность» мирискусников, ни на «пролетарский телесный тип» советских модернистов [4, с. 337].

В свою очередь, изображения, благодаря вызываемому ими непосредственному эмоциональному отклику, углубляют и проясняют краткие дневниковые записи. Они не просто иллюстрируют текст, но раскрывают для читателя то, о чем он умалчивает; дают почувствовать, что означает находиться внутри женского тела. Записывая свои переживания, изображая как себя, так и других обнаженных женщин, Татьяна Маврина выходит за рамки

патриархальной культуры, в которой женское тело является объектом. В полном соответствии со словами Симоны де Бовуар, она «познает и выбирает себя в мире, где мужчины заставляют ее принять себя как Другого» [2, с. 40]. Для нее жизнь тела становится неотделимой от разумной и творческой ипостасей ее человеческого существования, и потому мы можем рассматривать ее текстуальные и визуальные интерпретации телесного опыта женщин как важную составляющую в истории женского движения.

Список источников и литературы

1. *Гольман Е.* Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // *Логос.* 2018. № 4 (28). С. 129–156.
2. *Де Бовуар С.* Второй пол. М.: Прогресс, СПб.: Алетейя, 1997.
3. *Маврина Т.* Дневники // *Цвет ликующий. Дневники. Этюды об искусстве.* М.: Молодая гвардия, 2006. С. 26–248.
4. *Сальников В.* Вокруг тела: Нью в творчестве Татьяны Мавриной // *Маврина Т. Этюды об искусстве: Материалы к биографии художника.* М.: Красный пароход, 2019. С. 317–350.
5. *Шелудченко А.* «Мгновенью жизни дать значенье» // *Цвет ликующий. Дневники. Этюды об искусстве.* М.: Молодая гвардия, 2006. С. 11–24.

Н.П. Миронова

*Сыктывкар, Институт языка, литературы и истории ФИЦ
«Коми НЦ УрО РАН»*

История повседневности в личных и деловых дневниках женщин-ученых Коми в 1950–1970-е годы

Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН большое внимание уделяет собранию личных фондов ученых Коми. Являясь бесценным историческим материалом, личные и производственные дневниковые записи ученых позволяют увидеть во всей своей полноте путь развития науки в Коми, его достижения и ошибки.

В данной работе, рассматривая советский период истории нашей страны и его ценностное измерение, невозможно обойти вниманием понятие «советский человек». Образ советского человека до сих пор играет существенную роль в общественном сознании в силу того, что значительная часть соотечественников либо сама была воспитана в СССР, либо является субъектом воспитания. Личные документы – незаменимый источник информации об ушедшей эпохе, они «ближе к времени практики и лишены знания о будущем». Для современных гуманитарных исследований характерно смещение фокуса с описания исторических и социологических фактов, событий, организаций и структур на анализ поведения конкретного человека и восприятия им самого себя в связи с исполнением той или иной функциональной роли. Описание конкретных поведений конкретных людей позволяет показать особенности их повседневной жизни в различные исторические эпохи. Описание образа жизни в истории повседневности основано на микроанализе небольшой географической и временной локализации. Нами предпринята попытка показать, прежде всего, жизненные перипетии советской женщины этого времени, которая совмещала одновременно ряд социальных ролей – матери, жены, ученого и гражданина. Исследование может рассматривать небольшой регион и малый период времени, но при этом представлять глубокий анализ жизненных историй представителей разных возрастных, профессиональных, половых и других социальных когорт.

Именно поэтому предметом исследовательского интереса в данной работе стали некоторые повседневные практики советских женщин-ученых, которые работали в Коми филиале АН СССР в 1950–1970-х годах в контексте самовосприятия ученого и соотношения гендерной и профессиональной идентичности.

Основу исследования составили рабочие дневниковые записи женщин-ученых Коми филиала АН СССР: заведующей лабораторией ихтиологии и гидробиологии, д.б.н. О.С. Зверевой (1952–1954 гг.) и младшего научного сотрудника отдела леса А.Н. Лащенко (1955–1957 гг.), личного дневника известного финноугроведа, к.и.н. Л.С. Грибовой (1956–1978 гг.).

Рабочие дневники О.С. Зверевой и А.Н. Лашенковой представляют собой деловые рабочие тетради, содержащие подневные записи, в которых представлен распорядок рабочего дня. Рабочие дневники (тетради) позволяют сравнить особенности профессиональной и повседневной деятельности двух разных женщин. Одна из них, Ольга Степановна Зверева, находится на пике своей профессиональной карьеры, активно ведет научно-организационную работу. Ко времени написания дневника, в 1952–1954 гг. Ольга Степановна имела степень кандидата биологических наук, докторскую диссертацию она защитит в 1965 г. Ариадна Николаевна Лашенкова в рассматриваемый период активно занимается подготовкой к защите кандидатской диссертации, можно сказать, находится в начале своего самостоятельного пути в науке [1].

Личный дневник Л.С. Грибовой охватывает период с 1956 г. (год поступления в МГУ) по 1978 г. В фонде сохранились дневники не за каждый год, как упоминает сам автор, некоторые записи были уничтожены, сохранились повествования за 1956, 1957, 1963, 1965, 1968–1970, 1973, 1978 гг. Записи сделаны в 13 тетрадях в клеточку. Тематика дневниковых записей довольно разнообразна: события и переживания во время поступления в МГУ, жизнь в студенческой среде, описания Москвы, описание экспедиционных поездок, работы на III Международном финно-угорском конгрессе, рабочие записи по Пермскому звериному стилю, взаимоотношения с коллегами по Институту и специалистами других научных учреждений. Дневниковые записи отличаются особой эмоциональностью повествования, что характерно для повседневных записей в отличие от мемуаров, переосмысленных и составленных через продолжительное время, отличающихся иногда меньшей достоверностью передачи событий.

Анализ документов показывает, что работа первых советских ученых в Коми сопровождалась рядом бытовых трудностей и неудобств. При наличии лишь печного отопления, приходилось самостоятельно заготавливать дрова.

Прежде всего, подневные рабочие записи позволяют оценить интенсивность и продолжительность рабочего дня. Поскольку в

рабочем дневнике обычно указывается количество часов, отведенных на тот или иной вид работ, то можно отметить, что рабочий день научного работника длился в среднем от 9 до 12 часов. Высокую интенсивность научной работы показывает и тот факт, что ученый работает практически непрерывно, вечером, на выходных и в праздничные дни. Интересен для анализа период с 6 по 10 марта 1953 г., описанный в дневнике О.С. Зверевой, где описывается восприятие в научном сообществе смерти И.В. Сталина. 6 марта – траурный митинг [1, с. 106], но в тот же день, когда вся страна находится в «шоковом состоянии», полной неопределенности и скорби: «...готовила расчеты и акты по экспедициям, планы научных командировок. С 4-х часов совещание Президиума. Вечером составляла замечания к диссертации Гусева» [1, с. 106]. Данный пример демонстрирует силу характера, высокую дисциплинированность и работоспособность, несмотря ни на какие внешние обстоятельства.

В личном дневнике Л.С. Грибова в описании экспедиционных будней большое внимание уделяет своим переживаниям по поводу взаимоотношений в семье, заимствования «мужской функции», необходимости самостоятельно решать все текущие проблемы в период ее длительного отсутствия дома и вдали от родных – мужа и дочерей. Бытовые неудобства жизни в дороге также становятся объектом описания Любови Степановны: «Вчера спала на аэровокзале в Соликамске. Кошмар! То, что перечувствовала, на стадии начала сумасшествия. Ближе к семье, только бы ближе к семье. Для успокоения нервов» [2, л. 27д об.].

Интересны ремарки Л.С. Грибовой по поводу ее общественной позиции, общественного сознания и состояния советского общества в середине 1960-х годов: «Я – коммунист, мне не стыдно признать плохое плохим, хорошее хорошим. Ведь и я ответственна перед обществом за то, что мы что-то явно не так делаем.» [2, л.27ж об.].

Таким образом, анализ рабочих и личных дневников женщин-ученых Коми филиала АН СССР 1950–1970-х годов показывает, насколько насыщенным и плотным был их рабочий график, когда научная деятельность занимает большую часть их свободного

времени, не оставляя возможности для полноценного пребывания в семейном кругу. При этом сама профессиональная деятельность тесно сопряжена с общественной жизнью и идеологическим воспитанием. К сожалению, из личных увлечений и интересов женщин-ученых можно отметить лишь чтение художественной литературы, посещение концертов.

Можно сказать, что несмотря на заметное научное продвижение женщины были лишены многих возможностей для развития своих академических данных, которые признавались научным сообществом. Это «торможение» бытом, дополнительными и не учитываемыми нагрузками по воспитанию детей и уходу за другими членами семьи не только дискриминировали женщин-ученых, но и ухудшали качество науки.

Список источников и литературы

1. Личные фонды Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН. Справочник по фондам. Сыктывкар, 2007. С. 91–161.

2. Личный дневник Л.С. Грибовой (1956–1978 гг.) НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 118.

И.В. Богдашина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Женские автодокументы как источник по истории изучения нестолоичной повседневности 1950–1960-х годов (источниковедческий обзор)

Признание учеными истории повседневности самостоятельным научным направлением привело к повышению значимости источников личного происхождения. Реконструкция недавнего прошлого (1950–1960-е годы) дает возможность прикоснуться не только к написанному, но и рассказанному очевидцами изучаемых событий. Разнообразные архивные материалы автодоку-

ментной направленности: обращения граждан (до сих пор засекреченные архивистами), частная переписка, дневники (нечастая находка для провинциального города), автобиографии, записанные воспоминания – выступают важнейшими источниками на пути воссоздания картины советского прошлого. Немаловажную роль играют материалы устной истории, ведь рассказы о «пережитом» в формате интервью открывают фактически безграничные возможности для историка-«повседневноведа». Лишенные политической окраски, наполненные описанием бытовых мелочей и нередко выражающие реальные чувства и переживания, именно женские эго-документы являются чуть ли не единственным источником по изучению повседневно-бытовой жизни [6, 4, 7]. Цель исследования – раскрыть эвристический потенциал и информационные возможности женских автодокументов как источников по изучению женской нестоличной повседневности 1950–1960-х годов.

Изучение повседневно-бытовой жизни крупного, но нестоличного и полностью разрушенного в период войны города Волгограда (Сталинграда) в эпоху «оттепели», когда регион с богатой историей стремительно развивался, но уже приобретал свои особенные черты повседневно-бытового уклада, представляется весьма актуальным направлением. Региональные архивы (Государственный архив Волгоградской области и Центр документации новейшей истории Волгоградской области) располагают богатым материалом, который, однако, еще в неполном объеме доступен исследователям. Например, все еще действует закон, согласно которому на 75 лет ограничен доступ к документам, которые содержат сведения о личной и семейной тайне граждан, потому как они могут «создать угрозу для их безопасности» [5]. Рассекречивание данной информации откроет более широкие возможности для изучения частных сторон повседневной жизни.

Среди выявленных автодокументов в Государственном архиве Волгоградской области [2, 3], наиболее ценными источниками выступают дневники, автобиографии и другие личные документы хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой [1]. Особый интерес представляют дневниковые записи, которые женщина вела с 1933 по 2004 г. Богатый материал, наполненный описанием не только

общественной обстановки, но и бытовой, подчас сугубо личной жизни, делает данный источник настоящей находкой в области историко-антропологических исследований [8].

Центр документации новейшей истории Волгоградской области в меньшей степени снабжен эго-документами изучаемого периода, а потому приходится буквально выискивать нужную информацию между строк. Безусловно, ценнейшим источником выступают обращения (письма и жалобы) граждан в городской комитет КПСС [10, 11]. Однако данные сведения недоступны исследователям, и можно только предполагать, какая информация в них содержится. Возможно, это жалобы на нарушение правил торговли, злоупотребления со стороны руководящих сотрудников и коммунистов или же неподобающее поведение супругов, однако до снятия запрета на доступ к документам вышеупомянутые гипотезы остаются лишь догадками.

Восполнить лакуны представляется возможным путем обращения к устной истории, материалы которой были признаны учеными репрезентативным источником сравнительно недавно. Интервьюирование представительниц так называемого уходящего поколения (респондентки 1930–1950-х годов рождения) открывает перед исследователем нескончаемое количество подробностей и мелочей повседневной жизни. Именно женская память, в отличие от мужской, насыщена переживаниями и чувствами, наполнена до удивления мельчайшими подробностями как раз бытовой, а не общественно-политической жизни. Полуструктурированное интервью, нередко переходящее в нарративную его форму, позволяет не только направлять респонденток в нужное русло, но и давать им возможность высказать свои чувства и мысли, которые зачастую выступают ценнейшей деталью в реконструировании прошлого [9]. «Застать» поколение очень важно, ведь с каждым годом представителей ушедшей эпохи становится все меньше, а практика автора (собрано более 30 интервью) показывает, что этим людям необходимо «выговориться», и они к этому готовы, а услышанные их голоса послужат важнейшим (порой незаменимым) источником в воссоздании различных аспектов повседневной жизни.

Таким образом, женские эго-документы (автобиографии, дневники, письма, записанные воспоминания, устная история) обладают существенным эвристическим и информационным потенциалом. Нескончаемое количество фактов и мелочей делает данные источники кладезем информации по истории изучения не только бытовых, но и подчас сугубо личных сторон повседневной жизни. Возрастающий с каждым годом интерес ученых к автодокументам, не только выводит историю женской повседневности на принципиально новый уровень, но и делает направление актуальной тенденцией историко-антропологических исследований.

Подготовлено по плану НИР ИЭА РАН и проекту РФФИ № 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Зинаида Сергеевна Седельникова.
2. ГАВО. Ф. Р-1923. Оп. 1. Ирина Павловна Леонтьева.
3. ГАВО. Ф. Р-5509. Оп. 1. Коллекция документов «Народный архив».
4. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // *Российский гендерный порядок: социологический подход*, 2007. С. 227–249.
5. «Ограничение на доступ к архивным документам»: ст. 25 федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ. Цит. по: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/2476677c14d65b4e41f542f0e8548dc8226e5084/
6. *Пушкарёва Н.Л.* «Пишите себя!» (Гендерные особенности письма и чтения) // *Сотворение истории. Человек – Память – Текст*. Казань, 2001. С. 241–274.
7. *Пушкарёва Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*, 2012. № 1. С. 168–176.
8. *Пушкарёва Н.Л., Богдашина И.В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // *Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 93–104.

9. *Рождественская Е.Ю.* ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127.

10. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 19, 25, 32, 37. Волгоградский горком КП РСФСР.

11. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42, 48, 51. Волгоградский областной комитет КП РСФСР.

Е.А. Ерохина

*Новосибирск, Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления*

Дневник женщины-ученой как летопись Новосибирского Академгородка: наследие Н.А. Притвиц

За истекшее после социальных революций XX века столетие мир изменился. В обществе произошли значительные перемены, позволяющие говорить о расширении гражданской, социальной и политической роли женщин в обществе. В этом контексте типичным и вместе с тем уникальным феноменом представляется кейс Новосибирского Академгородка и его творцов, в том числе женщин-ученых, создававших на рубеже 1950-х и 1960-х сибирскую науку. Свидетельства той эпохи, в том числе дневник Н.А. Притвиц, заслуживают внимания не только как документальные памятники своего времени [1]. Это еще и попытка саморефлексии женщины, которая в истории Новосибирского Академгородка играла значимую роль как ученый, общественный деятель, просветитель, журналист и, в известном смысле, его летописец.

Наталья Алексеевна Притвиц родилась 29 мая 1931 г. в Ленинграде, в семье Алексея Аркадьевича и Зинаиды Леонидовны Притвиц. Алексей Аркадьевич был сыном Аркадия Павловича фон Притвица, полковника железнодорожных войск, который сопровождал Николая II в поездках по России. Последний российский император был крестным отцом Алексея Аркадьевича [10]. Бабушка Натальи Алексеевны, баронесса Мария Викторовна фон

Притвиц, была молдаванкой по национальности, знала пять языков, в том числе румынский. В доме ее прапрабабушки, Смаранды Богдан бывал А.С. Пушкин во время своего пребывания в Молдавии [2, с. 28–29].

Наша героиня оставила не только богатое научное и литературное наследие, но и огромный личный архив, опубликованный сотрудниками СО РАН после ее ухода в 2019 г. В настоящее время личная карточка Натальи Алексеевны доступна на страницах Открытого архива Сибирского отделения РАН.

Наталья Алексеевна, инженер-гидротехник, приехала в Новосибирский Академгородок, столицу Сибирского отделения Академии наук СССР, через два года после начала его строительства, по приглашению академика Михаила Лаврентьева. В 1959 г. она поступает на работу в Институт гидродинамики СО АН СССР, в лабораторию отдела прикладной гидродинамики. Защитив диссертацию по исследованию закрученных потоков жидкости, в 1961 г. она становится кандидатом технических наук. С 1970 г. Наталья Алексеевна занимает пост ученого секретаря СО АН СССР по связям с прессой, радио и телевидением, занимая аппаратную должность в Президиуме СО АН и выполняя обязанности заместителя председателя Президиума СО АН по связям с общественностью.

Наталья Алексеевна является автором многочисленных литературных, художественных и документальных работ, посвященных истории Новосибирского научного центра, сценариев документальных фильмов о СО РАН, большинства буклетов о нем.

В своих воспоминаниях (от 8 февраля 2002 г.) о начале жизни и работы в Академгородке, Наталья Алексеевна пишет следующее: «Я числюсь в Сибирском отделении с 10 ноября 1958 года, но приехала сюда только летом 1959-го года; дописывала в Москве статьи, нужные для защиты кандидатской диссертации. Выпускники Физтеха (Московского физико-технического института), приехавшие раньше, любят меня поддразнивать. Вспоминая при мне какой-то эпизод, добавляют: “Это было тогда, когда тебя еще здесь не было”. Им – шутки, а для меня – травма.

Я навсегда заражена энтузиазмом и оптимизмом того времени, когда строился городок. Что могло испугать дочь изыска-

теля, не имевшую своего угла? Пришлось пожить в бараке – одном из тех, что стояли в Золотой долине вокруг домика Лаврентьева. Зимой топили углем; того нет, другого нет... Но к чему-то подобному я и готовила себя, когда собиралась быть инженером строителем. Все в Золотой долине тогда знали и поддерживали друг друга. Несемейные (в том числе и я) по выходным обедали у Лаврентьевых...» [9, с. 2].

Характеризуя свой переход из академического института на должность пресс-секретаря Президиума СО АН СССР, Наталья Алексеевна отдает дань спору физиков и лириков среди «шестидесятников». «И действительно, у меня было пристрастие и к точным наукам, и к гуманитарным. Часть жизни я прожила как технарь, потом стала гуманитарием. Мое инженерное образование помогло мне в работе пресс-секретаря.

Так Академгородок “определил” мою жизнь. Мне нравилась здешняя атмосфера. Особенно в “оттепельные” 60-е годы: свободное общение, споры, все можно, ничего не запрещено» [9, с. 3].

Самым известным литературным сочинением Натальи Алексеевны является «Саянский дневник», серия путевых очерков, опубликованных в 1959 г. в московском издательстве «Физкультура и спорт» [4]. Это документально-художественное произведение было издано в серии «По родным просторам». Дневник содержит множество деталей, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к цели похода, восхождению на пик Грандиозный в Восточных Саянах. Наталья Алексеевна описывает трудности, риски и достижения полуторамесячного похода.

Не только опубликованные, но и многие личные документы Натальи Алексеевны в настоящее время размещены на страницах Открытого архива СО РАН, в том числе личные дневники, которые она вела в путешествиях: туристических походах, зарубежных командировках, поездках к родственникам в Германию [5, 6, 7, 8]. Достоинством ее стиля является сочетание лаконичности и рациональной рефлексивности в оценке событий с эмпатией по отношению к людям, даже случайным, личности которых становятся персонажами ее дневниковых записей.

В память о Наталье Алексеевне ее коллегами в 2020 г. был подготовлен сборник ее трудов [3], который так и называется

«Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний», в нем особенно чувствуются особенности стиля дневниковых записей Натальи Алексеевны.

Список источников и литературы

1. *Венявкин И., Мельниченко М.* Зачем люди ведут дневники, а историки их читают. Цикл аудиолекций Европейского университета в Санкт-Петербурге. 30.06.2020. URL: <https://arzamas.academy/courses/81>

2. *Двойченко-Маркова Е.М.* Заметки о Пушкине и беженцах Этерии в Кишиневе // Временник Пушкинской Комиссии, 1973 / АН СССР, ОЛЯ, Пушкин. комис. Л.: Наука, 1975. С. 20–35.

3. *Ермиков В.Д., Подойницына О.В.* и др. Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: СО РАН, 2020.

4. *Притвиц Н.А.* Саянский дневник. М.: Физкультура и спорт, 1959.

5. *Притвиц Н.А.* Дневниковые путевые записи во время поездки в Париж (06/1961). Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_14327

6. *Притвиц Н.А.* Походный дневник (записи сделаны во время похода на Катунский хребет в Горном Алтае, июль 1974 г.). Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Pr_1421

7. *Притвиц Н.А.* Блокнот (Германия. 1991). Открытый архив СО РАН.

URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Pr_1267

8. *Притвиц Н.А.* Дневник (ФРГ. 1993). Открытый архив СО РАН.

URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Pr_1321

9. *Притвиц Н.А.* Статья о жизни и работе в Академгородке. 8 февраля 2002 г. Открытый архив СО РАН.

URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_17059

10. *Шпак Г.* Верность в мажоре // Наука в Сибири. 01.06.2006. № 22 (2557).

URL: <http://www.sbras.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=378&id=10>

1.2. Письма, мемуары, воспоминания: особенности женских эго-документов

М.А. Перова

г. Курган, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет»

Воспоминания как источник по ранней советской эдукологии: советские девочки в социальном проекте 1920-х годов

Советская Россия – первая страна в европейском пространстве, давшая женщинам право голоса и официально провозгласившая равенство полов. Предполагалось, что образованные и физически развитые мужчины и женщины будут совместным трудом строить коммунистическое будущее.

На практике все оказалось сложнее, чем в теории. Большинство граждан новой страны были не готовы к свободе и власти. Особенно это касалось женщин в провинции. Конечно, встречались женщины, в том числе, в городах и селах Южного Зауралья, которые становились делегатками, пренебрегая мнением мужей и соседок. Однако, проще было воспитать новых женщин, чем переделать имеющихся. Для этого девочек нужно поместить в соответствующую среду и сформировать нужные привычки и систему ценностей. Идеальное решение – детский дом смешанного типа для девочек и мальчиков.

Но этот вариант подходил лишь для беспризорниц и за редким исключением не только не соответствовал плану, но и противоречил ему, предлагая детям нечеловеческие условия существования. Например, Каргапольский детский дом в Курганском округе занимал двухэтажное кирпичное здание без стекол в окнах. В помещении проживали «62 человека детей, а считаясь с кубатурой воздуха оно может вместить всего 15–20 человек», при этом дети «просят пожертвований, болеют, умирают» [5, л. 43]. Документ об исследовании санитарного состояния детских домов Шадринского округа в 1923 г. показывает, кроме голода и тесноты, грязь и зловоние, в которых обитали мальчики и девочки: «Детский дом № 1: Выгреб уборной во дворе переполнен нечистотами, которые выте-

кают через край и растекаются по двору... при доме имеется теплая уборная, выгреб которой давно переполнен и трубы засорены так, что по всему верхнему этажу распространяет зловоние...» [4, л. 36]. Условия, мало соответствующие образу счастливого советского детства, хотя встречались счастливые исключения.

Семьи тоже были разными. Повезло жительнице Куртамышского района Курганского округа Полине Дурмановой 1924 г.р.: «К делу Ленина и Сталина в семье относились уважительно, отец был коммунистом» [1]. А точнее, председателем сельского совета. Так что П.Г. Дурманова была атеисткой, пионеркой, комсомолкой, хорошо училась, стала учительницей и членом коммунистической партии. Жилось ей не очень: летом ходила босиком, зимой – в заштопанных валенках, питалась скудно и не чаще, а то и реже двух раз в день. Но большинству ее сверстников и сверстниц приходилось еще тяжелее, а их родители, если не ругали коммунистов открыто, то всем образом жизни противоречили их идеям. Сохранялось гендерное разделение труда. В красном углу висели иконы, а не портреты вождей революции. Перед приемом пищи, как правило, совершались молитвы.

Таких девочек предстояло извлекать из-под влияния семьи через школу и пионерскую организацию, репертуар чтения и игр. Но вместо уроков и пионерских сборов родители часто оставляли их дома в качестве нянек для младших детей. Например, в 1920-е годы в школах первой ступени Шадринского района девочек было только 30%. Дочерей, попавших в школу, родители реже поощряли за хорошую учебу, чем сыновей, домашние задания им приходилось делать на переменах или рано утром, улучив свободное время. Даже в городе девочки были очень загружены: «в среднем из 100 дней в году мальчики имели 230 часов досуга, а девочки только 169 часов» [8, с. 176]. Тем не менее в учебе они часто вырывались вперед и продолжали образование в школе второй ступени: «процент девочек поднимается до 62, в семилетках – до 50» [7, л. 19].

Для игр времени было немного. Когда оно появлялось, девочки играли вместе с мальчиками, но иногда собирались отдельно: «Вечером в одной куче играли все вместе» [2], «У нас

никаких ссор не было. Иной раз девочки своим кругом в избе играли, а мальчишки больше на улице» [3]. При этом запрещались гендерно-ориентированные игрушки, такие, как куклы, посуда и прочее: «К чему искусственным образом культивировать у девочек ненужные коммунистическому строю способности домашних хозяек, суживающие их горизонты?» [9, с. 191]. Впрочем, покупать дочерям кукол могли немногие. Согласно источникам, дети сами мастерили для себя игрушки. Можно было сделать мяч, шаровку, оружие, коньки, лыжи, санки и тех самых запрещенных кукол. Контролировать, во что и чем играют дети, получалось только в пионерских лагерях и на детских площадках.

Пионерский отряд служил самым надежным инструментом воспитания новой женщины. Все его члены были товарищами вне зависимости от пола. На политических беседах утверждалось гендерное равенство. В селах пионеры оформляли женские уголки и обучали неграмотных, иногда – своих матерей и бабушек. Выработалась особая мораль для советских девочек. В их поведении не должно было быть никакого намека на пол: проявления кокетства резко осуждались. Взаимоотношения полов должны быть товарищескими. Задача – вместе строить коммунизм. Если дело все-таки доходило до потребности в сексуальном контакте, то вопрос должен был решаться по-товарищески и не мешать работе. Ухаживания и романтические вздохи – пережиток прошлого. Любые проявления «женского» поведения вызывали бурную реакцию в детском обществе: «мещанок» полагалось подвергнуть общественному осуждению. Например, в 1924 г. в Китайском детдоме осудили воспитанницу Бабину за то, что она «присвоила себе выданную жакетку» [4, л. 58], стараясь выглядеть лучше остальных.

Тем не менее, девочки-пионерки вырастали, становились комсомолками, шили себе платья, делали прически и выпрашивали туфли у подруг, чтобы сходить на свидание. С середины 1920-х годов в Советской России снова стали поощрять домашнее воспитание и рождение детей. В 1930-е годы получил развитие культ материнства, в 1936 г. запретили аборты. Власти пришли к выводу, что бесполоя женщина для строительства коммунизма не подходит. Или разочаровались в попытке сломать тысячелетние

гендерные стереотипы. Перемены коснулись образования, работы, общественной деятельности, но дом и семья по-прежнему остались сферой полового неравенства.

Список источников и литературы

1. Воспоминания. Дурманова П.Г. 1924 г.р. Записано в с. Парамоново Альменевского района Курганской области в ноябре 2014 г.
2. Воспоминания. Корюкин А.Н. 1919 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
3. Воспоминания. Филимонов В.А. 1925 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
4. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 350.
5. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 354.
6. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 355.
7. ГАШ. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 623.
8. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.
9. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.

Г.Г. Циденков

*Самара, Самарский государственный
социально-педагогический университет*

**Женский взгляд на детскую беспризорность (мемуары
председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с детской
беспризорностью при Моссовете А. Давыдовой и рапорты
бойца Самарского боевого эпидотряда коммунистов
Н. Сергеевой)**

Голод 1921–1923 гг. охватил огромные территории Советской России и Украины. В пораженных бедствием областях проживали около 70 млн человек, из которых в разное время голодали до 30 млн человек. Из этих 30 млн голодающих примерно половину составляли дети до 14 лет [2, с. 246]. Перед страной уже

остро стояла проблема детской беспризорности, но с наступлением голода города буквально захлестнул вал прибывающих детей. Среди них были: беспризорники, сироты, «подкидыши», дети, которых родители сознательно отвозили в города и оставляли в них в надежде, что ребенка не бросят и обеспечат питанием. С августа 1921 г. в центральных городах пострадавших от голода губерний наблюдалась следующая динамика: в Астраханской и Саратовской губерниях летом 1921 г. в детские дома ежедневно прибывало около 100 детей, в Самарской губернии – до 500, а в Царицынской – около 1000 [5, с. 144]. Разумеется, существовавшие на тот момент детдома не могли принять столько детей сразу, поэтому на местах в срочном порядке создавались детские приемники, временные убежища, детские коллекторы. Всего в таких учреждениях к 1922 г. находилось 540 тыс. детей [6, с. 144].

В условиях голодной катастрофы и повальных эпидемий тифа, холеры, гриппа и других заразных болезней уход за детьми и их питание были крайне затруднены в голодающих местностях. В связи с этим власти старались вывозить детей в эвакуацию из голодающих местностей и размещать их в «благополучных губерниях», не пострадавших от неурожая. Такая эвакуация строго регламентировалась декретом ВЦИК от 28 июля 1921 г. «О планомерном выселении граждан из голодающих губерний» [3], а основная тяжесть по эвакуации детей, размещению их в детских учреждениях и в семьях трудящихся в хлеботородных областях легла на созданную в 1921 г. при ВЦИК Комиссию по улучшению жизни детей во главе с Ф.Э. Дзержинским. Всех детей вывезти было невозможно, многочисленные детские дома, детприемники и детские коллекторы в голодающих местностях страдали от нехватки продовольствия, эпидемий, кошмарных бытовых условий и, зачастую, нерадения персонала и нехватки кадров. За порядком и эпидемической обстановкой в детских учреждениях наблюдали местные Эпидемиологические ЧК (далее – Эпидчека) и органы Наркомздрава. На примере рапортов бойца самарского Боевого Эпидотряда Коммунистов Нины Сергеевой и воспоминаний председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с детской беспризорностью при Моссовете Аси Давыдовой мы имеем возможность посмотреть глазами очевидцев на условия

работы женщин-сотрудниц советских органов и учреждений по борьбе с беспризорностью в условиях голода 1921–1923 гг.

К концу 1921 г. детские учреждения Поволжья оказались переполнены на 500% [5, с. 161]. В Самарской губернии из всего населения в 2775 тыс. человек голодали 2600 тыс. человек, половину из которых составляли дети [1, с. 18]. Эпидемиологическая обстановка была катастрофической. Эпидемический и санитарный контроль в детских учреждениях Поволжья осуществляли местные Эпидчека.

При самарской Эпидчека еще 24 ноября 1919 г. для борьбы с сыпным тифом и прекращения мародерства в больницах был создан «Боевой Эпидотряд Коммунистов» (далее – БЭК) [7, л. 11]. С осени 1921 г. штат БЭК составляли 150 человек: 75 медиков и 75 «проверенных коммунистов». При выходе на «боевое» дежурство бойцы отряда вооружались винтовками [8].

В обязанности бойца БЭК Нины Сергеевой входили: осмотр и инспекция детских приемников в г. Самара, дежурства в детколлекторе, выявление заразных больных на вокзале и в учреждениях. Нине Степановне Сергеевой было 28 лет, она имела двоих детей 10 и 11 лет, работала браковщицей на заводе, была коммунисткой, получала образование в вечерней школе [10, л. 293об.]. Характерная примета времени – домашние задания Сергеева выполняла на оборотной стороне таблиц учета подобранных с улиц и вокзала трупов. 12 декабря 1921 г. бойцы БЭК Сергеева и Соловьева были отправлены на осмотр детского приемника № 3. По результатам осмотра Сергеева составила рапорт, отражающий буквально материнское беспокойство о состоянии здоровья детей. В нем она писала, в частности, что «нет никаких записей откуда дети, их фамилий; а прямо пускают с улицы, сажают невымытыми за стол беспорядочно. Дети до моего прихода не мылись. Валялись на полу без коек. Лежали в изоляторе больные в своих испражнениях. Трупов по всем помещениям обнаружено 14 ч. Отправила Соколову заявить в Губчека и трупы были увезены. Положение кошмарное. Вшей не оберешься, совершенно заедают истощенных детей. Настоящее время положение мало-мало улучшается. Была комиссия. От Губкома тов. Опольский, от Наркомпроса не знаю кто, от Наробраза тов. Стензеньш и доктор Фей-

гель. От Боевого эпидотряда коммунистов записали меня – Сергееву. Составили Акт и послали его в Москву. Теперь Опольский выписал два котла для готовки горячей пищи. Ставят Куб на 100 ведер для кипяченой воды. Чекисты делают детям нары и выписали посуду. Губком прислал 300 комплектов белья и 700 пар обуви. Детей начинают посещать воспитательницы, они распределены на несколько детей каждая. Завхоз новый, директор новый. В изоляторе при кормлении детей теперь находятся дежурные. А до этого было замечено нами, что при раздаче пищи больным детям фельдшерница сливала детям только жидкость, а картофель и мясо поджаривала себе. Начвзвода Сергеева Н[ина]. 13 дек.1921 г. [9, л. 171–171об.]

Ася Давыдовна Калинина во время голода 1921–1923 гг. занималась вывозом детей из голодающей Чувашии в Москву. Дети проходили через московский Покровский детприемник [5, с. 149] и размещались в семьях московских рабочих, которые считались шефами Чувашии. Сама Ася Калинина описывает Чувашию как «страну страданий и ужасов голодных смертей» [4, с. 71]. Начиная с 22 февраля 1922 г. Калинина доставила в Москву несколько поездов с чувашскими детьми. Последний поезд вызвал у нее самые сильные эмоции: «С последним поездом мы привезли не живых детей, а живые скелеты, лежавшие пластами. Только лишь одни горящие глаза, преисполненные ужасной муки, да стоны говорили, что жизнь в этих детских скелетах еще каким-то чудом сохранилась. <...> Из последнего поезда работницы выносили детей на руках и на руках же относили их в приемник» [4, с. 72].

Приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно демонстрируют значимость изучения женских источников для представления общей картины жизни беспризорных детей в условиях голода 1921–1923 гг.

Список источников и литературы

1. Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014.

2. *Данилов В.П.* Динамика населения СССР за 1917–1929 гг.

(опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.

3. Декрет ВЦИК от 28 июля 1921 г. «О планомерном выселении граждан из голодающих губерний» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1921. № 59.

4. *Калинина А.Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.; Ленинград: Московский рабочий, 1928.

5. *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.

6. *Феонычев В.В., Бородкина Ю.Н.* Борьба с беспризорностью в СССР 20–30 гг. 20 века // Молодежь и наука XXI века: материалы III-й Международной научно-практической конференции молодых ученых. 23–26 ноября 2010 года. Т. I. Ульяновск: УГСХА, 2010.

7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-2871. Оп. 1. Д. 1.

8. ЦГАСО. Ф. Р-2871. Оп. 1. Д. 12.

9. ЦГАСО. Ф. Р-2871. Оп. 1. Д. 18.

10. ЦГАСО. Ф. Р-2871. Оп. 1. Д. 28.

О.А. Симонова

Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Модели фемининности военачальниц Гражданской войны в мемуарах и художественной литературе

Гражданская война стала первой войной, в которой женщины массово участвовали, зачастую не скрывая своего пола. Стал актуален вопрос об их гендерной идентичности и репрезентации в традиционно мужском обществе, не всегда готовым воспринимать их на равных. Еще сложнее воспринимались женщины, ставшие не только военными, но и руководительницами крупных

военных подразделений. Сравним репрезентацию представительниц разных политических направлений, отстаивавших революцию. Людмила Георгиевна Мокиевская-Зубок (1895–1919) – единственная в мире известная женщина-командир бронепоезда и одновременно политкомиссар, воевала на стороне большевиков. Мария Григорьевна (Маруся) Никифорова (1890–1919) – единственная женщина-командир крупного партизанского анархистского отряда на Украине в 1917–1919 гг. Такие необычные героини выбивались из гендерной нормы, привлекали внимание, создавали сюжетный потенциал возможных художественных произведений о них.

Как отмечает Е.Ю. Мещеркина, «переживание военных событий вначале стартует как аутентичное воспоминание непосредственных участников – современников тех лет. Затем возникает новая фаза, изменяющая перспективу восприятия исторического события, – медиализация через романы, фильмы, выставки» [2, с. 205]. Важными оказываются три этапа формирования образов героинь: отзывы о них в прижизненных свидетельствах, портреты в мемуарной и художественной литературе.

Прижизненное свидетельство командующего Украинской советской армией В.А. Антонова-Овсеенко о Мокиевской отмечает прежде всего высокие профессиональные качества героини, в нем нет упоминания мужских/женских ее характеристик: «Т<оварищ> Мокиевская, командуя бронированным поездом № 3, проявила выдающиеся боевые качества. Постоянно держала команду в строгом порядке, все боевые распоряжения выполняла неукоснительно с полным самообладанием» [цит. по: 3, с. 44]. Хотя в армии женщина состояла под мужским именем – Леонид Георгиевич Мокиевский [3, с. 40] – ее истинный пол не являлся тайной. Представление о героине и через мужской, и через женский гендер оказывается положительной категорией. Что касается Никифоровой, то мемуарное свидетельство о том, что она походила на мальчика, принадлежит критически настроенной по отношению к ней Е.Д. Никитиной. Неопределенность гендера в случае большевички трактуется нейтрально, в случае анархистки вызывает подозрение.

В свидетельствах Антонова-Овсеенко, знавшего обеих женщин (Мокиевская находилась под его командованием, Никифорову он знал еще со времен эмиграции, помог ей освободиться из советской тюрьмы, взяв на поруки), – проявлено восприятие женщины-военной мужчиной-большевиком. Если нетрадиционность идентичности Никифоровой (к которой он в целом относился положительно) подмечена им с оттенком сомнения: «я слышал <...> самые лестные о ней отзывы: Маруся де боевой человек, самоотверженно дерущийся и держащий свой отряд в железной дисциплине. <...> Есть в ней что-то вырожденское, известная двойственность натуры, но ничего крупно пакостного за ней не знаю» [цит. по: 1, с. 47], то в некрологе Мокиевской сочетание противоположных черт трактуется уже сугубо одобрительно: «Женственность и отвага, застенчивость и твердость, острый ум и революционный порыв – как светел и чист твой образ, дорогой, незабываемый товарищ!» [цит. по: 3, с. 45]. Отметим, что в обоих случаях Овсеенко использует мужской род («человек», «товарищ»).

В других воспоминаниях подчеркивается фемининность Мокиевской (она женственна настолько, что это становится характеристикой ее как бойца, в этом ее уникальность как женщины-командира). Художественный образ Мокиевской, формируемый усилиями близкой ее знакомой писательницей З.А. Чалой [4], создается с помощью категории новой фемининности: нормативным предстает то, что конвенционально женственная героиня действует в нетипичной для женщины роли бойца и руководителя.

Никифоровой мемуаристы приписывают недостаточную либо перверсивную женственность. В прижизненных свидетельствах и мемуарах (М.Н. Чуднова, Е.Д. Никитиной и др.) она предстает скопцом или гермафродитом; по показаниям Г.Ф. Лапчинского, «она была женщиною с большими странностями (психическими и физиологическими – последнее было общеизвестно)» [цит. по: 1, с. 49]. Художественный образ Никифоровой формировался не знавшими ее писателями, питавшимися, по-видимому, слухами (Б.А. Пильняк «Ледоход», Ю.И. Яновский «Байгород» и др.). В художественных произведениях показана гипертрофированная женственность героини. Изображая ее избыточную сексуаль-

ность, красоту, полнотелость, страстность, инициативность, писатели демонстрировали прежде всего свои авторские установки. Реальная женщина становилась лишь объектом для творческого переосмысления писателями.

Таким образом, нетипичный пример женщины-военачальницы осмыслялся авторами через привычные категории. Традиционная женственность являлась положительной категорией; даже улучшенная (включающая в себя «мужские» черты) новая фемининность приписывалась именно большевичке. Анархистка же наделялась «неправильной» женственностью: недостаточной либо избыточной. Принципиально важной была фигура пишущего. О Мокиевской остались высказывания ее однопартийцев и соратников. Что касается Никифоровой, то советские деятели уже при ее жизни формировали представление о ней как о бандитке [1, с. 50], так что имя атаманши Маруси «стало нарицательным, символизируя разгул анархии и бандитизма» [5, с. 3]. Важно и отношение автора к героине. Чалая описывает подругу, Никитина – неприятную ей сокамерницу. Таким образом, роль военачальницы в Гражданской войне зависит, в глазах пишущих, больше от ее политической принадлежности, чем от реальных подвигов. В целом, образы и значение этих женщин изучались недостаточно, что совершенно не соответствует их действительной роли в Гражданской войне.

Поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 19-78-10100.

Список источников и литературы

1. *Леонтьев Я.В., Рублев Д.И.* Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., АИРО–XXI, 2015. С. 903–918.

2. *Мещеркина Е.Ю.* Историческая память и политики меморизации // Россия реформирующаяся. 2005. № 5. С. 198–213.

3. *Ромадин С.* Людмила Георгиевна Мокиевская-Зубок, командир бронепоезда: в проблемах биографии, памятниках и памятных знаках // *Military Крым*. 2010. № 14. С. 36–47.

4. *Чалая Зинаида.* Командир бронепоезда // *Коммунистка*. 1922. № 10–11. С. 30.

5. *Чоп В.М.* Маруся Никифорова. Запорожье: РА «Тандем-У», 1998.

В.О. Шаповалова

Сан-Диего (США), Университет штата Калифорния

«Я должна рассказать вам»: женские лагерные мемуары как исторический источник

Женские воспоминания, письма, записанные и отредактированные интервью являются неотъемлемой частью наследия ГУЛАГа – исправительно-трудовых учреждений и тюрем, существовавшая в Советском Союзе с 1919 по 1987 гг. (ГУЛАГ как самостоятельное учреждение существовал с 1934 по 1954 гг.) [3]. Важность этих эгодокументов именно в «женском взгляде» на те детали лагерного быта и те события, которые становились решающими моментами в жизни (и смерти) заключенных женщин. Подавляющее большинство этих воспоминаний, рассказов и дневников не предназначалось для публикации. Все они эмоциональны, оценочны и подвержены самооцензуре. Тем не менее лагерные мемуары – это не только личные записи, но и свидетельские показания. При освобождении из лагеря все заключенные давали подписку о неразглашении, за нарушение которой они могли получить срок до трех лет лишения свободы. Государство признавало, что заключенные являются свидетелями/очевидцами определенных фактов и событий. Именно поэтому некоторые женщины писали мемуары под псевдонимами. Можно ли полагаться на фактографичность этих эгодокументов?

Обратимся к авторам мемуаров и их биографиям. Все авторы воспоминаний и писем были осуждены за нарушение советских законов, в глазах государства все они являлись преступницами.

Подавляющее большинство мемуаристок было осуждено либо по статьям УК РСФСР об измене Родине/антисоветскую деятельность (Статья 58 Уголовного кодекса СССР 1926 г., Статья 70 Уголовного Кодекса СССР 1960 г.), либо по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1937 г. «О членах семей осужденных изменников Родины». Ключевая проблема в изучении всех эгодокументов женщин-заключенных – отношение к Советской власти, которая лишила их свободы. Для понимания мировоззрения женщин-заключенных важны и история семьи, и образование, которое получили авторы мемуаров. В семье/детском воспитательном учреждении закладываются основные жизненные устои; понятия и место религии в жизни, свободы и права были различными в каждой социальной группе, но при этом они могли вступать в резкое противоречие с советской идеологией.

Уровень и вид образования особенно важны для анализа текстов мемуаристок, арестованных в 1930–1940-е годы. Именно в этот период в СССР резко увеличивается число лиц с высшим образованием. К 1940 г. женщины составляли 58% от числа студентов высших учебных заведений [6]. Мировоззрение авторов мемуаров могли формировать как советские учебные заведения, так и дореволюционные, такие как Курсы Герье или Бестужевские курсы. Воспитание и система ценностей выпускниц (и тех, кто не закончил курс) дореволюционных учебных заведений отличались от моральных установок тех, кто закончил советские ВУЗы. Все эти факторы влияли на объективность и фактографическую точность авторов лагерных мемуаров.

Для понимания культурного и социального окружения женщин до ареста принципиально знать причину ареста и обвинения. Если обвинение было по групповому делу (например, т.н. «Дело религиозно-философского кружка “Воскресение”»), созданного по инициативе Александра Александровича Мейера (1874–1939). Кружок существовал с 1919 по 1927 гг. В 1929 г. все члены кружка были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности и пропаганде) [1], то информация обо всех обвиняемых и подозреваемых имеет первостепенное значение. По делу Мейера/кружок «Воскресение» проходили ученые, музыканты,

писатели, врачи, художники. Для сравнения можно привести групповое дело общины католиков восточного обряда в Москве, по которому в 1923 г. была арестована Анна Ивановна Абрикосова (мать Екатерина Сиенская) и монахини-терциарки [5]. Кроме нескольких руководителей общины, по делу в основном проходили и были осуждены монахини-доминиканки, жившие в миру – воспитательницы/няни детей, чьи родители были арестованы или высланы из страны.

При рассмотрении фактографичности женских лагерных мемуаров важно учитывать и время их написания. Воспоминания, работа над которыми началась сразу после освобождения, когда имена и детали еще свежи в памяти, обладают большей достоверностью. Мемуары, написанные после амнистий и реабилитаций 1955–1960 гг., отличаются по степени самоцензуры. Особенно это касается авторов, осужденных как ЧСИР. Для них справедливость в какой-то мере восторжествовала, жестокость лагерной жизни ушла в прошлое и слегка померкла. С учетом всех указанных критериев, я предлагаю следующую классификацию авторов женских лагерных эгодокументов по женской лагерной истории.

Профессиональные литераторы, журналисты, историки.

Это группа авторов, для которых литературный труд был неотъемлемой частью их профессии. Это философ и теолог Юлия Николаевна Данзас (1879–1942), преподаватель и борец за права человека Анна Петровна Скрипникова (1896–1974), журналист Евгения Борисовна Польская (1910–1997) и др. Чисто формально к этой же группе можно отнести и воспоминания политзаключенных 1950-х – 1980-х, таких как Ирэна Вербловская (р. 1932), Ирина Ратушинская (1954–2017). Все эти авторы имели твердую идеологическую позицию. Они открыто стояли в оппозиции советской власти.

Непрофессиональные литераторы. Их можно разделить на четыре категории. Первая категория авторов – мемуаристки, которые в силу образования и воспитания привыкли вести дневники. Потребность записать увиденное не оставляла их ни в лагере, ни после освобождения. Если у них не было возможности вести записки в лагере, то вернувшись из мест заключения, они

стремились описать свой лагерный опыт, засвидетельствовать то, что они видели и пережили. Дневники велись в лагерях – писали на тонкой папиросной бумаге, заучивали наизусть. Даже в немецких концлагерях Штрасденгоф и Штуттгоф писатель Мария Рольникайте (1927–2016) вела дневники. Прятать записки ей помогали другие заключенные. Зная, что записи могут пропасть, Мария Рольникайте заучивала их наизусть. К этой группе можно отнести таких авторов, как Вера Робертовна Никитина (1897–1976), Ольга Викторовна Яфа-Синакевич (1876–1959). Лагерные воспоминания становились главами в повествовании о жизни. Арест и заключение только подтверждали их внутреннее неприятие Советской власти. Тем не менее они не становились открытыми и активными оппозиционерами.

Ко второй категории непрофессиональных авторов записок и мемуаров относятся члены семьи изменников Родины (ЧСИР), а также члены коммунистической партии и сотрудники советского административного аппарата. Доказать свою невиновность и невиновность несправедливо осужденного мужа – командира Красной Армии (это тексты, авторами которых были Ядвига-Ирэна Иосифовна Верженская (1902–1993), жена комбрига железнодорожных войск Адама Ивановича Верженского (1891–1938), Людмила Ивановна Грановская (1916–2002), жена авиаконструктора, подполковника ВВС РККА Юзефа Доминиковича Лось-Лосева (1897–1937) и др.); партийного работника (тексты, авторами которых были Ксения Дмитриевна Медведская (1910–?), жена Петра Константиновича Медведского (1892–1937), заместителя начальника Ленинградского Лесозаготовительного Кооператива) и известного писателя/ученого/инженера – основная причина, побудившая их взяться за перо. Эти мемуаристки никогда не стояли в оппозиции Советской власти, и их советская идеологическая позиция четко прослеживается в записках. Это может быть и отношение к материнству в лагере, и некая иерархия отношений между женщинами, повторяющая административную иерархию, которая была до ареста.

Третью категорию мемуаристок составляют члены молодежных революционных организаций и групп, возникших как в послевоенные годы, так и в конце 1950-х. К ним относятся мемуары Майи Александровны Улановской (1932–2020), Аллы Евгеньевны Тумановой (р. 1931). К этой же категории можно отнести мемуары женщин, арестованных по политическим статьям после 1945 г. Примером могут быть воспоминания актрисы Татьяны Кирилловны Окуневской (1914–2002), которая после освобождения всячески мистифицировала причину ареста [4] и Елены Семеновны Глинки (1926–2001), автора автобиографических рассказов о групповых изнасилованиях.

Четвертая (самая малочисленная группа авторов) – молодые женщины, у которых на момент ареста не было определенной сложившейся системы ценностей. Они быстро усваивали моральные законы блатных – «умри ты сегодня, а я умру завтра». В местах заключения женщины были унижены и отброшены в самые маргинальные категории. После освобождения этими авторами владело желание доказать ценность и значимость своей жизни [2]. Женские эгодокументы открывают новые страницы в истории российской культуры. Каждый голос вносит свой вклад в исследования личной и коллективной памяти о лагерях.

Список источников и литературы

1. *Даниэль А.Ю., Флиге И.А.* (Публикация, подготовка текста, и примечания). Дело А.А. Мейера // Звезда. СПб.: Художественная литература, 2006. № 11. С. 157–207.
2. *Иевлева В.Г.* Непричесанная жизнь. М.: Возвращение, 1994.
3. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: Международная демократия, 2004.
4. *Окуневская Т.К.* Татьянин день. М.: Вагриус, 1996.
5. *Осипова И.И.* В язвах своих сокрой меня: гонения на Католическую Церковь в СССР: по материалам следственных и лагерных дел. М.: Серебряные нити, 1996.
6. *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Ивановский государственный университет, 2005.

О.Л. Милова

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

**Воспоминания членов семей священнослужителей
и мирянок как источник по истории Русской
Православной Церкви 1920–1950-х годов**

В последние десятилетия исследователи достаточно часто обращаются к мемуарным источникам по истории РПЦ периода 1920–1950-х годов. Среди них выделяются такие разновидности, как воспоминания членов семей священнослужителей, а также мирян. Главной их чертой, как и всех эго-документов, является то, что действительность передается через субъективное восприятие. С ростом внимания к человеку в истории значение подобных источников для научных исследований повышается.

Большой интерес представляют воспоминания женщин – жен и дочерей священнослужителей, а также верующих женщин-мирянок. В их числе можно назвать известную автобиографическую книгу княгини Наталии Владимировны Урусовой [1], воспоминания дочери о. Иосифа (Жиркова) А.И. Жирковой [2], воспоминания В.Я. Василевской, двоюродной сестры Елены Семеновны Мень [3] и др. Особую группу составляют воспоминания членов семей репрессированных священников, например, книга С.Г. Фединой «Верю, помню, люблю» [4].

София Георгиевна Федина (1913–2018) – дочь протоиерея Георгия Непомнящих, расстрелянного за христианскую веру в 1937 г. Ее отец, служивший в сибирском селе Лебедянском, духовно просвещал свою паству, создал общество трезвости и, имея золотые руки мастера-краснодеревщика, помогал людям в их нелегкой крестьянской жизни. В 1930-е годы были расстреляны старший брат Николай, муж Софии – Иван, дедушка – протоиерей Иаков Соколов. Сама она была репрессирована и провела 10 лет в советских лагерях (Тайшетлаг, Бирлаг, с 1942 г. Печорлаг). Испытания, выпавшие на ее долю, не сломили молодую девушку (была арестована в 24 года). Она не отреклась от Бога и своего отца, не потеряла веры и сохранила благодарность людям, с чьей

помощью осталась жива. Воспоминания небольшие по объему, динамичные, насыщены множеством фактов, событий, описанных живо, с запоминающимися деталями.

Хотелось бы подробнее рассмотреть воспоминания Наталии Николаевны Соколовой (1925–2014), супруги московского священника Владимира Соколова [5].

Наталия Николаевна была рождена и воспитана в православной московской семье, ее отцом был Николай Евграфович Пестов, известный в советские годы ученый-химик, профессор, автор многих научных работ, кавалер ордена Ленина – и при этом православный богослов и духовный писатель. Ее мать, Зоя Вениаминовна Пестова, дочь угличского земского врача В.Ф. Бездетнова, познакомилась с Н.Е. Пестовым (и в 1923 г. вышла за него замуж) в Христианском Студенческом кружке, действовавшем в 1920–1924 гг. в Московском высшем техническом училище, которое затем оба они окончили. В 1924 г. кружок был запрещен, часть его членов продолжали свою деятельность нелегально.

В книге Н.Н. Соколова повествуется о своем детстве, о родителях, об отношениях с братьями. Супруги Пестовы ограждали детей от страшной реальности жизни верующих тех лет, не рассказывали о том, что происходило со священниками, монашествующими, мирянами, о тюрьмах и ссылках. Детей воспитывали с любовью, прививали им радостное восприятие мира, учили молиться. Но вместе с тем в родительском доме часто находили приют возвращавшиеся из ссылок «неожиданные гости», которым мама уступала свою кровать, ухаживала за ними, как «за святыми, пострадавшими за веру, даже часто шила что-то для них...». Как вспоминает Наталья Николаевна, мама постоянно собирала и запаковывала посылки, отправляла их в лагеря и тюрьмы, три года растила круглую сироту Таню. Двадцать семь лет прожила у них в крохотной кладовой монахиня Евникия из Суздальского монастыря – «бабушка».

Перед войной, в их «конспиративной» отдельной (!) квартире на Старой Басманной собирались «кружковцы», «маросейские» (члены общины о. Алексия, затем о. Сергия Мечевых, ныне канонизированных), тайные священнослужители. Достаточно подробно Н.Н. Соколова описывает богослужения, совершавшиеся

у них в доме. К началу войны все священники, посещавшие их, были или арестованы, или сосланы, или пропали «неизвестно куда». Но до 1940 г. в кабинете Н.Е. Пестова стояли столик, служивший жертвенником, и тумбочка, служившая престолом. Николай Евграфович относился к группе «непоминающих» [6]. Накануне войны он уже не ходил ни в какие храмы, поскольку открытыми остались только обновленческие, дома также усилили меры предосторожности (иконы спрятали в шкаф или закрыли занавесками).

Интересны также главы о школьных годах, о военном времени, о «трудовом фронте» – очень трудном, полном лишений, периоде, когда автор была отправлена на строительство оборонных укреплений в Подмоскowie. В этой книге содержатся ценные факты о повседневной жизни московских служащих и их семей в военные годы (например, о подспорье в обеспечении овощами с огородов, разбитых на подмосковных участках, выделенных учреждениями, где работали ее родители, а также арендованных у знакомых), а также о первых послевоенных годах («сухие пайки» для отца-профессора из распределителей, денежная реформа 1947 г.)

В 1946 г. начался новый период в жизни Н.Н. Соколовой – она познакомилась в храме подмосковного села Гребнево с молодым, прошедшим войну псаломщиком Владимиром Соколовым, сыном репрессированного диакона, который позже стал ее женихом, а после свадьбы в феврале 1948 г. был рукоположен в диаконы. Эта часть книги, весьма обширная, повествует о жизни «матушки Наталии». С историко-этнографической стороны весьма интересно, как себя ощущала интеллигентная московская девочка, погавшая в гущу деревенской реальности, уехавшая из семьи, не окончив Строгановского института, как она приспособилась к непростой жизни в доме свекрови вместе с семьей старшего брата ее мужа. Большое место занимают страницы, рассказывающие о рождении детей, об их болезнях, о тяжелых критических ситуациях, когда дети находились между жизнью и смертью. Автор раскрывает радостные и горестные стороны се-

мейного быта, показывает восприятие неожиданных обстоятельств и испытаний, отношение к жизни и смерти, к православным людям и неверующим.

В целом впечатление от воспоминаний Наталии Николаевны остается очень светлое, хотя и может возникнуть вопрос: так что же такого особенного в этой внешне достаточно благополучной жизни, несмотря на временные трудности? Ее семью обошли гонения, ссылки, тюрьмы (известно немало примеров, когда участники тайных богослужений на дому получали по 10 и более лет лагерей). Родители помогали ей почти всю свою жизнь – финансово, продуктами, помогали воспитывать и образовывать пятерых ее детей. И у Пестовых, и у Соколовых жили женщины, присматривавшие за детьми и помогавшие по хозяйству. Сама Н.Н. Соколова сознательно сделала выбор, пожелав стать женой будущего священника, отказалась от профессиональной реализации, карьеры художницы.

Но за всем этим стоит стремление строить свою жизнь по Богу, все в жизни соотносить с Его волей, заповедями. Читатель видит, как семьи Пестовых и Соколовых свое стремление воплотили в реальный труд по исполнению этого. Наталия Николаевна, как она сама рассказывала в беседах, детей своих рожала «для Бога». Так и получилось – два сына ее стали священниками, третий – монахом, затем архиереем, обе дочери руководят церковными хорами. В 2000 г. она потеряла сразу двух сыновей: сначала о. Феодора, многодетного священника, настоятеля храма Преображения Господня в Тушино, трагически погибшего в автокатастрофе, а через несколько месяцев и среднего сына, епископа Новосибирского и Бердского Сергия. Ее старший сын, протоиерей Николай Соколов – настоятель храма святителя Николая в Толмачах.

Таким образом, рассмотренные нами воспоминания женщин – дочерей и жен священнослужителей и мирянок – позволяют получить ценную информацию о жизни членов Русской Православной церкви, включая ее повседневную и духовную стороны, в 1920–1950-е годы.

Исследование проведено в соответствии с планом НИР ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Макляя.

Список источников и литературы

1. *Урусова Н.В.* Материнский плач Святой Руси. М.: Изд-во «Русский Паломник», 2012.
2. *Жиркова А.И.* Воспоминания Антонины Иосифовны Жирковой, дочери протоиерея Иосифа, последнего пастыря Спасского собора города Олекминска, служившего ранее в градоякутской Николаевской церкви. 20-е – 30-е годы XX века. URL: <http://voskres.ru/podvizhniki/jir.htm>
3. *Василевская В.Я.* Воспоминания. Катакомбы XX века / сост. Н. Григоренко, П. Мень. М.: Фонд им. Александра Меня, 2001.
4. *Федина С.Г.* Верю, помню, люблю... 2-е изд., испр. М.: Культурно-просветит. фонд «Преображение», 2016.
5. *Соколова Н.Н.* Под кровом Всевышнего / под общ. ред. Преосвященнейшего Сергия (Соколова), епископа Новосибирского и Бердского. Новосибирск, 1998.
6. «Непоминающие» – неофициальное именование российских православных священнослужителей (и мирян), не принявших компромиссов с большевистским режимом в СССР, на которые пошел митрополит Сергей (Страгородский) в 1927 г., и отказывавшихся помянуть имя его за богослужением.

О.А. Валькова

*Москва, Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Письма советских женщин-ученых как исторический источник (1936 г.)

Личные письма – удивительно информативный и крайне интересный исторический источник. Письма ученых, особенно адресованные коллегам-ученым, несмотря на их личный характер практически всегда содержат деловую информацию – сведения о научных исследованиях и связанных с ними текущими проблемами и планами; неформальную информацию о жизни и деятельности различных научных институций; также они могут содержать подробности о повседневных «буднях» ученых. Подобные

письма часто носят эмоциональную окраску, позволяя реконструировать атмосферу жизни научного сообщества в тот или иной период времени. В настоящем докладе мы рассмотрим документальный комплекс писем советских женщин-ученых, сложившийся благодаря уникальному стечению обстоятельств осенью-зимой 1936 г. и впервые вводимый нами в научный оборот.

История возникновения документального комплекса, о котором пойдет речь, началась 11 сентября 1935 г. на заседании Секретариата Центрального бюро Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО). В этот день Секретариат заслушал отчет о ходе проводившегося в тот момент сбора статистической информации о советских женщинах-ученых [6, с. 435]. По результатам слушаний было высказано предложение о желательности проведения в Москве конференции женщин-ученых: «В связи с обработанным материалом, разрешить вопрос о созыве Конференции женщин-ученых с представителями Наркомздрава, Наркомпроса, Академии наук, ВИЭМ, ВАСХНИЛ и др.» [7, л. 67]. Дело, однако, подвигалось медленно, к марту 1936 г. (изначально запланированная дата проведения конференции) [7, л. 31] организаторы не успели. Они были, наконец, готовы только в ноябре 1936 г. [6, с. 452].

Во время конференции предполагались доклады женщин-ученых с отчетами об успехах их деятельности в разных научных дисциплинах. Именно поэтому среди участниц должны были присутствовать ученые различных специальностей. Их надо было как-то найти и собрать. Инициаторы проведения конференции переложили эту задачу на женщин, занимавших руководящие должности в научном мире. Предполагалось, что они выявят женщин, достойных участия в конференции, а также убедят их принять в ней участие.

Организация подобного мероприятия просто не могла не сопровождаться объемной перепиской. Большая часть ее, однако, в настоящий момент не выявлена, так же как неизвестны имена большинства женщин, отвечавших за организацию отдельных

направлений работы конференции. Но одно имя установить удалось. Доктор физико-математических наук (1935), выдающийся и всемирно известный физик Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945) согласилась отвечать за участие в конференции женщин-физиков, математиков, вероятно, отчасти, астрономов и специалистов в смежных науках. Среди ее личных документов в Архиве РАН и отложился комплекс писем, хронологически охватывающих период осени – начала зимы 1936 г. – время подготовки конференции. В основном это письма, направленные в ответ на запросы Глаголевой-Аркадьевой. Отпусков ее обращений почти не сохранилось. Письма, объединенные одним временным периодом и единой тематикой, тем не менее, не хранятся вместе, а разбросаны по различным делам и даже описям личного фонда супруга А.А. Глаголевой-Аркадьевой В.К. Аркадьева.

Учитывая обстоятельства, можно было бы предположить, что отложившиеся письма должны носить не личный, а делопроизводственный характер. Но это не так. Первой задачей А.А. Глаголевой-Аркадьевой являлось выявление женщин, уже известных своей научной работой в области физики, имевших опубликованные научные труды, патенты на изобретения и прочее и, таким образом, подходивших для участия в конференции. Делала она это исключительно с помощью своих личных и дружеских связей. О характере ее писем можно судить по одному сохранившемуся письму, написанному, правда, уже по окончании конференции, с просьбой о присылке недостающих материалов. Письмо начинается с обращения «Милая Муся» [3, л. 36об.]. Ответные письма зачастую начинались словами: «Дорогая Шурочка» [1, л. 3]. Уже одного этого достаточно, чтобы судить о неформальном характере переписки. Очевидно, что, столкнувшись с неожиданным заданием, Глаголева-Аркадьева обратилась за помощью к своим подругам, приятельницам еще по Высшим женским курсам. Именно поэтому полученные ею в ответ письма содержат не только деловую информацию, необходимую для организации конференции, но и сведения о личной жизни, условиях работы, сопровождавших эту работу проблемах и сложностях

женщин-физиков, а также мнения корреспонденток о самом мероприятии, которое вряд ли они стали бы высказывать незнакомому официальному лицу.

Интересно, что многие женщины, к которым обратилась Глаголева-Аркадьева, не были уверены в необходимости проведения конференции: «Что касается организации женщин ученых, то в таком отдельном обществе женщин меня опять грустно поражает отделенность женщин от мужчин и боюсь, что такая организация увеличит сепаратизм, а с другой стороны кое для кого послужит предлогом издевательства», – писала, например, М.А. Левитская (1883–1963), д. ф.-м. н., профессор кафедры теоретической физики Воронежского государственного университета [4, л. 4об.]. Другие, вроде бы поддерживая саму идею проведения мероприятия, всячески пытались увильнуть от участия в нем: «Я не имею ни ученой степени, ни ученого звания и пребываю в скромном чине ассистента, хотя заведу вакуумной лабораторией учебной и производственной. Получила [приглашение] сегодня принять участие в выставке, но не знаю, стоит ли, так как я не подхожу под группу тех женщин, к которым это относится», – писала С.С. Зильбершейн из Горького [2, л. 3]. Другие корреспондентки были настолько перегружены работой, что не имели возможности не только выбраться на конференцию, но и просто сходить сфотографироваться или купить марки на почте [4, л. 2об.]. Несмотря на стоявшую на дворе зиму 1936 г., корреспондентки Глаголевой-Аркадьевой не стеснялись открыто писать об условиях своей работы и жизни: «Живется нам здесь во всех смыслах плохо», – писала, например, д. ф.-м. н. М.Т. Грехова, также из Горького [5, л. 1об.].

Проанализированные в комплексе данные письма позволяют реконструировать условия научной работы женщин-ученых в середине 1930-х годов XX в., их отношение не только к работе, но и, до некоторой степени, к попыткам выделить женщин-ученых в отдельную категорию работников.

Список источников и литературы

1. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 204.

2. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 215.
3. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 161.
4. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 225.
5. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 210.
6. Валькова О.А. Документальные материалы по истории организации и проведения конференции женщин-ученых в Москве в 1936 г. (предисловие и публикация О.А. Вальковой) // Архив истории науки и техники. Вып. VI (XV). М.: «Янус-К», 2018. С. 434–454.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4394. Оп. 1. Д. 152.

1.3. Биографии женщин и автобиографии. Особенности работы с биографическими источниками

Т.Ю. Новинская

Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Особенности использования источников личного происхождения в исследовании одной женской биографии

История повседневности – одно из основных направлений современной исторической науки, основу исследовательской базы которого составляют прежде всего источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. Для источников этой группы характерна следующая особенность – в них события рассматриваются на индивидуально-личностном уровне их участников. Поэтому они наиболее адекватно отвечают задачам исследования XX в., то есть способствуют более глубокому раскрытию темы. Историк и краевед С.О. Шмидт к воспоминаниям относился как к «источнику формирования исторических представлений» и как к «ценному материалу для понимания менталитета времени» [6, с. 113–115]. Широкую популярность среди исследователей «его-документы» получили в конце XX в. как важный материал для изучения гендерных особенностей памяти [4].

Обратимся к смысловому пониманию терминов. Историк и источниковед А.Г. Тартаковский считает воспоминания и дневники двумя группами родственных произведений, объединенных общим понятием «мемуаристика». Он дает определение дневников и воспоминаний. «Дневник» – это исторически первичная и простейшая форма запечатления своего личного участия в исторической жизни, а воспоминание он относит к более сложной и развитой форме мемуарной культуры [5, с. 8]. Г.Н. Вульфсон называет три самостоятельных группы источников – дневники, воспоминания и автобиографии, в которых содержатся элементы воспоминаний [1, с. 105].

В исторической литературе можно выделить несколько классификаций, в основе которых лежит классовая принадлежность автора, его роль в описываемых событиях (организатора, участника, свидетеля, очевидца, современника) и пр. Подобную классификацию можно применить и к воспоминаниям.

При работе с источниками личного происхождения следует учитывать следующие факты. Во-первых, инициатива составления воспоминаний не всегда принадлежит автору. Во-вторых, часто воспоминания пишутся с позиции настоящего времени. В-третьих, важно учитывать цели создания текста – просто потребность в осмыслении или обнародование. В-четвертых, существенное значение имеет географически-временной фактор создания воспоминаний. «Короткий интервал» между происходящим и описанием этого в источнике, по мнению Г.Н. Вульфсона, сохраняет в памяти исторические факты и события более достоверными [1, с. 107]. И. Гелис называл это «давлением времени» [2, с. 199]. Однако, с другой стороны, в таких сочинениях восприятие фактов может быть более эмоциональным и менее объективным. А в воспоминаниях, написанных через определенный промежуток времени, оценка более взвешенная, хотя некоторые детали могут быть и забыты.

Таким образом, работа с данной категорией источников имеет свои особенности. При источниковедческом анализе воспоминаний, во-первых, следует проводить сравнительный анализ с об-

щеизвестными фактами и общепринятыми трактовками, во-вторых, определять достоверность представленных данных, их соответствие эпохе и времени, в-третьих, давать оценку степени документальности текста.

Теперь перейдем к конкретному тексту воспоминаний. Основными критериями для анализа использованной в данном исследовании воспоминаний стали советско-крестьянская тематика и хронологический период описанных в тексте событий (XX в.).

Воспоминания Анастасии Романовны Кузьминой-Тихоновой были записаны в 1993 г. Большую часть она написала по просьбе музейных работников самостоятельно, остальное было записано с ее слов под диктовку. Ее воспоминания – это история жизни советской женщины-активистки, которая от учителя и счетовода дошла до секретаря сельсовета, председателя сельсовета. Повседневный быт был тесно связан с сельским хозяйством.

Родилась Анастасия Романовна в батрацкой семье в 1913 г., а в 1916 отец ушел «добровольцем на империалистическую войну» и не вернулся. «Мать осталась сама восьмая. Самая старшая сестра 16 лет» [3].

Далее мы читаем в воспоминаниях описание бытовых условий, которые определяются общими, социальными и ситуационными факторами. И к главным относятся война и революция, что следует из текста. Однако автор напрямую ни словом ни обмолвилась о революционных событиях, смене власти. О произошедшем мы узнаем из описания автором следующих событий. Например, «стали брать землю (советы – *Т.Н.*) в виду отсутствия сельскохозяйственного инвентаря и лошади. Местами отдавать землю богачам, которые сеяли пополам и как могла мать обрабатывала всю площадь» [3]. Об отсутствии достатка автор также не пишет, но эта тема сразу же всплывает у читателя. «Старшая сестра ходила читать по *упокойникам*. Этим самым, остатками от поминок помогала кормить детей» [3]. Только один раз Анастасия Романовна дает волю эмоциям: «В 1921 г. умерла сестра 13 лет с голоду. Ох как страшно умирать с голоду, и еще страшнее смотреть *оставших* детей» [3]. Мать вынуждена была распреде-

лить «кого-куда». На долю Анастасии Романовны как самой смелой выпало «ходить по селу собирать милостыню». «Хоть по кусочку я должна принести. Так что приходилось выпрашивать у кого за крест, а кто заставит плясать под свой собственный язык» – пишет она [3]. Детские впечатления выдают эмоции, в которых присутствует обида, жалость к себе, матери и сестрам.

На этом описание бытовых условий по сути заканчивается. Далее автор в хронологической последовательности расписывает свое продвижение в профессионально-социальной среде. Обратим внимание на четкие формулировки, которые больше подходят к биографическому стилю. «Сентябрь 1923 по июнь 1929 г. по зимам училась, а летом сидела в няньках у богатых мужиков да стадо пасла. ... Сентябрь 1929 по июнь 1930 г. училась в селе Михайловка Лунинского района в школе крестьянской молодежи. ... Июнь 1930 по август 1931 г. работала учительницей взрослых (ликбез)...».

В 1930 г. принята в ряды ВЛКСМ и прошла курсы счетоводов. «Август 1931 г. по февраль 1932 г. счетовод...». «С II 1932 г. переведена в национальное село Синдрово. Торговое Татарское село Секретарем сельсовета для обучения укомплектования национальными кадрами. ... Проработав секретарем Шукшинского сельсовета с VII 1932 г. по X 1934 г., получив звание лучшего секретаря, меня Лунинский райисполком рекомендовал на должность Председателя Шукшинского сельсовета, учитывая мою способность, из членов ВЛКСМ меня парторганизация приняла кандидатом в члены КПСС и члена пленума Шукшинского сельсовета единогласно избрали Председателем сельсовета X 1934 г. по X 1937 г.» [3].

Так детские впечатления сменяются высказываниями человека, который знает, что по этим словам будут судить о ее трудовой и общественной деятельности. Четкость изложения материала связана, прежде всего, с родом трудовой и общественной деятельности, которая отличалась от рода деятельности простой колхозницы. Анастасия Романовна о своей работе председателем сельсовета пишет: «Старалась как можно строго на добровольных началах собирать огромные налоги с единоличных хозяйств

путем соревнований. Лучших налогоплательщиков поощряла...» [3]. «Строго на добровольных началах собирать огромные налоги» – вот так она формулирует требования государства в отношении крестьян.

Рассказ Анастасии Романовны отличается четкостью формулировок и немногословностью. Например, состояние колхоза, который она приняла в 1942 г., характеризует как «разваленное: постройки и состояние животноводства весьма тяжелое, лошади висели на веревках от истощения. Дисциплина труда была низкая, трудодни оплачивались незначительно, звеньевая организация труда отсутствовала. Урожайность зерновых была в среднем 3,6 ц. с га, низкая» [3]. Далее Анастасия Романовна пишет, что за два года положение в колхозе улучшилось. «Хозяйство заняло 1 место по урожайности, хлеб государству сдавали сверхплана, на трудодни оплачивала зерна от 2,5 до 3,3 кг и деньгами от 4 до 6 руб. кроме овощей и корнеплодов. Вообще с 1943 г. до 1948 г. колхозники никогда без хлеба не сидели» [3].

На должности председателя Анастасия Романовна находилась до 1954 г., пока на выборном собрании уполномоченных «не была освобождена от должности в связи с не избранием собрания из-за того, что секретарь партии Мартынцев ее не рекомендовал (был личный конфликт между ними)» [3].

Воспоминания Кузьминой изложены в рамках допустимого, сформированного в процессе собственного жизненного, а точнее сказать профессионального опыта, больше напоминают биографический текст. Эмоциональная сдержанность, четкая последовательность изложения событий позволяет сконцентрироваться на сюжетной линии, делая текст воспоминания хрестоматийным.

Список источников и литературы:

1. *Вульфсон Г.Н.* Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 104–117.
2. *Гелис И.* Как надо писать воспоминания (методологический очерк) // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 197–213.

3. Пензенский государственный краеведческий музей (ПГКМ). Основной фонд (О.Ф.) № 13563/6. Воспоминания Кузьминой-Тихоновой Анастасии Романовны. Май 1993.

4. *Пушкарева Н.Л.* «Пишите себя» (гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 241–273.

5. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М., 1991.

6. *Шмидт С.О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. С. 3–24.

Т.Н. Трофимова

Санкт-Петербург, независимый исследователь

Автобиографии двух женщин – членов Санкт-Петербургского математического общества: Елизаветы Федоровны Литвиновой и Ольги Сергеевны Ростовцевой

К 1900 г. в Санкт-Петербургском математическом обществе было тринадцать женщин. В этой статье я рассмотрю автобиографии двух из них – Елизаветы Федоровны Литвиновой и Ольги Сергеевны Ростовцевой. Речь идет о статье Литвиновой «Из времен моего студенчества», опубликованной под псевдонимом Е. Ель, и рукописном жизнеописании Ростовцевой.

Из автобиографического очерка Елизаветы Федоровны Литвиновой (1845–1919?) «Е. Ель. Из времен моего студенчества», напечатанном в IV томе ежемесячного литературного журнала «Женское дело» за апрель 1899 г., мы узнаем интересные сведения об авторе этого очерка. Мы узнаем, что Литвинова приходила к известной феминистке Е.И. Конради, чтобы подписаться под петицией о допущении женщин в высшие учебные заведения. Литвинова говорит о себе, что хочет, как и Ковалевская, поступить в университет и получить высшее образование. Она рассказывает о трудностях, связанных с посещением частных курсов и кружков для подготовки в университет, о том, что для поддержа-

ния своего существования ей приходилось подрабатывать частными уроками и переводами. Литвинова изображает себя человеком умеренных взглядов. Это мы можем прочесть в описании ее первой встречи со швейцарским профессором математики Ш., когда на его вопрос, принадлежит ли она к партии социалистов, она отвечает отрицательно [1, с. 41]. По странным причинам Литвинова не называет Ш. по имени. Герман Амантус Шварц (1843–1921) был известным немецким математиком, автором минимальной поверхности Шварца. Он защитил докторскую диссертацию в 1864 г. под руководством К. Вейерштрасса, перешел на кафедру высшей математики в Цюрихский политехникум в 1869 г. С 1897 г. он был иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Литвинова пишет, что, впервые услышав имя С.В. Ковалевской от Конради, она тоже решила стать математиком. Она замечает в своем дневнике, что, несмотря на обширные знакомства, она чувствовала себя в Цюрихе одинокой и поэтому начала писать дневник, который был для нее очень важен и который помогал ей справиться с трудностями жизни. В автобиографии Литвинова предстает перед нами как человек, очень увлеченный математикой. Она пишет о своей радости, когда Шварц предложил ей заниматься у него летом бесплатно. Она подчеркивает свое одиночество даже среди двадцати русских подруг, обучавшихся в Цюрихе медицине, так как ни с кем из них она не могла поделиться своей радостью о предстоящих занятиях – никто из них не смог бы понять этого. Литвинова рисует себя человеком умеренных взглядов, однако, когда в 1873 г. вышел приказ императора Александра II о возвращении всех студентов из-за границы, она не подчинилась ему и осталась в Цюрихе до 1878 г., т.е. до защиты докторской диссертации по теории функций на тему «Решение проблемы отображения» у Людвиг Шлефле. Она замечает, что нашла истинного понимающего друга в лице сестры С.В. Ковалевской Анны Васильевны Жакляр. Испытывая интеллектуальное одиночество, она впоследствии познакомилась и с самой Софьей Ковалевской, которая вдохновила ее на занятия математикой и стала ее путеводной звездой.

Литвинова большое место в автобиографии уделяет личному отношению к знакомым математикам. Например, она косвенно выражает негативное отношение к математику Куммеру, так как он проголосовал против допущения Ковалевской в Берлинский университет. Более того, она рисует не самый привлекательный портрет его дочери, супруги Г.А. Шварца, которую изображает типичной немкой, не слишком приятной. Не было ли связано это негативное отношение не только с ее отцом, противником женского образования, но и с ее предками по матери? По матери Мария Куммер принадлежала к знаменитой еврейско-немецкой семье Мендельсонов и была потомком известного еврейско-немецкого философа XVIII в. Мозеса (Моисея) Мендельсона. При этом материнское начало в этой даме вызывает у Литвиновой симпатию.

Из текста Литвиновой непонятно, почему она не называет Шварца по фамилии, почему прервались их отношения и почему она уехала из Цюриха в Берн защищать диссертацию.

Обратимся теперь к жизнеописанию Ольги Сергеевны Ростовцевой (1873 – после 1930), которое мы находим среди документов, представленных ею при поступлении в Женский медицинский институт. Ростовцева описывает свое детство как благополучное и спокойное. Свои первые уроки она получила от матери Елизаветы Николаевны, которая всех своих детей подготовила в учебные заведения. Ростовцева отмечает, что поступила в Первую московскую гимназию, которую окончила ее мать. В детстве на первом месте для нее было не учение, а подруги и классные интересы. Ольга Сергеевна оценивает свой характер как ровный и уживчивый, поэтому ей легко было сжиться с гимназической дисциплиной. Интересоваться учением она начала с пятого класса, и любимым предметом ее стала математика. По словам Ростовцевой, этому она была обязана своему учителю Петру Николаевичу Полякову: «Во время урока и учитель, и ученицы полны одним интересом и живут этот час одной жизнью» [2, с. 670]. После таких интересных уроков Ростовцева не могла не полюбить математику, тем более что обладала хорошими способностями к предмету. К тому же ее отец Сергей Григорьевич окончил математический факультет Московского университета.

После окончания гимназии Ростовцева решила поступать на физико-математический факультет Бестужевских курсов. Ее поддерживали родители, в отличие от родителей Литвиновой, которые были против получения ею высшего образования. После получения телеграммы о том, что она принята на ВЖК, Ростовцева стала сомневаться, сможет ли она справиться с учебой и одолеть курс высшей математики. Интересно описывает она свою первую лекцию. Она отмечает, что ничего не поняла на этой лекции по аналитической геометрии, которую читал основатель Санкт-Петербургского математического общества академик Имшенецкий. Правда, она смогла кое-как записать эту лекцию и заметила, что и другие слушательницы тоже ничего не поняли, и это ее ободрило. Скоро все встало на свои места, она успешно сдала полугодовые экзамены и осталась довольна собой. Ростовцева подробно описывает учебу на математическом факультете, отмечая нехватку свободного времени, однако говорит, что эти годы останутся навсегда лучшими годами ее жизни. Далее в жизнеописании Ростовцевой мы видим, что после окончания ВЖК она трезво оценила свои способности в области математики. Она поняла, что у нее нет творческой жилки, необходимой для настоящего учебного, а педагогическая деятельность ее не привлекала. В отличие от Литвиновой, Ростовцева не хотела уезжать из России для продолжения обучения. Она хотела приносить практическую пользу обществу. Поэтому она решила поступить в Женский медицинский институт и стать врачом. При этом Ростовцева отмечает, что в ее решении нет места корысти, так как она человек обеспеченный. Таким образом, в своем жизнеописании Ростовцева предстает как человек взрослый, серьезный, ответственный и целеустремленный, желающий приносить пользу людям.

Ростовцева относится к следующему за Литвиновой поколению русских женщин, которые получили высшее образование и хотели реализоваться в профессии. Она, по всей видимости, не была вовлечена в политическую деятельность. Общее у Ростовцевой и Литвиновой было то, что они обе окончили гимназию и что у них были примеры математиков. Разница между ними состояла в том, что Ростовцева после окончания ВЖК ушла из ма-

тематики в медицину. Литвинова, наоборот, защитила докторскую диссертацию и обратилась к педагогической деятельности. Автобиография Литвиновой построена относительно ее дружбы с Ковалевской. Автобиография Ростовцевой, в свою очередь, построена относительно нее самой.

Список источников и литературы

1. *Ель Е.* Из времен моего студенчества // Женское дело. 1899. Т. IV. С. 34–63.

2. *Трофимова Т.Н.* Член Санкт-Петербургского Математического общества Ольга Сергеевна Ростовцева – от профессии математика к профессии врача // Институт истории естествознания и техники им С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019. Саратов: Амирит, 2019. С. 670–673.

Т.Н. Самарина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Женская и мужская телесность в балетном искусстве по автобиографическим материалам XIX – начала XX в.

Автобиографический нарратив в танцевальном искусстве содержит уникальный исследовательский потенциал, так как освещение в письменном виде вопросов телесности обладает определенной профессиональной спецификой и выходит за рамки общепринятой фиксации повседневности для указанного периода. Письменная запись танцевальных постановок и танцевальных фигур (в отсутствие других фиксирующих средств) нашла свое отражение в научной субдисциплине хореологии, которая помогает визуализировать и фиксировать динамические и ритмические движения тела танцовщиков, а также хореографические паттерны. С появлением механических, а затем и цифровых устройств хореология перестала быть актуальной дисциплиной для танцоров, но обрела значимость в глазах историков и рекон-

структур танцев. Впрочем, для нас наибольший интерес представляют не попытки зафиксировать танец на бумаге, а попытки отрефлексировать происходящие в балетном искусстве изменения и развитие танца. В своем исследовании я хочу рассмотреть, как вопросы телесности, гендерных стереотипов, женственности/мужественности в танце освещаются самими балетными артистами и танцовщиками в вышеозначенный период.

С начала XIX в. в мировом балете появилась тенденция уделять больше зрительского, а также балетмейстерского внимания женщине-танцовщице: фокус балетного искусства сместился на балерину, тогда как раньше главенствовал мужчина. Такие трансформации связывают с именем Марии Тальони, которая не только покорила публику своим талантом, но и в 1826 г. стала первой исполнительницей танца на пуантах. «То, что танцовщица стала на пуанты, она почувствовала необходимость в поддержке – и ее кавалер стал не столько ее равноправным партнером, сколько ее поддержкой». [2, с. 113] Мысок на пуантах трансформировался и становился все более жестким, если Тальони танцевала в туфлях с простеганным мысом, то ее преемницы встали на мыс из пробкового дерева, поэтому мужчины-танцовщики стали необходимы балерине, чтобы помогать ей выполнять вращения и прочие фигуры. «В XIX веке, вместо гармоничного развития в танце мужского и женского начал, происходило одностороннее развитие женского танца». [2, с. 113] То есть часть девятнадцатого века мужчина в балете находился на вторых ролях. Само собой разумеется, что из Европы такая тенденция распространилась по всем балетным театрам мира, включая Россию. Женская партия заметно усложнилась технически, от балерин стали требоваться большие физические возможности, постепенно разница в сложности женской и мужской партии начинает уменьшаться. Впрочем, гегемония женского танца продлилась недолго, в начале XX в. талантливые танцовщики частично вернули себе утраченные позиции, во многом благодаря новаторскому подходу в «Русских сезонах» Дягилева. Однако с того времени женщина в балетном танце занимает центральное место. Танец на пуантах ассоциировался с женской техникой и олицетворял воздушность и возвышенность, как отмечает исследовательница

танца Ирина Сироткина. Таким образом в балетном искусстве транслировался гендерный стереотип о легкой и гибкой танцовщице на фоне сильного партнера, который служил опорой [3]. При этом ноги в пуантах выглядели неестественно прямо, соответственно и танец смотрелся совершенно по-другому. Отказ Айседоры Дункан от пуантов для своего времени выглядел протестом против «балетной» женственности, затянутой в корсет, трико и стоящей на «ортопедических приспособлениях», но у этой исполнительницы было много поклонников и последовательниц, которые принялись танцевать босиком. Творчество Дункан породило некий конфликт между академическим и естественным исполнением, что впоследствии вылилось в развитие танцевального направления модерн.

Под академическим танцем я понимаю классическую балетную хореографию, которую преподавали и исполняли профессиональные артисты балета; хореографию, основанную на классических позициях ног, рук и корпуса. Естественный танец, который привнесла в искусство Айседора Дункан, ориентировался на греческие изображения людей на амфорах и воспроизводил движения тела, направленные на выражение эмоций в танце как естественный импульс, иначе говоря, естественный танец – это пляска. Стиль Айседоры Дункан был одновременно и новаторским и своеобразным возвращением к идеалам античности. Исполнительница не без оснований считала классический балет калечащим, так как общеизвестные «пять позиций» ног (шестая позиция максимально безопасная в этом смысле) требуют противоположной выворотности и тяжелых упражнений над суставами и связками для достижения эстетически красивого тела в танце. С точки зрения Дункан такое насилие над человеческой природой было неприемлемо и уродливо (хотя сама «босоножка» не могла не отдать должное потрясающим способностям русских балерин) [3].

Так как тело – это инструмент и способ заработка для танцовщиков в крайне эротизированном и объективизированном виде искусства [2], то проблемы телесности и гендера находятся в более концентрированном изложении в автобиографических и дру-

гих профессиональных записях исполнителей танца, а также позволяют исследователям взглянуть на обозначенные вопросы под другим ракурсом. Тело танцовщика само по себе автобиографично и хранит отпечаток его деятельности, что только подчеркивает важность вопросов телесности и показывает, как общие тенденции трансформируются и отчасти утрируются в танцевальных сообществах.

Поддержано планом НИР Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Список источников и литературы

1. Дункан А. Моя жизнь. М.: Центрполиграф, 2019.
2. Лифарь С. Танец: основные течение академического танца. М.: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2014.
3. Сироткина И.Е. Пуанты: техника, желание, власть // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. Т. 40. С. 40–53.

Т.Г. Недзельюк

Новосибирск, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

«Книжечка мыслей» Анны (Екатерины) Абрикосовой и проблема женского лидерства в религиозной общине в России первой половины XX в.

Угловое здание на обертке шоколада «Бабаевский» известно всем. «Бабаевской» шоколадную фабрику назвали в 1922 г. в честь революционера П.А. Бабаева. Основана же она была на 118 лет раньше, бывшим крепостным крестьянином Степаном Николаевым (Абрикосовым). Соответственно, и называлась «Абрикосовской». Одной из представительниц славного рода Абрикосовых посвящено настоящее исследование.

После смерти родителей в 1881 г. (мать умерла во время родов, а отец десятью днями позже) Анна Ивановна Абрикосова воспитывалась в семье дяди, Николая Алексеевича Абрикосова. Выпускница Первой женской гимназии в Москве (золотая медаль, 1899 г.), Гайртон-колледжа при Кембрижском университете (1903 г., специальность «История») росла эрудированным и тонко чувствующим ребенком.

Семья кондитеров Абрикосовых была православной, но в период обучения в Кембридже, а затем – во время свадебного путешествия по Европе (мужем Анны стал кузен Владимир) будущая основательница доминиканской общины приняла решение стать католичкой. Переход состоялся в Париже, в 1908 г. Через три года молодожены вступают в доминиканский новициат и в 1913 г. приносят монашеские обеты. В своей московской квартире Владимир и Анна, принявшая при пострижении имя Екатерины Сиенской, основывают общину доминиканцев-терциариев. Владимир Абрикосов принимает священнический сан и проводит службы русской католической общины византийского обряда в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1923 г. община московских терциариев официально признана доминиканским ордемом. Далее начались аресты, этапы, тюрьмы, ссылки.

Проблема женского лидерства в жизни православных религиозных общин была обозначена в исследованиях Е.В. и Н.А. Беляковых [2]. Эпистолярное наследие Анны (Екатерины) Абрикосовой опубликовано в сборниках, подготовленных П. Парфентьевым и И. Осиповой [1; 3]. Данная статья призвана акцентировать социальную роль матери-настоятельницы в греко-католической общине России первой половины XX столетия.

Одна из терциарок, Софья Владиславовна (сестра Филомена) Эйсмонт вспоминала: «Матушка Екатерина, имея ясный и широкий ум, ... сердце имела чуткое, чувствительное, но без сентиментальности, была хорошим психологом и остроумна. В общине, на поверхностный взгляд, матушка Екатерина могла показаться строгой и суровой, что в период организации и первых лет жизни общины было совершенно необходимо для введения монашеской дисциплины и послушания уставу... По природе своей

матушка Екатерина имела мягкое, нежное сердце, и ей приходилось заставлять себя быть строгой... Обаяние ее светлой и благой личности привлекало к ней сердца всех окружающих...» [4, с. 20].

Софья (Филомена) в своих воспоминаниях отмечает: «Сестры в общине настолько глубоко чтили и уважали матушку Екатерину, что ни у кого из них не было секретов от нее; их сердца, души, мысли были открыты перед ней. Многие, глубоко доверяя ей, давали ей свои “книжечки мыслей”» [4, с. 23].

Считать ли “книжечки мыслей” дневниками в полном смысле этого слова? Фиксации событийного ряда в них нет, даты часто не указаны. Присутствует главное – личностное восприятие, рефлексия. Подобного рода сочинением является и “книжечка” самой настоятельницы [1, с. 158–188].

В тюремном заключении, в поисках духовной опоры, Анна (Екатерина) пишет: «Находясь перед лицом враждебной твари, душа нуждается в директиве, так как это критический момент в ее духовной жизни, от которого может зависеть весь последующий ее духовный рост. И эта директива дана нам с креста: “Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят”» [1, с. 161].

Не оправдывая действий тех, кто арестовывал и этапировал, обыскивал и конвоировал, настоятельница поясняет себе и сестрам-доминиканкам: «Ты не имеешь права судить, так как внутренняя жизнь другой твари есть тайна, открытая для Бога, и Ему принадлежит право судить» [1, с. 162].

Склонность Абрикосовой к религиозному мистицизму отмечалась и С. Соловьевым, и С. Эйсмонт. В тяжелые моменты заточения в Тобольской тюрьме мистицизм помогал ей сохранить присутствие духа, ободрять окружающих: «И какое жалкое безумие и слепота – восстать против владычества, всегда благого и милосердного, освобождающего тварь от жалкого рабства тварному миру и возводящего его в иной, сверхъестественный порядок бытия» [1, с. 165].

Не делая скидок на состояние здоровья (онкология, рак груди), Абрикосова фиксирует свои размышления: «...существует еще более возвышенное отношение к твари враждебной – отношение жертвенное или монашеское, потому что все монашествующие

особым образом призывают разделить крестный подвиг Господа, а тем самым призываются и к Нему» [1, с. 162].

Тобольск встретил Абрикосову холодно, ее поместили в одну камеру с уголовницами. Лидер по природе, она «...смогла наладить с ними хорошие отношения, они уважали ее, полюбили ее... Если среди этих уголовниц поднимался бунт и тюремные власти не могли перекрыть женщин, то надзор говорил: “Надо позвать Абрикосову, и все прекратится”. ...В результате такой популярности матушку Екатерину изолировали, переведя в одиночную камеру» [4, с. 47].

Призвание к жертвенности во имя России сестра Екатерина детерминирует так: «...надо всегда иметь в виду, что Бог хочет нашего единения с Ним и все располагает к этой цели. И Он так бережно относится к индивидуальности каждой души, так уважает и ценит ее, что Он каждой душе дает то, что ей необходимо, чтобы самым прямым и коротким путем достигнуть единения с Ним» [1, с. 171].

Каков бы ни был лидер, он – человек. Анна (Екатерина) признается: «...самое мучительное и опасное искушение – против надежды; не выдержу, если это будет еще долго продолжаться» [1, с. 174].

В состав «абрикосовской» женской общины доминиканок-терциарок входило в разные годы до 30 человек. «Спасение душ, обращение душ, как можно больше душ, ... совершенных, самоотверженных, поставивших целью, несмотря ни на какие препятствия, достигнуть счастья быть Его сотрудницами...» [1, с. 175], – таким видела свое призвание настоятельница.

Община терциарок была женской. Священники-настоятели (в том числе Владимир Абрикосов и Сергей Соловьев) выполняли роль администраторов, харизматичным же лидером была и оставалась Анна Ивановна (сестра Екатерина) Абрикосова.

Список источников и литературы

1. *Абрикосова А.И.* Последние слова Господа нашего на кресте // «Возлюбив Бога и следуя за ним...» / ред. И.И. Осипова. М.: Серебряные нити, 1999. С. 158–188.

2. *Белякова Е.В., Белякова Н.А.* Дискуссии о женском служении и рукоположении женщин на Поместном соборе Русской православной церкви 1917–1918 гг. // *Ostkirchliche Studien.* 2017. Т. 66. № 2. S. 313–342.

3. *Парфентьев П.* Мать Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова): жизнь и служение. М.: Керигма, 2004.

4. *Эйсмонт С.В.* Доминиканки восточного обряда в Москве // «Возлюбив Бога и следуя за ним...». М.: Серебряные нити, 1999. С. 14–114.

М.Б. Буланова, М.Ю. Милованова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Л.А. Шанявская у истоков женского медицинского образования в России (опыт биографического исследования)

Историческая биографика как качественный метод дает исследователю редкую возможность объяснить «лоскутную социальную реальность», а также «уловить ее изменчивость и переходность» [2, с. 7]. Именно к такой реальности можно отнести исторический период середины XIX – начала XX в. Сегодня нам кажется очевидным, что женщины составляют большинство медицинских работников, а их активная деятельность в этой сфере соответствует сложившейся «гуманистической концепции здравоохранения». Между тем, такая практика опирается на первопроходцев, стоящих у истоков женского медицинского образования, в том числе, и Лидию Алексеевну Шанявскую.

В данной статье на основе изучения деятельности Л.А. Шанявской авторы попытались совместить требования биографического метода с концепцией социологии жизни, получившей комплексную разработку в трудах Ж.Т. Гоценко [4]. Отправными точками такого подхода являются: поиски смысла жизни индивида; анализ причин конкретного поведения и деятельности личности; опора на индивидуальный опыт жизни человека в обстоя-

тельствах конкретной социальной среды. Все это сочетается с детальным и мотивированным описанием отдельных эпизодов (individual case history).

Следует подчеркнуть, что биография Л.А. Шанявской (1834–1921) – меценатки, благотворительницы, поборницы женского образования, до сих пор изобилует «белыми пятнами». Автобиографии для потомков Лидия Алексеевна не оставила, но позаботилась о том, чтобы память сохранилась о ее муже – основателе и вдохновителе московского Народного университета (1908–1918), названного его именем.

Первое, с чем сталкивается исследователь биографии Лидии Алексеевны Шанявской (девичья фамилия – Родственная) – это то, что до сих пор точно не установлены дата и место ее рождения. По свидетельству одного из современников, она была на 3–4 года старше своего мужа – Альфонса Леоновича Шанявского (1837–1905). Значит, можно предположить, что год ее рождения – 1834. Что касается места рождения, то вероятнее всего – это Сибирь. Отец Лидии (Алексей Федорович Родственный) был начальником Нерчинских сереброплавильных заводов, мать (Апполинария Ивановна Родственная) владела золотыми приисками в тех же краях. Тем не менее девушка получила хорошее домашнее образование и привычку к самостоятельной трудовой деятельности. Данную версию косвенно подтверждает исследователь С.Э. Шноль, составивший портреты выдающихся личностей конца XIX – начала XX в.: «Лидия Алексеевна Родственная (Шанявская), выросшая «в далекой сибирской глуши», была также высокообразованным прогрессивным человеком, ни в чем не уступающим своему супругу» [6, с. 68–69].

Будущие супруги встретились и познакомились в Сибири, а в 1872 г. в Иркутске заключили брак. Эти сведения содержатся в биографии А.Л. Шанявского, написанного Лидией Алексеевной для увековечивания его памяти. Уже один этот факт свидетельствует о тесной духовной связи между супругами. С.Э. Шноль пишет: «Эти замечательные люди были не просто близкими друзьями. Они служили одному делу, одной идее» [6, с. 71]. Этим общим делом была поддержка народного образования и, прежде всего, женского медицинского образования.

На цели благотворительной деятельности супруги использовали доходы, полученные с разработок золотых приисков на реке Зея (приток Амура). Этот период их деятельности описан в исследовании П.Ю. Афанасьева. Если Лидия Алексеевна первая инициировала поиски золота в этом районе, то генерал Шанявский, изучив иностранную литературу и опыт зарубежных компаний, использовал новейшие технологии добычи золота. Сеть золотопромышленных компаний Сабашниковых-Шанявских стала приносить немалую прибыль, супруги стали богатыми людьми [1]. Однако использовали они свое богатство на общее благо.

Первый опыт благотворительности Лидии Алексеевны был связан с реализацией идеи высшего медицинского образования для женщин. Задача была непростой, т.к. в то время занятие медициной было прерогативой мужчин. По приказу военного министра Д.А. Милютина 10 июня 1872 г. курсы «для образования ученых акушерок» при Санкт-Петербургской Императорской Медико-хирургической академии были открыты на условиях содержания за счет частных пожертвований и оплаты слушательниц за обучение. На оборудование данных курсов Лидия Алексеевна пожертвовала 50 тыс. рублей. Но потребовалась не только материальная помощь. Как отмечает С.Э. Шноль, без настойчивости и дара убеждения, присущих Лидии Алексеевне, не обошлось: «Это Лидия Алексеевна убедила министра, что во все времена раненым воинам помощь оказывали женщины. Что дать женщинам медицинское образование – в интересах государства» [6, с. 75].

Когда в 1881 г. по личному распоряжению военного министра П.С. Ванновского женские медицинские курсы были закрыты, началась борьба за первый в России Женский медицинский институт, в которой также приняли участие известные меценаты. Как отмечает П.Ю. Афанасьев, по просьбе супругов Шанявских 50 тыс. руб. отдал сибирский золотопромышленник И.М. Сибиряков. Лидия Алексеевна Шанявская вместе со своим супругом пожертвовали 300 тыс. руб., а еще 200 тыс. руб. поступили по завещанию их бывшего компаньона по золотым приискам – П.В. Берга [1, с. 76, 94].

Как и в первом случае, здесь не обошлось без дипломатических талантов Лидии Алексеевны: она лично ходила в различные инстанции с документами, общалась с официальными лицами. В воспоминаниях М.В. Сабашникова описан эпизод, как Лидия Алексеевна все-таки уговорила члена Государственного Совета К.П. Победоносцева (противника идеи женского образования) не являться в заседание, на котором будет поставлен вопрос об организации Женского медицинского института [3]. Лидия Алексеевна до конца жизни заботилась о судьбе своего первого детища, выполняя завещание Альфонса Леоновича: в случае невозможности в течение трех лет после его смерти открыть в Москве Народный университет, «передать также в трехлетний срок все движимое и недвижимое имущество, какое тогда останется, Санкт-Петербургскому Женскому медицинскому институту в собственность» [5, л. 100б].

Итак, используя синтез биографического метода с концепцией социологии жизни, обращаясь к архивам, мемуарам, автобиографиям соратников и трудам современных ученых, авторам удалось соединить разрозненные сведения о жизни Лидии Алексеевны Шанявской и дать целостное представление о ее деятельности на благо женского медицинского образования.

Список источников и литературы

1. *Афанасьев П.Ю.* Золото Приамурья. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2006.
2. *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
3. *Сабашников М.В.* Записки. Письма. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2011.
4. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни: монография / Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
5. ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 11. Д. 734 // Цит. по: «...Начинание на благо и возрождение России (создание Университета имени А.Л. Шанявского): Сб. документов. М.: РГГУ, 2004.
6. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Т.В. Тернопол

Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Внутрисемейная женская взаимопомощь и солидарность в «Автобиографии» А. Кристи

Агата Кристи является не только всемирно известной создательницей детективов, но автором нескольких автобиографических текстов, прежде всего, изданной посмертно «Автобиографии». Интерес поклонников творчества королевы детектива, ее биографов и литературоведов к этой книге закономерен: они надеялись найти в тексте ответы на вопросы об истории создания лучших книг писательницы, а также подробности ее личной жизни. Однако читателей ждало разочарование: Агата Кристи сосредоточилась, в основном, на воспоминаниях о детстве и рассказах об отношениях с родственниками, прежде всего, женской частью своей семьи, что делает ее произведение ценным источником по организации повседневного взаимодействия женщин в семьях верхушки среднего класса в Викторианскую и Эдвардианскую эпохи, и далее в течение всей первой половины XX в.

Агата Кристи родилась в 1890 г. младшим ребенком в семье Фредерика и Клариссы Миллер, у которых уже были одиннадцатилетняя дочь Маргарет (Мэдж) и десятилетний сын Луис Монтан. Женская взаимопомощь была высоко развита в этой семье, что было продиктовано семейными традициями.

А. Кристи пишет, что ее мать, Кларисса Бомер, с девятилетнего возраста воспитывалась в бездетной семье тетки по материнской линии. Причиной этого было раннее вдовство Мэри (близкие называли ее Полли) Бомер, оставшейся с четырьмя детьми и вынужденной принять предложение своей сестры взять одного из племянников на воспитание. Кроме этого Бабушка-Тетушка (как называет ее писательница), «постоянно проявляя большую щедрость по отношению к сестре, и после гибели мужа Полли она кормила и одевала всю ее семью». Впоследствии Бабушка-Тетушка взяла к себе маленькую Агату, когда ее родители отправились в Америку. Семейную традицию продолжила мать писательницы:

когда в 1922 г. Агата решила сопровождать своего мужа в кругосветном путешествии, «мама и сестра с восторгом согласились взять Розалинду (двухлетнюю дочь А. Кристи – Т.Т.) с няней».

Принятая в семье практика приема в дом детей, чьи родители оказались в сложной жизненной ситуации, была продолжена и самой А. Кристи в 1940 г., когда в ее поместье Гринвей поселились трехлетний крестник Кристал Маклеод и его брат Дэвид: родители надеялись уберечь их от бомбардировок, начатых фашистской авиацией. После бомбардировок Лондона летом 1940 г. А. Кристи сдала Гринвей некоей миссис Арбатнот, и в нем «поселили двух больничных сестер и десятерых детей». Таким образом, внутрисемейные практики были под влиянием чрезвычайных обстоятельств распространены сначала на друзей, а затем и на совершенно не знакомых А. Кристи людей.

Практика помощи уязвимым членам семьи в родительском доме А. Кристи поддерживалась благодаря тесному общению представителей разных поколений, причем инициаторами этого общения выступали старшие женщины. Бабушка-Тетушка каждую неделю собирала родственников в своем доме в Илинг: «По воскресеньям к завтраку обыкновенно приезжали два моих дяди и другая бабушка. Мы проводили самый настоящий “викторианский день”». Впоследствии центром притяжения стал родной дом А. Кристи в поместье Эшфилд, куда во время Первой Мировой войны переселилась ослепшая Бабушка-Тетушка. Переезд пожилой женщины был организован женской половиной семьи: «В Илинг на помощь маме поспешила Мэдж, из Девона приехала я, и для всех нашлось дело». А. Кристи и ее мать преданно заботились о престарелой родственнице. И, как вспоминала писательница, во время войны «жизнь была совершенно заполнена уходом за Бабушкой и работой в госпитале». Однако, анализируя впоследствии этот период своей жизни, А. Кристи полагала, что все равно уделяла недостаточно внимания своей бабушке, что свидетельствует о тесной связи женщин в этой семье не только с матерью и сестрами, но и с более дальними родственницами, что стало возможным благодаря постоянным практикам общения между представителями разных поколений.

Другой достаточно характерной для этой семьи чертой была сильная эмоциональная связь внутри женской ее половины. Писательница вспоминает, что ее Бабушка Б. (Мэри Бомер) и Бабушка Тетушка «очень любили друг друга, что совершенно не мешало им пререкаться и вставлять друг другу шпильки на почве ревности». Сама А. Кристи была чрезвычайно привязана к своей матери и всегда восхищалась ей: «Натура загадочная, притягательная, более сильная личность, чем папа, на удивление оригинально мыслящая и в то же время робкая и неуверенная в себе, в глубине души, как мне кажется, склонная к меланхолии. Слуги и дети были всецело преданы ей и немедленно повиновались каждому ее слову». Мать и дочь отлично понимали друг друга, о чем свидетельствуют комментарии А. Кристи к семейной истории о передаче Клариссы на воспитание тете: «Думаю, нанесенная ей (Клариссе – Т.Т.) обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих». Именно мать предложила будущей писательнице попробовать себя в литературе и инициировала написание первых рассказов и романа «Снег над пустыней», которые, однако, не были напечатаны. Кларисса Миллер поддержала решение дочери о браке с Арчибальдом Кристи в разгар Первой Мировой войны («мама преодолела свои сердечные недомогания и была счастлива вместе с нами»), работу над первым детективным романом «Таинственное происшествие в Стайлз», поездку в кругосветное путешествие в 1922 г. Неудивительно, что смерть матери в апреле 1926 г. ввергла писательницу в сильнейший стресс, усугубленный сообщением мужа об измене и требованием развода. В этот сложный момент жизни писательницу поддержала старшая сестра Маргарет.

В «Автобиографии» А. Кристи утверждает, что в детстве и юности она всегда была в тени своей яркой, умной и невероятно обаятельной сестры: «В нашей семье “умницей” раз и навсегда была признана моя сестра». Маргарет опубликовала несколько рассказов («Она могла сочинить великолепную историю на ровном месте»), и по утверждению А. Кристи, именно в разговоре с сестрой о книге «Тайна желтой комнаты» Г. Леру ей впервые пришла мысль написать детектив. После смерти матери старшая из детей Маргарет приняла на себя функции матриарха семьи и

заботилась о сестре и племяннице: ухаживала за ними, когда они обе заболели корью, активно протестовала против нового брака Агаты («она была уверена, что это ее дело – уберечь меня от опрометчивого шага»), впоследствии познакомила Розалинду с ее будущим мужем. Москитик (так называли в семье Маргарет) была очень привязана к своей племяннице (своих дочерей у нее не было) и заботилась о ней наравне с родной матерью.

Подводя итог, отметим, что в родительской семье А. Кристи сформировалась система женской взаимопомощи, основанная на представлениях о необходимости поддержки наиболее уязвимых членов семьи: женщин и детей. Эта поддержка выражалась в оказании материальной помощи, уходе за престарелыми членами семьи и детьми родственников, а также в эмоциональной поддержке в кризисных ситуациях и стимулировании самовыражения и творческой активности представителей младшего поколения. Данные практики помогали женской половине семье Бомер – Миллер компенсировать отсутствие рано ушедших из жизни мужчин и способствовали объединению и сплочению женщин разных поколений.

Список источников и литературы

1. *Кристи А.* Автобиография / пер. с англ. И. Дорониной. 03.02.2019. URL: <https://fullbooks.info/books/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/115417-agata-kristi-avtobiografiya.html> (дата обращения: 30.04.2021).

О.Г. Овчарова, О.В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская государственная специализированная
академия искусств*

Эффективность реализации биографического метода в гендерной политологии

Биографический метод – один из распространенных методов отечественных политических исследований. Специалисты в области истории политических учений указывают на следующие причины его научной значимости: «...наряду с изучением логики

познавательного процесса (филиации идей и т.п.), значительное место в истории социально-политической мысли занимает изучение комплекса факторов, связанных с обстоятельствами жизни и свойствами личности того или иного мыслителя» [9]. Политические психологи, ориентируясь на мнение Г. Лассвела о том, что «политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел», подчеркивают важность исторических и современных трудов в жанре биографий при изучении феномена политического лидерства [8, с. 326; 96]. Политические социологи считают результаты исследований политической жизни, полученные с использованием биографического метода, значительными [3].

Таким образом, можно говорить о том, что популярность применения биографического метода обеспечивается его познавательной спецификой. С одной стороны, политологи в состоянии увидеть личностные черты того или иного политического актора, оказавшего влияние на развитие конкретных политических процессов. А с другой – сквозь призму уникальности личности и жизнедеятельности политика, исследователи получают возможность проанализировать социально- и культурно-политический контекст, в пределах которого формировались качества человека, отражающиеся в его политической практике.

В настоящей работе проанализируем эффективность реализации биографического метода в гендерной политологии. Поскольку ее исследовательские ориентиры направлены на рефлексию возникновения, воспроизводства и нейтрализации факторов, обуславливающих гендерную асимметрию в сфере власти, обращение этой области знаний к изучению индивидуального и социального опыта женщин-политиков, а также условий его формирования и влияния на политические практики, представляется целесообразным и практически значимым.

Уточним значение ключевых понятий работы: «биография» и «биографический метод».

На наш взгляд, в самом общем виде под биографией в данном исследовании следует понимать ее распространенную энциклопедическую интерпретацию: биография (жизнеописание) это ис-

точник первичной информации, позволяющий выявить тип личности в социально-культурном, национальном и историческом контекстах. Поскольку система гендерных отношений – исторически и социально конструируемый феномен, нас будут более интересовать при анализе биографий первый и третий из заявленных контекстов.

Основываясь на сказанном выше, представим еще одно рабочее определение понятия «биография», присутствующее в авторитетных работах Ю.М. Лотмана. Биография и биографический дискурс у Ю.М. Лотмана погружены, среди прочего в исследования «историко-культурной памяти, механизмов культурного поведения, трансляции культурных смыслов в их сложном взаимопереплетении с индивидуальной памятью и индивидуально-личностным смыслообразованием» [2]. Таким же важным в нашей работе становятся выводы ученого о трансформации культурно-исторической памяти в ходе биографического осмысления. «Культурная память устроена двояко: она фиксирует правила (структуры) и нарушения правил (события). Первые абстрактны как нормы, вторые конкретны и имеют человеческие имена. Такова разница между предписанием закона и строками хроники. Из последней родится биография...» [5].

Рассуждая о биографическом методе, следует согласиться с тем утверждением, что он «...относится к той области научного знания, которую можно назвать “междисциплинарным пространством” или “общеметодологическим арсеналом”...» [1]. Отметим, что гендерные исследования, и непосредственно гендерная политология, также междисциплинары. Таким образом, биографический метод в гендерной политологии позволяет обнаружить комплекс социальных и исторических условий, конструирующих/реконструирующих асимметрию власти по признаку пола и историческую память об этом феномене. И с этой позиции биографический метод выступает более не как комплекс методов, а как методология – мировоззренческая концепция, которую исследователь может увидеть в том или ином жизненном пути, выделяя из текста контекст.

Проиллюстрируем сказанное с помощью обращения к разновидностям биографического метода, выработанным в пределах различных наук.

Большой потенциал содержит персональная (биографическая) история. Ее методология дает возможность увидеть способы и последствия преодоления социальных ограничений женщинами, участвующими в политике в отсутствие юридического права на это, а главное – тот политический опыт, который позволяла им приобрести система гендерной иерархии. В этом случае речь идет об анализе биографических материалов женщин-правительниц; женщин, не обладающих легальной возможностью, но имеющих неофициальные доступы к политике (фаворитизм, принадлежность к монаршей семье и церкви, женские социальные сети); женщин, попытавшихся переступить черту социально дозволенного и открыто заниматься политикой и выражать противоречащие общепринятым, мнения [7, с. 173].

Важное значение имеют и биографии женщин-политиков демократического периода. Помимо информации о мотивах занятия политикой и каналах вхождения во власть, кроме материалов о результатах деятельности, исследователь получает возможность обнаружить и проинтерпретировать механизмы нейтрализации женщинами проявлений гендерных стереотипов как со стороны коллег-мужчин, так и со стороны общественного мнения. При этом истории жизни современных женщин-политиков отражают их практическое умение конструировать поведенческие и имиджевые стратегии, которое приобреталось, воспроизводилось и изменялось в процессе индивидуального биографического опыта, накопленного в условиях гендерных традиций [4].

Заметим, что весьма продуктивным может оказаться анализ биографий политиков-мужчин. Последние предлагают новую, порой альтернативную общепринятой, оценку личностных качеств своих коллег, складывающуюся на основе как рабочих, так и дружеских контактов [6].

Безусловными примерами демонстрации ценностей гендерного равенства выступают биографии такого значимого исторического промежутка как Великая Отечественная война. Исполни-

ние женщинами публичных ролей (на фронте) и практика сочетания ими и частных и публичных ролей (в тылу), подтверждают конструирование гендерных норм.

Таким образом, реализация биографического метода в гендерной политологии позволяет осмыслить с новых позиций ряд политических практик. Прежде всего, увидеть политику прошлого как действующую в пределах не априорно заданной системы традиционных гендерных отношений. Отрефлексировать изменяющиеся критерии социального стандарта личностных и профессиональных качеств акторов политической деятельности. Квинтэссенцией результативности биографического метода выступает возможность детальной разработки схемы гендерной асимметрии политики в ее ретроспективном виде как через отражение в личной судьбе, так и через понимание социально-политического и культурного контекста исследуемого времени.

Список источников и литературы

1. *Беспалова Ю.* Биографические исследования в социологии культуры. URL: http://www.cdclv.unlv.edu/archives/articles/bespalova_bio_studies.html (дата обращения 24.05.2021).

2. *Голубович И.В.* Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса: СПД Фридман, 2008. URL: <http://www.philosophy.opu.edu.ua/elb/article> (дата обращения 18.04.2021).

3. См. напр.: *Докторов Б.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина / ред. Н. Мазлумянова – 2-е изд., доп. М.: ООФ «Общественное мнение», 2017.

4. См. напр.: *Козлова Н.Н., Рассадин С.В.* «Десять лет без права передышки»: анатомия политики от Галины Старовойтовой // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова). М.: ИЭА, 2020. Ч. 1. С. 87–91; *Козлова Н.Н., Монахова Ю.А.* Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского университета. 2019. № 2. С. 57–69.

5. *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора). URL: [http:// www. aptechka.agava.ru/statyi/teoriya/lotman/lotman28.html](http://www.aptechka.agava.ru/statyi/teoriya/lotman/lotman28.html) (дата обращения 10.04.2021).

6. См. напр.: *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М.: Издательство: Коллекция «Совершенно секретно», 1999.

7. *Репина Л.П.* Гендерная иерархия и «власть женщин»: индивидуальный опыт в социальном контексте // Теория и методология гендерных исследований: Сб. материалов / сост. Н.Ю. Фетицова М., 2006. Ч. 1.

8. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2010.

9. *Шириняц А.А.* Пропедевтика истории политических учений России X – начала XX вв. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35105.php>

Е.Б. Петрушихина

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Исследования барьеров в женском лидерстве: тема «стеклянного обрыва»

В течение десятилетий в западных странах шло широкое общественное обсуждение структурных ограничений в организации для женщин в их карьерном продвижении и достижении высших позиций в менеджменте. В 80-х годах XX в. дискуссии концентрировались вокруг метафоры стеклянного потолка, описывающей невидимые барьеры, блокирующие карьеру женщин [1]. С начала 2000-х к этой дискуссии добавилась метафора стеклянного обрыва. Стеклянный обрыв (glass cliff) – термин, предложенный в 2005 г. Мишель Райан и Александром Хасламом. Он означает тенденцию предоставлять женщинам высокие посты, заведомо сопряженные с высоким риском и большой вероятностью неудач [3].

В сравнении со стеклянным потолком, феномен стеклянного обрыва является более тонким и сложным, и характеризует скорее качество лидерской позиции, нежели саму возможность обретения женщинами лидерского статуса [2].

Первоначальные данные в пользу стеклянного обрыва были получены в архивном исследовании М. Райан и А. Хаслама, опубликованном в 2005 г. Авторы проанализировали деятельность компаний, входящих в индекс FTSE 100 (ключевой индекс Лондонской фондовой биржи) до и после назначения женщин и мужчин-руководителей в правление компаний. Результаты показали, что во время общего снижения стоимости акций назначения женщин не приводили к последующему ухудшению деятельности компаний. Однако более примечательно, что выявились изменения в цене акций, приводящие к новым кадровым назначениям. До назначения мужчин компании демонстрировали относительную стабильность, зато в течение пяти месяцев до назначения женщин наблюдалась низкая цена акций [3]. Результаты данного анализа опровергали тезис о том, что женщины-руководители являются причиной неудовлетворительной деятельности компаний. Более того, приобретая опыт в трудный период, женщины получали определенное преимущество в лидерстве.

Исследования феномена стеклянного обрыва осуществляются западными учеными около пятнадцати лет; за это время проведено большое количество разнообразных экспериментов, накоплен значительный фактический материал, который может быть полезен в осмыслении существующей управленческой практики и продвижении идеи гендерного равноправия. Подводя итог исследованиям, М. Райан с соавторами указывают, что феномен стеклянного обрыва обусловлен действием множества факторов. При этом можно назвать условия, при которых его появление наиболее вероятно [3].

Так, например, эмпирические исследования показывают, что феминные лидеры воспринимаются как более эффективные тогда, когда в условиях кризиса необходимо решать социальные проблемы персонала, а также в отсутствие социальной поддержки и финансовых ресурсов.

Кроме того, тенденция предпочитать женщин в угрожающих условиях имела место у менеджеров с выраженным стремлением к социальному доминированию [3].

Необходимо отметить, что явление стеклянного обрыва фиксируется не только в корпоративном секторе, но и в общественных организациях и в политической сфере.

Хотя существование стеклянного обрыва было подтверждено эмпирически и отдельными примерами, данные в его поддержку не являются абсолютными.

Так, например, в недавнем масштабном исследовании М. Бечтольд с соавторами не нашли фактов, поддерживающих идею стеклянного обрыва. Авторы рассматривали изучаемое явление в Германии на выборке 128 компаний в десятилетний период с 2005 по 2015 г. Для подтверждения надежности результатов дополнительно были изучены 105 фирм из Великобритании за тот же период.

Данные по обеим странам оказались сходными и в них отсутствовали доказательства более негативной деятельности в организациях, которые назначают женщин на руководящие посты. Это касалось и общей выборки, включающей менеджеров разных уровней, и подвыборки высших руководителей. Наоборот, фирмы, продвигающие женщин, показывали положительную тенденцию к результатам на рынке и поддержанию равенства в периоде, предшествовавшем назначению. оценки. Это весьма значимая находка, поскольку в начале 2000-х практики назначений в Великобритании связывались с идеей стеклянного обрыва.

Сопоставление кадровых назначений и финансовых показателей компаний в общей выборке директоров и подгруппе высших менеджеров привело ученых к выводу о том, что стеклянный обрыв – скорее миф, нежели реальный феномен [2].

Как эти находки согласуются с предыдущими исследованиями стеклянного обрыва?

Данное исследование касалось стеклянного обрыва только в корпоративном аспекте, исключая иные сферы, в том числе политику. Однако назначения на высшие должности в коммерческих организациях имеет свою специфику. Предприятия не могут позволить себе продвигать «жертвенного ягненка» на высшую

лидерскую позицию, потому что даже единственная «потеря» может быть фатальной. Это связано с тем, что политические партии не прекратят своего существования в случае своего проигрыша. Они могут счесть текущую кампанию проигранной для того, чтобы накопить силы для будущих выборов.

Во-вторых, в отличие от экспериментальных исследований, результаты авторов отражают практику реальных продвижений в отличие от гипотетических решений, где нет никаких рисков и велико влияние социальной желательности.

Кроме того, в исследовании изучались прежде всего финансовые показатели деятельности корпораций, а не их публичный имидж. Но авторы не отрицают, что публичные скандалы могут мотивировать некоторые решения по изменению состава правления. И наконец, можно отметить более строгий методический подход в реализации обсуждаемого исследования. В то время как предыдущие работы основывались на интерпретации корреляционных зависимостей, данное исследование фокусировалось на выявлении причинно-следственных отношений. Авторы не только увеличили количество фирм, чтобы обеспечить возможность сравнения, но и контролировали третьи переменные, которые могли выступать причиной изучаемого явления.

В условиях пандемии дискуссии вокруг метафоры стеклянного обрыва приобрели особую остроту. В интернет-пространстве появляются публикации о том, что страны, возглавляемые женщинами-руководителями, лучше справляются с последствиями коронавируса. В качестве знаковой фигуры, в частности, называется премьер-министр Новой Зеландии Джесинда Ардерн. Указывается, что именно сейчас механизм стеклянного обрыва приходит в действие: пандемия изменила отношение общества к лидерским качествам, больше стала цениться эмпатия, а обладающие ею женщины-лидеры дают гражданам ощущение заботы и защищенности.

Таким образом, история изучения стеклянного обрыва еще не завершена – полученные данные позволяют утверждать, что данный феномен как барьер в женском лидерстве существует. Однако

его следует рассматривать как множественно детерминированный и контекстно обусловленный. Задача будущих исследований – выявление факторов, неизбежно ведущих к его возникновению.

Список источников и литературы

1. *Петрушихина Е. Б.* Барьеры против женского лидерства // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. Иваново, 2019. С. 89–94.

2. *Bechtoldt M.N., Bannier C. E., Rock B.* The glass cliff – myth? Evidence from Germany and the U.K. // *The Leadership Quarterly*. (In Press).

3. *Ryan M.K., Haslam S.A., Morgenroth T., Rink F., Stoker J., Peters K.* Getting on top of the glass cliff: Reviewing a decade of evidence, explanations, and impact // *The Leadership Quarterly* 27 (2016). P. 446–455.

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Поколенческий анализ женских жизненных траекторий

Содержательные аспекты женской истории в различных гуманитарных науках могут рассматриваться сквозь призму поколенческого анализа. Этот подход активно развивается в последнее время, что может быть связано с изменением самого понятия «поколение», которое является непростым объектом для социологического анализа. В России эта сложность усугубляется продолжающимися масштабными социально-экономическими преобразованиями, начало которым было положено «перестройкой».

Подходы к изучению поколений в современной отечественной социологии отличаются разнообразием. Далее обозначим ряд обстоятельств, осложняющих изучение поколений (и межпоколенных отношений), выделим основные сложившиеся подходы и проиллюстрируем один из них авторскими качественными данными.

Что затрудняет изучение поколений? «Жизненное расписание» (выделение ключевых этапов жизненного пути личности) задается государственными нормативами, которые далеко не всегда совпадают со сложившимися культурными традициями. Это «расписание» (и отнесение себя к определенной возрастной группе) существенно зависит от принадлежности личности к определенной социальной страте – интеллигенции, крестьянству и т.п. [1]. Меняющиеся социальные процессы («возрастная стратификация», «возрастное разделение труда» и т.п.), определяющие социально-возрастную нормативность [2]. Наложение поколенческой, «исторической» структуры населения на современную, «возрастную» [3]. Таким образом, ряд обстоятельств затрудняют изучение поколений.

Далее выделим несколько ключевых подходов, рассматривающих поколение в качестве объекта анализа. Хронологически один из наиболее ранних подходов к пониманию поколений и их связи с культурой восходит к работам М. Мид. [4]. Она выделяла три типа культур: постфигуративные (в которых дети прежде всего учатся у взрослых); кофигуративные (где дети и взрослые учатся у сверстников) и префигуративные (где взрослые учатся у детей). Тип культуры, доминирующий в обществе, зависит от темпов социокультурных изменений. В постфигуративных культурах он невысок, изменения происходят медленно, незаметно на протяжении жизни поколения. В кофигуративных они становятся заметными на протяжении жизни одного поколения, а в префигуративных темп изменений настолько высок, что в некоторых социальных практиках дети и молодежь получают преимущества перед более старшими возрастными группами. Выделяется подход, маркирующий поколения россиян особенностями политического режима и/или персоналией, стоящей во главе государства – «условское», «брежневское», «(до)перестроечное» и т.п. поколение [3, с. 43–44; 7, с. 88–89].

Отметим эмпирический анализ поколенческой специфики россиян, опирающийся на данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) и использующий понятия предыдущего подхода [6]. Наиболее важным возрастным отрезком для социального формирования

поколения В.В. Радаев считает 17–25 лет («впечатлительные годы») – время вхождения во взрослую жизнь. По этому критерию автор выделяет следующие поколения: мобилизационное – годы рождения до 1938, период взросления – 1941–1956; поколение оттепели – годы рождения – 1939–1946, период взросления – 1956–1964; поколение застоя – годы рождения – 1947–1967, период взросления – 1964–1984; реформенное поколение – годы рождения – 1968–1981, период взросления – 1985–1999; поколение миллениалов – годы рождения 1982–2000, годы взросления – 1999–2016; и поколение Z, годы рождения – 2001 и позднее, годы взросления 2016 и позднее. Последнее поколение еще не вошло во взрослую жизнь и поэтому не рассматривается автором.

Автор отмечает, что поколение «миллениалов» входило в жизнь в относительно спокойные годы начала XXI века. В своем исследовании автор выбирает медианный возраст для разных поколений в 27 лет и сравнивает важные социологические показатели в этом возрасте. Последнее поколение миллениалов «откладывает взросление». К 27 годам они реже (по сравнению с более ранними поколениями): состоят в браке (включая фактический), имеют детей, обладают полной трудовой занятостью.

Поколение «миллениалов», как и следовало ожидать, активной вовлечено в виртуальную среду, чем предыдущие поколения, хотя в этом отношении реформенное (предыдущее) поколение отличается от него в наименьшей степени. Автор предполагает, что представители реформенного поколения были достаточно молоды в период развития виртуальной среды, чтобы успешно ее освоить. Миллениалы ведут более здоровый образ жизни, чем предыдущие поколения – они меньше употребляют алкоголя, чем другие поколения в выбранном возрасте, меньше курят (в основном за счет снижения доли курящих мужчин). В итоге автор делает вывод, что на примере «миллениалов» мы видим уход с исторической арены «простого советского человека», хотя этот процесс идет неравномерно по разным показателям.

Следует отметить подход Н. Хоува и В. Штрауса (выделение X-, Y- и т.п. поколений), адаптируемый в России Е.М. Щамис и постулирующий циклический характер смены поколений четырех

типов (по 20 лет на каждое поколение). Несмотря на широкое использование «мемов» в качестве ярлыков различных поколений научная фундированность и практическое применение предлагаемой типологии поколений вызывает серьезные сомнения [5]. Наконец, рассмотрим авторский подход [8, с. 203–250]. Иллюстрацией поколенческого подхода может служить эмпирическое исследование жизненных траекторий женщин реформенного поколения. Оно выявило две характерные траектории. Сбор первичного социологического материала происходил методом незаконченных предложений и анкетного опроса. Всего в исследовании приняли участие 52 респондентки, проживающие в Москве и Московской области, имеющие высшее и среднеспециальное образование. Целью было выявление специфики самореализации женщин данного поколения. Результаты показали, что ее особенности отличаются в зависимости от удовлетворенности работой.

**Особенности самореализации женщин старше 30 лет,
удовлетворенных работой**

Семейная сфера	Дать детям хорошее образование, дождаться внуков, вступить в удачный второй брак, родить еще одного ребенка
Профессиональная сфера	Продолжить карьерный рост, найти более высокооплачиваемое место работы
Дополнительная сфера	Поддержание здоровья, уход за собой, активный образ жизни

Эта группа женщин имеет высокий уровень самореализации в различных сферах жизнедеятельности, планирует ее наращивание в будущем.

**Особенности самореализации женщин старше 30 лет,
неудовлетворенных работой**

Семейная сфера	Помощь детям в приобретении жилья, в воспитании внуков
Профессиональная сфера	Надеяться не на что
Дополнительная сфера	Вклады в дачу

Здесь наблюдается гораздо более низкий уровень самореализации, респондентки не видят перспектив в своей жизни.

Таким образом, предварительно была выявлена определенная специфика жизненных траекторий женщин в различных сферах жизнедеятельности и прослежена определенная ее связь с (не)удовлетворенностью своей профессиональной занятостью.

Исследование имело разведывательный характер, опиралось на качественные методы сбора первичной информации и нуждается в продолжении с использованием количественных методов исследования.

Список источников и литературы

1. *Бочаров В.В.* Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб., 2000.

2. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1997.

3. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России* / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЛЮ, 2005.

4. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

5. *Петрушихина Е.Б., Солодникова И.В., Солодников В.В., Седова О.Л., Загоруйко А.В., Дорожжеев А.Н., Смирнова Т.Ю.* Поколенческий подход в гуманитарных науках // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование.* 2016. № 4 (6). С. 139–150.

6. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования.* 2018. № 3. С. 15–33.

7. *Семенова В.В.* Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России* / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЛЮ, 2005.

8. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* Средний возраст и жизненный путь личности. М.: Изд-во РГГУ, 2018.

С.Н. Брежнева

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный
университет им. А.С. Пушкина*

Калмыцкая княгиня Анна Тайшина: историографические штампы биографии

С калмыцкой княгиней Анной Тайшиной связывают основание города Ставрополя в 1737 г., будущего Тольятти (с 1964 г.), который должен был стать местом проживания крещеных калмыков. Город потому и назван был так – Ставрополь, что означает «Город Святого Креста».

Об этой женщине известно немного. Специального исследования еще не появилось. Настоящее ее имя – **Церен-Янжи**. Она происходила из древнего и знатного рода калмыцких тайшей (тайша – вождь у монгольских народов) и была внучкой Церен-хана, хошеутского владельца. В 14-летнем возрасте Церен-Янжи была выдана замуж за Баксадая-Дорджи, внука известного хана Аюки, что и предопределило ее дальнейшую судьбу.

Начало XVIII в. в истории Калмыцкого ханства характеризуется постоянными междоусобицами, сопровождающимися борьбой за власть. Специфика данного государственного объединения состояла в том, что Калмыцкое ханство являлось в значительной мере искусственной структурой, созданной на русских землях, никогда не принадлежавшим калмыкам. В этих условиях калмыцкая знать для легитимации своего положения была вынуждена обращаться за помощью к российским властям как третейскому судье в возникающих династических спорах. Исходя из этого, русские власти либо способствовали укреплению ханской власти, либо провоцировали столкновения между тайшами и нойонами, чтобы ослабить ханскую власть и подобрать более надежную с их точки зрения кандидатуру.

Миссионерские функции русской православной церкви предусматривали крещение нерусских народов, в том числе калмыков. Процесс христианизации их не был форсированным и исходил из внутренних и внешних факторов. Однако большое значение придавалось христианизации калмыцкой знати. После смерти Аюки-хана в 1724 г. обострилась борьба за власть. И в этих условиях

внук Аюки, желая занять ханский престол, сделал ставку на принятие православия, что являлось политическим ходом. Поскольку Баксадай-Дорджи необходим был русской власти для защиты южных рубежей от набегов кочевников, то его поддержали.

Баксадай-Дорджи был крещен в Троицкой церкви Санкт-Петербурга 15 ноября 1724 г. Восприемником его являлся сам император Петр I, поэтому он получил имя Петр, а его титул «тайша» стал его фамилией. Петру Тайшину был пожалован титул князя, а заодно и власть над всеми крещеными калмыками [3, с. 531].

После крещения Петра Тайшина в 1724 г. была образована первая православная миссия, которую возглавил иеромонах Никодим Ленкеевич, специально присланный из Москвы и знавший калмыцкий язык. Согласно его донесениям «о ходе дел исполняемой им миссии», с 1729 по 1730 г. было крещено 59 калмыцких семей, из которых 159 мужчин и 135 женщин [6, л. 11об.], а в 1732 г. – 51 семья [6, л. 24]. Всего же за десять лет крестилось 863 семьи, или около 6000 человек [5]. Поскольку между крещеными калмыками и калмыками-ламаистами постоянно происходили столкновения на религиозной почве, Петр Тайшин во избежание возвращения крещеных калмыков к прежней вере обратился в Коллегию Иностранных дел с просьбой построить для них город. Просьба была удовлетворена лишь после его смерти, в 1736 г. И вот здесь на исторической арене появляется его супруга.

Церен-Янжи, являясь женой Петра Тайшина, до его смерти в 1736 г. никак себя не проявляла, находясь в тени могущественного супруга. Крещение она приняла лишь 3 июля 1735 г., т.е. на одиннадцать лет позже мужа. Казалось бы, совершенно естественным является одновременный переход к православной вере обоих супругов. Значит, что-то удерживало женщину от подобного шага. Восприемницей Церен-Янжи при крещении стала императрица Анна Иоанновна, поэтому жена Петра Тайшина получила имя Анна. Крестным отцом новокрещеной калмычки стал Андрей Иванович Остерман, от имени которого было образовано ее отчество – «Андреевна» [4, с. 56–57].

Согласно Высочайшей грамоте, подписанной 20 июня 1737 г., Анна Тайшина была возведена в княжеское достоинство, и в ее

управление переданы все крещеные калмыки [2, с. 54–57]. Грамота определила круг лиц, на которых возлагались властные полномочия в поселении крещеных калмыков, которое создавалось как административно-территориальное образование с особым автономным статусом и монархической формой правления, основанное на калмыцких обычаях.

Таким образом, вероятно, неожиданно для нее самой, Анна становится тайшей – вождем, возглавившим крещеных калмыков. Ей поручалось правление над всеми крещеными калмыками и «содержание оных в добром порядке» [2, с. 50–51]. В помощь княгине был назначен в качестве военного коменданта полковник Андрей Иванович Змеев. По поводу выбора места для будущей крепости возникли разногласия между начальником Оренбургского края И.К. Кириловым, который определил территорию в среднем течении реки Ток, притока реки Самара, и полковником А.И. Змеевым, считавшим, что калмыкам следует позволить кочевать в районе рек Волга, Кондурча, Сок [2, с. 47–50]. После смерти И.К. Кирилова в 1737 г. его преемник В.Н. Татищев, основываясь на письменных сведениях и картах, доставленных ему его помощником полковником А.И. Тевкелевым, ознакомился с местностью, выбранной его предшественниками. Он принял сторону Змеева и, сам объехав данную территорию, убедился, что строить город с крепостью для калмыков удобнее и лучше всего на луговой стороне реки Волги, при притоке ее Куньей Воложке, где имеется довольно много лугов и покосов. Об этом было доложено в Коллегию Иностранных дел 24 сентября 1737 г., и данный выбор был одобрен [1, с. 97].

Весной 1738 г. началось строительство крепости. К лету она приобрела видимые городские очертания. Княгиня Анна Тайшина с 2104 калмыками (700 кибиток) переехала в Кунью Воложку в середине сентября 1738 г. Вместе с ней прибыли по распоряжению Синода архимандрит Никодим Ленкеевич и протопоп А.И. Чубовский, хорошо знавшие калмыцкий язык. Анна Тайшина получила из казны 9347 рублей для обживания на новом месте. По указу Сената от 29 марта 1738 г. ей определили жалованье 500 руб., хлеба по 500 четвертей в год. Ее окружение также получило твердое жалование – по 50 руб. [5].

Поселенные в окрестностях крепости калмыки составили особое Калмыцкое казачье войско, а В.Н. Татищев, будучи в октябре 1738 г. в Куньей Воложке с инспекционной проверкой, способствовал назначению Анны Тайшиной атаманом. Указом Сената от 14 мая 1739 г. крепость Кунья Воложка была переименована в г. Ставрополь. В 1741 г. в городе была открыта калмыцкая школа.

Княгиня Анна Тайшина скончалась в 1742 г., вскоре умер и комендант крепости А.И. Змеев. С их смертью среди ставропольских калмыков, а также между ними и русскими начались бесконечные тяжбы, ссоры и претензии друг к другу. Конец всем этим беспорядкам положил оренбургский губернатор И.И. Неплюев, в ведомство которого в 1744 г. поступили ставропольские калмыки.

История жизни этой необычной женщины, волею судьбы оказавшейся во главе калмыцкого казачьего войска, еще ждет своего исследователя. Те труды, которыми мы располагаем, подчас наивно описывают обстоятельства жизни и помыслов калмыцкой княгини. Думается, что была она обычной женщиной без особых амбиций. Однако тот факт, что после ее смерти начинаются раздоры между казаками и калмыками, закончившиеся исходом последних, говорит о том, что она силой своего авторитета, а, возможно, памятью супруга, сдерживала сепаратизм калмыков.

Список источников и литературы

1. *Брежнева С.Н., Мунин А.Н., Овсянников В.П., Аристов О.Н.* Российская история для тольяттинцев. Тольятти: ПВГУС, 2001.

2. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А.С. Ряжев. Ростов-на-Дону, 2011.

3. *Джунджузов С.В.* Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1937 гг.) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543.

4. *Орлова К.В.* История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М.: Восточная литература, 2006.

5. Орлова К.В. Образование поселения крещеных калмыков в Ставрополе-на-Волге // Государственная служба. 2005. № 5 (37). URL: http://www.religare.ru/2_22716.html

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 11. Д. 347.

Дуэрдун Цзясына

*Томск, Национальный исследовательский Томский
государственный университет (ТГУ)*

«Как я стала шаманкой?» Истории трех тувинских шаманок

Содержание доклада основано на моих полевых исследованиях в Республике Тыва в июне 2019 г. и онлайн-интервью с тремя женщинами-шаманами в мае 2020 г. В ходе моего полевого исследования мне удалось взять интервью у трех женщин-шаманок: Анисьи Семис-ооловны Монгуш, Татьяны Шаннаевны Ондар и Долааны Кадыр-ооловны Дивии. В докладе на примере жизненных историй этих тувинских шаманок анализируется процесс шаманского становления, его особенности и трудности.

В книге «Мифологические корни тувинских шаманов» М.В. Кенин-Лопсан писал: «при этом отмечалось, что шаманом может стать как мужчина, так и женщина, причем, по некоторым сведениям, родоначальницей тувинских шаманок была именно женщина, убитая, по легенде, стрелой хана» [3, с. 80–86]. Еще Г.Н. Потанин в своей книге отметил, что: «Действительно ее застрелили, но она родила сына со знаком на лбу от стрелы. Это и был родоначальник всех шаманов...» [5, с. 289–290].

Анисья Семис-ооловна Монгуш – очень сильная шаманка. Она родилась 17 июля 1960 г. в селе Искра сумона Бажын-Алаак, Чоон-Хемчикского кожууна, в семье чабанов. С конца 1998 г., с ноября, она начала работать в шаманском обществе «Дунгур», где работает и по сей день.

Татьяна Шаннаевна Ондар родилась 27 января 1954 г. в поселке Арыг-Узуу Улуг-Хемского кожууна Республики Тыва. Она

тоже является членом шаманского общества «Дунгур» в г. Кызыл, открыто начала работать с 1996 г. Она работала в Свердловской, Курганской, Тюменской областях, в 2015 г. участвовала в международном фестивале шаманов в Улан-Баторе.

Долаана Кадыр-ооловна Дивии родилась 24 апреля 1969 г. в селе Бижиктиг-Хая Барум-Хемчикского кожууна, является председателем шаманского общества «Дунгур». Официально, открыто она начала практиковать шаманизм с 2001 г., работала по приглашению во многих городах и регионах России, в Монголии.

В становлении этих трех шаманок можно выделить три общих черты. Во-первых, все они являются потомственными шаманками, во-вторых, все они испытывали те или иные проявления шаманской болезни, и, в-третьих, все они получали помощь от других шаманов.

Как правило, шаманы знали своих предков в нескольких поколениях. По словам А.С. Монгуш, ее предки, как по линии отца, так и по линии матери, являлись шаманами, лечили людей. По линии матери шаманов среди ее предков было больше. Ее дед (со стороны матери) лечил людей, бабушка (со стороны матери) тоже была шаманкой. Т.Ш. Ондар рассказала: «Я – потомственная шаманка в тринадцатом поколении. Мои предки по отцовской линии были шаманами, среди моих предков были семь мужчин-шаманов и две женщины-шаманки...мои камушки перешли мне от моего отца, и они со мной уже более тридцати лет...». Д.К. Дивии сообщила: «Среди моих предков со стороны матери были очень могущественные шаманы, они проживали на территории Кара-Холя. Этот дар передается через каждые три поколения...».

Ф.Я. Кон отмечал, что «потомственные шаманы» имеют в своей генеалогии по 8–10 шаманов [4, с. 73]. Потомственный шаман будет испытывать «шаманскую болезнь». «Шаманская болезнь» обычно проявлялась в молодости, у мужчин в 20–25 лет, у женщин в 13–18 лет. Но были исключения. С.И. Вайнштейн писал: «Мне пришлось беседовать с несколькими бывшими шаманами, которые, по их словам, заболели “шаманской болезнью” как в детском, так и в среднем возрасте» [1, с. 176]. Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечал, что «шаманская служба далеко не каждому

по плечу», эта профессия «не принадлежит к числу привлекательных», а потому многие родители, в роду которых были потомственные шаманы, испытывают страх и ужас, когда в их ребенке проявляются признаки избранничества [2, с. 139–140].

Из описания шаманками своего опыта шаманской болезни, можно понять, почему они боятся этого. Т.Ш. Ондар сообщила: «...я с самого детства испытывала шаманскую болезнь... Эта болезнь продолжалась до тех пор, пока мне не исполнилось 17 лет. Я могла увидеть то, что не видели другие и у меня начинался приступ, я падала и теряла сознание...Все это доставляло мне большие неудобства, мое заболевание не имело причин, не поддавалось лечению...». А.С. Монгуш рассказала: «...я прошла через болезнь, прежде, чем стать шаманкой... Каждый шаман проходит через тяжелую болезнь, непонятную, неизлечимую, которую можно “исправить”, направить в правильное русло...». Д.К. Дивии отметила: «...шаманскую болезнь я тоже прошла, это очень сложно в том плане, что никто не знает, что с тобой происходит, что у тебя болит, как тебя лечить...».

Можно сказать, что им всем помогали другие шаманы на пути к тому, чтобы стать шаманкой, и это очень важный элемент. Когда женщина болеет шаманской болезнью, она проходит через боль и нуждается в помощи и руководстве со стороны других опытных шаманов во время этого процесса. Д.К. Дивии получила помощь и руководство от деда со стороны матери, А.С. Монгуш – помощь и лечение от двух шаманок, а Т.Ш. Ондар получила лечение от отца. Она даже заявила, что шаманские болезни поражают ее и по сей день: «Каждый раз после манипуляций отца, болезнь уходила на год-два, потом приходила вновь».

В ходе своих полевых исследований я слышала историю о женщине, которая отказалась стать шаманкой. Эта женщина – потомственная шаманка. Она всегда сопротивлялась тому, чтобы стать шаманкой, но шаманская болезнь мучила ее. Ей всегда было нужно просить шамана время от времени проводить для нее ритуалы. Несмотря на это, она продолжает страдать психически и физически, и у нее всегда была способность предсказывать. Поэтому в Туве считается, что, когда человек болен, в его семье есть

шаман, болезнь не может быть вылечена современной медициной. Такой человек обладает «особыми способностями», он является шаманом и должен принять свой дар, и если он будет сопротивляться и отвергать этот дар, то он будет страдать физически и умственно.

Судя по рассказам трех тувинских женщин-шаманок о том, как они стали шаманами, можно сделать несколько выводов. В современной Туве до сих пор сохраняется передача шаманского дара по наследству, современные шаманки – представительницы древних шаманских родов. Шаманская болезнь – это признак становления шамана, она приносит огромную физическую и психическую боль. Иногда, по словам шаманки Т.Ш. Ондар, шаманскую болезнь нельзя вылечить. Становление шамана – непростая задача, как уже отмечалось, она сопряжена с болью и требует помощи и руководства со стороны других опытных шаманов.

Список источников и литературы

1. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
2. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. (Русское географическое общество). Т. III. Вып. 1. Л., 1926.
3. *Кенин-Лопсан М.Б.* Мифологические корни тувинских шаманов / Б.м., 2000.
4. *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. М.: Советский писатель, 1936.
5. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1881.

О.Е. Бредникова

*Санкт-Петербург, Центр независимых
социологических исследований*

«Живу, постоянно оглядываясь»: специфика (авто-) биографических нарративов мигранток из Средней Азии

В докладе я хочу порассуждать о специфике автобиографических нарративов (рассказов о жизни) мигранток из Средней Азии,

прибывших в российские мегаполисы, в частности в Санкт-Петербург и Москву, с целью трудовой активности. Доклад вырос на основе проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», проводившегося на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2014–2018 гг. Исследование основано на качественной методологии с применением этнографических методов, интервьюирования и наблюдения. В фокусе доклада – жизненные истории мигранток из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, всего семь кейсов. Исследование было выполнено в логике лонгитюда, и с каждой из информанток мы встречались раз в полгода в течение пяти лет и вели долгие беседы, в которых женщины рассказывали о своей жизни.

(Авто-)биографические нарративы мигранток имеют свою специфику [2, 3]. При этом их тщательный анализ и разработка могут приблизить нас к пониманию феномена женских миграций в целом. В докладе предполагается поднять следующие темы:

1) Мигранты, прибывающие из Средней Азии, реализуют различные сценарии. Под сценариями в исследуемом случае понимается некая идеальная модель, описывающая жизненные стратегии и повседневные практики мигрантов [1], это своего рода нормализованная и растиражированная биография. Наиболее распространенные сценарии – сценарий гастрабайтера и сценарий туриста. При этом мигрантки активно реализуют особый сценарий «починки брачного статуса», связанный в первую очередь с разводами. Ситуация развода зачастую выталкивает женщин в миграцию, куда они едут не только с целью заработка, но и найти себе брачного партнера, «починить» брачный статус. В этой связи биографический нарратив представляет собой сложную историю поиска нового партнера и процесс (семейной) эмансипации и общих изменений концепций дома и семьи.

2) Зачастую рассказы о жизни мигранток выстраиваются как трудовая биография, которая имеет свои особенности, связанные с высокой степенью мобильности [5]. В данном случае биографический нарратив представляет собой не столько информацию о трудовой карьере, сколько простое перечисление собственных перемещений и связанных с этими перемещениями мест работы

и списков профессий. В женских нарративах в трудовых биографиях акцентируются отношения с работодателями, которые выстраиваются как патрон-клиентские отношения, где работодатель рассматривается как «хозяин». В таких нарративах возможно реконструировать отношения власти и зависимости, воспроизводящие общий фрейм патриархата. При этом тема трудовых отношений мигранток с работодателями/«хозяевами» часто оказывается «слепой зоной» для исследователей и скрываемой, закрытой темой самими женщинами.

3) В рассказах о жизни мигранток зачастую прочитывается противоречивая информация. При этом анализ этих биографических нарративов показывает, что такие противоречия – это своего рода ответы женщин на вызовы транснационализма. В данном случае под транснационализмом понимается одновременное существование в двух и более обществах [4], во множественных рамках референций, что зачастую предъявляет женщинам противоречивые требования. Транснационализм зачастую даже воплощен телесно. Так, он требует от женщин разных телесных воплощений, например, быть худой или «в теле» одновременно. Поиск и анализ противоречий в биографических нарративах дает понимание работы транснационализма, множественности референций и условий одновременного существования и в отправляющем, и в принимающем обществах.

4) Особый интерес в биографических нарративах представляют мифотворчество и обманы, среди которых и сокрытие фактов, и выдуманные истории. Анализ таких нарративов помогает понять, с одной стороны, нормализованную биографию (что есть «правильно» и «норма» для женщин), с другой – реконструировать идеальный и желаемый мир и понять дефициты настоящего.

Подготовлено при поддержке РНФ, проект № 14-18-02149.

Список источников и литературы

1. Лернер Ю., Рапопорт Т., Ломски-Федер Э. Русскоязычные студенты в Израильском университете: как работает «этнокультурный сценарий» советских евреев в эмиграции // Диаспоры. 2009. № 2. С. 62–90.

2. *Breckner R.* Case-Oriented Comparative Approaches: The Biographical Perspective as Opportunity and Challenge in Migration Research // *Concepts and Methods in Migration Research: Conference Reader* / Ed. K. Schittenhelm. P. 113–152.

3. *Breckner R.* Collective Identities in Migration: Biographical Perspectives on Ambivalences and Paradoxes // *Sociology and Anthropology*. 2014. Vol. 2 (1). P. 15–24.

4. *GlickSchiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. Vol. 645. P. 1–24.

5. *Bastos C., Novoa A., Salazar N.B.* Mobile Labour: An Introduction // *Mobilities*. 2021. 16:2. P. 155–163.

Н.Л. Крылова

Москва, Институт Африки РАН

«Русские африканки» рассказывают

Русская диаспора в Африке является неотъемлемой частью мировой российской эмиграции. И хотя Африканский континент не попадал в число популярных зон размещения соотечественников, русские в XX в. были представлены несколькими достаточно многочисленными группами. Сегодня уже хорошо исследованы и описаны истории соотечественниц, заброшенных в Африку «первой» эмиграционной волной. Менее изучен подход к этой группе через исследование социокультурной среды их обитания. Но мало что известно о формах и способах их творческого самовыражения в условиях эмиграции. Среди эмигрантского корпуса русских в странах Африканского континента было немало женщин, владеющих навыками литературного письма. Будучи, скорее, любителями, нежели профессионалами, они, тем не менее, обладали способностями высказывания – публицистического мемуарного, поэтического, эпистолярного. Более того, для них, изгнанных с родины революцией, подобные способы самовыражения становились потребностью. В их хрониках, в личных историях отражается не только их собственный внутренний мир. И это не только автобиографии личности, где они размышляют над

вопросами, исконно волновавшими русскую эмиграцию. Они пишут биографию «русской» Африки на фоне масштабных общественно-политических и социокультурных процессов и событий XX столетия. Эту уникальную стилистическую атмосферу описываемой эпохи и континента удалось передать А. Манштейн-Ширинской и П. Шереметевой-де-Мазьер в их произведениях и интервью, З. Шаховской и М. Сазонович-Кожиной в публицистике, также А. Бульгиной, О. Гогиной, И. Кнорринг в поэтических опытах. Их литературное наследие, воплощающее пафос обыденной жизни, отличается удивительная искренность и доброжелательность, наблюдательность, точность описаний и оценок, интеллигентная ироничность, критическое отношение к собственному слогу. Эти разножанровые летописи эмигрантской повседневности по-женски пронзительны в своей детальной выписанности, кропотливо рисуют «картину мира» эмигрантского социума в его соприкосновениях с мультикультурными и многоконфессиональными практиками пестрого африканского мира с его повседневными заботами, общими тревогами, надеждами и радостями, которые уготовила ему эпоха [2].

В произведениях «русских африканок» немало места уделено женщинам-соотечественницам и детям. Как правило, большинство из них с честью и достоинством несли крест эмиграции, преодолевая культурный дискомфорт, демонстрируя воспитанную с детства готовность к любым перипетиям жизни. Зачастую их внешняя социально-экономическая пассивность, во многом диктуемая культурой социосемейных отношений в исходном обществе, в новых условиях бытия преобразовывалась в социальную активность; большинство из них демонстрировало адаптационную гибкость в различных видах социальной деятельности.

Живя на чужбине, эти женщины поддерживали семейный очаг, рожали, работали, творили и умирали в традиции своего народа. Формула «семейный очаг» приобретает в эмиграции особое звучание. Именно семье в ее единстве было проще справиться с суровыми условиями чужбинного бытия. В жизни семьи Манштейнов принцип «чтобы семья жила» становится непреложным законом жизни самой А. Манштейн. Ее воспоминания о жен-

щинах Эскадры – это натуралистично исполненные женские образы, которые приводятся в книге и в интервью в общем контексте женского присутствия в Тунисе начала XX в. Круг женских забот не ограничивался домашним хозяйством.

Для женщин Эскадры дети – свои и чужие – общие в заботах о них. А. Манштейн вспоминает, с какой теплотой и терпением к юным кадетам относились жены преподавателей и персонала эвакуированного с Эскадрой Морского корпуса, заботливо опекали их, организовывали праздники, делали немудреные подарки [1, с. 122–123] Осенью 1921 г. в Бизерте была открыта русская школа. И здесь женщины играли не последнюю роль. Не задействованные в педагогическом процессе создавали внутри эмигрантского сообщества мастерские, обшивавшие гардемаринов, читальни, а также хоры, оркестры, домашние театры. «Дамский Комитет» под руководством супруги вице-адмирала А.М. Герасимова свою главную задачу видел в заботе о детях. «Как удавалось нашим мамам заготавливать костюмы, которые превращали нашу повседневную действительность в увлекательную сказку?» [1, с. 129–132].

Еще одна представительница литературного процесса – графиня Прасковья Шереметева-де-Мазьер – автор литературных миниатюр, исторических очерков-зарисовок о жизни русских в Марокко, а также об отдельных персонажах эмигрантской саги. Гендерному аспекту русской эмиграции в Марокко посвящен ее очерк о первом марокканско-русском смешанном браке, ставшем в ее интерпретации не просто рассказом о частной жизни двух людей разных культур, но и красивым примером гуманитарных связей, осуществленных на уровне семьи [4]. Еще один очерк повествует об истории создания на марокканской земле... русской усадьбы, где женщины-эмигрантки играли роль хранительниц привычного для них помещичьего быта, обустроивая жизнь по привычным лекалам, живописно реставрируя прошлое, сохраняя внутри себя, своей семьи ностальгическую привязанность к корням, а быть может, иллюзию возврата домой [5]. Еще одна книжка П.П. Шереметевой рассказывает о судьбах домашней прислуги русских эмигрантов – о нянях [3, р. 14]. Личное знакомство с этими образами благодаря уникальной эмпирике памяти

П. Шереметевой позволяет увидеть ранее ускользавшие аспекты бытия эмигрантского русского сообщества. «Незаметная незаметность» этих людей была прочно вплетена в быт семей. Здесь, на африканской чужбине, именно прислуга выступала в роли «учителей» для своих хозяев, умело и успешно используя в общении с местным населением свои деревенские социокультурные и бытовые практики [6, р. 573].

Женское бытие и жизнеописание в условиях эмиграции – это самостоятельный и одновременно зависимый сегмент в общей культуре эмиграции. Первое его состояние связано с тем наследием, которое оставили женщины, в самых различных формах участвовавшие в процессе адаптации, обустройства соотечественников в условиях нового культурного пространства. Второе, зафиксированное многочисленными свидетельствами очевидцев, связано с внутренней, рутинной, каждодневной работой, совершавшейся эмигрантками, с очевидным преобладанием семейных ценностей над внесемейными, что среди прочего, указывает на степень интеграции женщин этой группы в принимающее их общество.

Список источников и литературы

1. *Ширинская А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб.: Фонд содействия флоту «Отечество», 2003.
2. *Пушкарева Н.Л.* Социально-правовое положение женщин // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
3. *Pauline de Mazieres* (Prascovia Cheremeteff). Histoires de Russes au Maroc. Fragment II. Les Niani. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2010.
4. *Pauline de Mazieres* (Prascovia Cheremeteff). Histoires de Russes au Maroc. Fragment III. Madame Djebli. Tangier (Maroc), Edition Khbar Blanda, 2011.
5. *Pauline de Mazieres* (Prascovia Cheremeteff). Histoires de Russes au Maroc. Fragment IV. Oustinovka (Sidi Abdellah). Edition Khbar Blanda, 2012.
6. *Sarti R.* Dangerous Liaisons: Servants as «Children» Taught by Their Masters and as «Teachers» of Their Masters' Children (Italy and France, Sixteenth to Twenty-First Centuries) // *Paedagogica historica*. 2007. Vol. 43. № 4.

Н.А. Птицына

*Иваново, Институт социально-экономических наук
ФГБОУ ВО Ивановский государственный университет*

**Опыт работы с биографическим интервью
для характеристики гендерных аспектов
социально-психологической адаптации российских
специалистов на зарубежных рынках труда**

Тема трудовой миграции в последние годы привлекает все большее внимание научного сообщества и носит междисциплинарный характер, поскольку статистика свидетельствует о масштабах ее роста как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда [3]. В научных публикациях отражаются результаты исследований, освещающих различные аспекты миграции [1, 2]. К позитивным последствиям миграции относятся повышение качества жизни специалистов посредством получения хорошо оплачиваемой работы, расширение профессиональных знаний и приобретение практического опыта и др. В число возможных социальных рисков включают трудности социально-психологической адаптации из-за языковых барьеров, возрастную когорту, специфику социальной оценки капитала мигрантов-профессионалов как со стороны работодателей, так и представителей профессиональных групп. Акцентируя внимание на выявлении общих тенденций и особенностей трудовой миграции, авторы за границами научного поиска оставляют вопросы повседневности, истории частной жизни, уникального опыта адаптации россиян в инокультурной среде. В связи с тем, что среди перемещающихся высококвалифицированных специалистов из России в зарубежные страны существенную долю составляют женщины с высшим образованием, заявленная тема представляет научный интерес и обладает социальной значимостью. В контексте повышения роли человеческого капитала важно сфокусировать внимание на изучении особенностей социально-психологической адаптации высококвалифицированных мигрантов на зарубежных рынках труда.

Основные положения статьи базируются на материалах авторского социологического исследования «Современная россиянка в

эмиграции: особенности статуса и возможности профессионального развития» (Иваново, 2020). В качестве информантов выступили женщины с высшим образованием (трое из них имеют ученые степени и звания – кандидаты наук, доценты), в возрасте от 33 до 64 лет. До эмиграции – жители областного центра (г. Иваново), в настоящее время проживающие в США (4), Израиле (4), Германии (2). Период проживания за рубежом варьируется от 6 до более 20 лет. Основным методом качественного исследования избрано полуструктурированное глубинное интервью, проводимое посредством электронной почты и в онлайн режиме. Отбор респондентов производился методом «снежного кома». В рамках опроса предполагалось выяснить, почему женщины решили сменить место жительства, какие проблемы возникли в ходе переезда в другую страну, в какой мере они могут реализовать свои знания, интересы и способности в профессиональной сфере, какие факторы способствуют/препятствуют успешной адаптации в условиях инокультурного окружения, каковы перспективы их профессионального развития. По мере сбора эмпирической информации гайд интервью существенно корректировался с целью уточнения мнений и предложений информантов. Например, женщины довольно подробно делились личным опытом приспособления к социокультурной среде, рассказывали о семье и обустройстве собственного быта, особенностях страны проживания, размышляли о специфике социальной политики и др. Интересно то обстоятельство, что участники онлайн-интервью выразили желание продолжить беседу. В ходе такого общения представилась возможность уточнить предварительные выводы.

Согласно полученным данным, среди причин, обуславливающих перемещение российских женщин на зарубежные рынки труда, лидируют нестабильность экономики и слабые возможности реализации в профессиональном плане, замужество, участие в профессиональных программах (например, «Врачи» в Израиле). Однако успешность женщин с высшим образованием в плане профессиональной реализации во многом зависит

– от уровня владения иностранным языком, наличия профессиональной эрудиции и практического опыта:

Первый год был очень сложным без друзей и родных. Но культурные особенности были уже частично изучены в российских ВУЗах на факультете немецкого языка, во время аспирантуры и многократных посещениях ФРГ. Владение языком было благодаря этому свободным, что является основой для интеграции (ж., 51 год, проживает в Германии);

Успешно адаптироваться помогает знание языка... Во-первых, от этого зависят возможности трудоустройства (нет гендерных различий); во-вторую очередь – сама специальность: самый большой спрос на русских ученых и программистов... (ж., 59 лет, США),

– готовности к получению дополнительного образования:

Для россиянки, приехавшей в Израиль как еврейки и врача, это очень реально. Работаю врачом. Сдала первый этап экзамена. Учусь сейчас следующий, который позволит уже быть полноценным врачом и даже возможно руководителем!!! (ж., 33 года, Израиль).

Дети выросли, возобновила трудовую деятельность. Учусь, от этого зависит мое дальнейшее продвижение (ж., 59 лет, ФРГ).

Хотя на первом этапе продвижения по карьерной лестнице, по мнению опрошенных женщин, проживающих и работающих в США и Германии, может сыграть существенную роль помощь соотечественников (и/или родственников супруга – коренных жителей страны), а также наличие протекции:

Помощь и разъяснения бывших соотечественников – людей с «твоим» менталитетом. И, вообще, возможность общаться с такими же как ты иммигрантами, приехавшими из твоей страны. Это огромное подспорье, отдушина и самое главное в успешной адаптации (ж., 59 лет, США).

Родственники со стороны мужа – немцы, поэтому их помощь сыграла свою роль (ж., 39 лет, ФРГ).

Дальнейшее карьерное продвижение, по мнению респондентов, зависит от самой женщины («вложения» в профессию, т.е. накопление интеллектуального и практического багажа, стремления к саморазвитию):

Надо иметь огромную силу воли, чтобы начать все с нуля. Про себя могу сказать только одно, что у меня была огромная мотивация и потребность стать полноценным жителем новой

для меня страны, огромная работоспособность, чтобы достичь желаемого результата. Так как диплом врачей, учителей и т.д. не признается автоматически в ФРГ, то необходимо пройти почти полное обучение в ВУЗе. Мне пришлось одновременно уделять 20 часов на учебу + 20 часов на преподавание в вузе каждую неделю. Все выходные я посвящала написанию курсовых и подготовкам к занятиям. Данный ритм продолжался почти 4 года, у моей подруги – 6 лет. Мне очень повезло, что меня заметили во время учебы и пригласили на работу. Но это было так, как будто бы я выиграла в лотерею. ФРГ нуждается сейчас, в основном, в рабочей силе в таких организациях, где немцы не очень хотят трудоустраиваться, например, уход за престарелыми людьми, сбор урожая на полях. Поэтому приглашают много сотрудников из Восточной Европы (ж., 51 год, ФРГ).

Практически невозможно нашим людям здесь реализоваться в качестве врачей и юристов – любое заграничное образование по этим специальностям в США не признается. Нужно заново с нуля учиться (8 и более лет). В сферу обслуживания и торговлю легко устроиться, надо опять же знать язык и пройти определенный тренинг (ж., 59 лет, США).

К числу рисков женщины, не имеющие детей, отнесли

– «требовательность боссов», необязательность коллег:

Но мелочи все те же – требовательный босс, необязательные коллеги (ж., 38 лет, США).

Работа в офисе мало отличается от работы в России. Но есть нюансы: по-моему, излишняя требовательность нашего босса (ж., 39 лет, ФРГ);

– а женщины с детьми – отсутствие защиты материнства как основного занятия (США):

Главной особенностью и проблемой женщин и детей в США является, на мой взгляд, полное отсутствие социальной защиты материнства как основного занятия. Отсутствует декретный отпуск. Обычная компания предоставляет по уходу за ребёнком 6 недель недоплачиваемого отпуска. Для русской женщины это – кощунство. Любое желание сидеть с малышом – за твой счёт. Сады платные абсолютно все и весьма дорогие. С другой сто-

роны, институтов поддержки мам с детьми великое множество, многие бесплатные (например, Ла Лече лига – помощь в грудном вскармливании), на муниципальном уровне немало бесплатных занятий для мам и малышек (ж., 38 лет, США).

Подавляющее большинство опрошенных видят корень «социальной изоляции» трудящихся мигрантов в слабом знании языка:

Есть наши люди, которые работают, не зная языка. В мегаполисах полно русских магазинов, медицинских и социальных офисов, там они и трудятся и сами про себя говорят: «Мы в Америку не ходим» (ж., 59 лет, США).

Есть разные типы эмиграции. Так как я вышла замуж за немца, закончила немецкий университет и работаю по специальности, то у меня не было проблем влиться в немецко-говорящее общество. Благодаря стабильному месту работы можно путешествовать, ходить в музеи и на концерты. Беженцы или жены бывших гастарбайтеров, не владеющие языком, живут часто изолированно и общаются только на своем родном языке (ж., 51 год, ФРГ).

Изучение гендерных аспектов социально-психологической адаптации наших специалистов в зарубежных странах через призму их личного опыта обладает большим эвристическим потенциалом. Применение качественных методов позволяет не только погрузиться в мир женской повседневности, но и выявить особенности социально-психологической адаптации россиянок на зарубежных рынках труда.

Список источников и литературы

1. Веселов Д.С., Сидорова Д.В., Воронина В.В. Исследование положительных и отрицательных эффектов миграции населения для социально-экономического развития стран мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2015. № 1 (154).

2. Омельченко Е.А. Иммиграция в страны Запада (вторая половина XX – начало XXI вв.): цифры и факты в историческом контексте // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1.

3. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283?print=1> (дата обращения: 21.04.2021).

1.4. Статистика и массовые источники по женской истории

G. Thorvaldsen

Tromsø, Arctic university of Norway –UIT

E. Glavatskaya

Ekaterinburg, Ural Federal University

Women's History with Historical Microdata: the example of marital and extramarital fertility

This paper attempts to summarize research on historical demography based on the historical microdata registers and include topics related to the women's history, focusing on extramarital sexuality.

The mid-20th century historical demography was marked with rising interest towards the use of individual level microdata, mainly household cards filled during the population censuses and vital events records. Many countries' archives abound in censuses, church records and other types of structured individual level data from the 18th century onwards. The advent of the computer from the 1970s onwards helped release these riches and put them at the disposal of scholars eager to write the population and social history, mostly for local communities or regions [6]. Several centers in Europe and USA build population registers with computer transcriptions of the individual level data and elaborated computer technics to process them. There is e.g. the Historical Sample of the Netherlands, the Norwegian Historical Data Centre and the Demographic Data Base (DDB) at the Centre for Demographic and Ageing Research (CEDAR) at Umeå University. The biggest one is the Integrated Public Use Samples in the US with over two billion entries. One of the first made in Russia is the Ural Population Project [3]. The fact that women in censuses and vital

events records are represented on a par or nearly on a par with the men, made the scholars focus on the various topics related to women's history. The studies span a wide range of fields within social history and historical demography: mortality studies, migration, family history, fertility, and nuptiality. The journal *Historical Life Course Studies* regularly publishes articles about the existing databases and their research [5]. Already the first stage research run on the 19th- early 20th century's data allowed deeper insights into historical demography, social history and anthropology, discovering similar and peculiar patterns. The fact that most of the European countries embraced the similar principles when registering its population both as censuses and as parish records by the 1800 allows longitudinal comparative research. While initially researchers used each source separately or with family reconstitution, they are now being linked on the individual level with database techniques from 1800 onwards. Moreover, historical demographers according to Alice Reid were included women all the time [9]. The aim of our paper is to look at how the individual level data has been used to address a personal matter in women history – illegitimate sexuality. Since some of the oldest and most comprehensive population registers were constructed in Scandinavia with a strong tradition of women studies, we shall focus our analyses on Scandinavian historiography, using samples from other countries as well.

In the second half of the 18th century, the number of illegitimate births increased in Europe, and fell a century later. A new measure of premarital sexuality, called the extramarital pregnancy rate, includes both children born out of wedlock and children born to pregnant brides. The study made on the Rendalen database (Norway) showed that both among the daughters of farmers and of farm workers there was a clear increase in extramaritally conceived children at the end of the 18th century. This was caused by a development whereby the choice of partner was now made based on mutual attraction rather than economic strategies. The fall in illegitimacy at the end of the 19th century was likely connected to the bourgeoisie family's more puritan view of female sexuality spreading among the farmers, thus distancing themselves from the group of farm workers, and once more strengthening their control over their children's marriages [1].

Based on church books from Moss town covering period 1776–1825, Eliassen found an increase in illegitimate births from 10% in 1780s to 15% during the first decades of the 19th century [2]. Comparing the increase with the concurrently declining proportion of marriages, two distinct marriage strategies were detected. During the first period, until 1800, marriages were postponed. During the first decades of the 19th century, however, an illegitimate birth to a lesser extent led to marriage.

Research based on 44 Norwegian parish record books covering the years 1795–1803, linked to social status in the 1801 census, showed there was little evidence pointing in the direction that unmarried parents were punished for their premarital intercourse, e.g. by being defined as outcasts after an illegitimate birth [4].

These findings were supported by the research based on the Family reconstitution database of Zsámbék and parish registers. First birth followed first marriage closely, so first marriage was literally the beginning of the reproductive phase of life similarly to other European populations [7]. Childbearing in marriage was not the only form of entering the reproductive period of life, however, and the rate of illegitimate births increased permanently; one part of those births was followed by marriage, while still unmarried mothers left the village. First conception often preceded first marriage, a phenomenon increasing in the period studied which permits us to assume normative trial marriages [8].

The microdata versions of historical individual level sources have allowed a wide range of topics within population and social history to be studied more extensively and in more detail. Previously, most publications were either local community studies or using aggregates. By now, we have a wide range of topics covered.

While there was a general stereotype about high morality ruling the women's behavior in the past, the microdata analyses showed that premarital sexual relations were usual, and around 1800 up to half of the brides would be pregnant at the altar in both Protestant and Catholic countries. The computer techniques and newly built Ural Population Register will allow checking if that was the case in the Urals as well.

References

1. Bull H. H. Deciding Whom to Marry in a Rural Two-Class Society: Social Homogamy and Constraints in the Marriage Market in Rendalen, Norway, 1750–1900. *International Review of Social History*. № 50 (S13). Pp. 43–63.
2. Eliassen J. Fine jomfruer, gravide bruder og ugifte mødre. Forholdene i Moss rundt år 1800 [Nice virgins, pregnant brides and unwed mothers. Conditions in Moss town about 1800]. Oslo, 1981.
3. Главацкая Е.М. Рождение, брак и смерть в старом Екатеринбурге // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск, 2020. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 39). P. 395–404.
4. Haavet I. E. Avvik eller uhell?: ugifte foreldre omkring 1800 – en sosial analyse. [Immorality or accident?: unmarried parents ca. 1800 – a social analysis. Bergen: University of Bergen, 1982.
5. Historical life course studies. URL: <https://ehps-net.eu/journal> (дата обращения 03.05.2021).
6. Hubbard W. H. Historical Demography // Making a historical culture: historiography in Norway. Oslo: Scandinavian University Press, 1995. Pp. 311–324.
7. Lundh Ch., Kurosu S. Similarities and Differences in Preindustrial Eurasian Marriage // Similarity in Difference. Marriage in Europe and Asia. 1700–1900 London-Cambridge: The MIT Press, 2014. Pp. 439–460.
8. Őri P. Entering the reproductive phase of life: first marriages in Zsambek, Hungary (1720–1845) // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West / Edited by Elena Glavatskaya, Gunnar Thorvaldsen, Georg Fertig, Mikolaj Szoltysek. Ekaterinburg: Ural University Press, 2019. Pp. 97–121.
9. Reid A. Where are all the feminist historical demographers? // The Future of Historical Demography. Upside Down and Inside Out / Edited by Koen Matthijs, Saskia Hin, Jan Kok & Hideko Matsuo. Lueven: Acco, 2016. Pp. 145–147.

Ю.А. Кривошеева

*Ярославль, Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова*

**Первая всеобщая перепись населения 1897 года
как источник для изучения семейной повседневности
ярославских текстильщиц**

Тема женской повседневности является востребованной для современных исследователей, посвящающих свои труды обыденной жизни представительниц различных сословий или профессиональных групп [8; 9]. Изучение семьи как неотъемлемой части повседневной жизни женщины также становится актуальным направлением отечественных исследований [1].

Для второй половины XIX – начала XX в. Ярославская губерния – типичный провинциальный регион с преобладавшей текстильной промышленностью, предполагавшей широкую занятость женщин-работниц.

Изучение семейной повседневности текстильщиц осложняется отсутствием источниковых материалов, проливающих свет на брачное поведение и состав семей рабочих. Традиционные источники, к примеру, метрические книги, содержат информацию о рождении детей, количестве браков супругов, брачном возрасте, сословности браков, однако, не позволяют вычленить из общей массы горожанок или селянок работниц, занятых в промышленности. Согласно изученным материалам, женщины в большинстве случаев фигурировали в документах как крестьянки или мещанки, оставаясь потерянными для взгляда исследователя, поскольку сфера их профессиональной деятельности не фиксировалась документами. С некоторой долей условности о профессиональной принадлежности можно судить лишь по территориальному происхождению (уроженки Владимирской, Костромской, Вологодской губерний и др.) прихожанок церковей, располагавшихся в крупных фабричных районах [2]. Обозначенная проблема нашла решение в рамках переписи населения 1897 г.

Материалы переписи позволяют получить информацию о постоянно проживавших друг с другом членах одной семьи – супругах, детях, родителях, братьях, сестрах – их возрасте, территориальном происхождении, уровне грамотности, должности на

фабрике, источнике дополнительных заработков (сдаче жилья в наем, владении ремеслом и др.). Перепись также представляет широкую картину домашнего «общежития» текстильщиков, демонстрируя дома, в которых помимо рабочей семьи проживала прислуга (у рядовых рабочих – няни юного или пожилого возраста), «нахлебники», а также квартиранты либо домовладельцы [4, л. 152 об.–153; 7, л. 169 об.–170].

Перепись представляет весьма любопытные данные о занятиях членов семьи и финансовой нагрузке, падавшей на хозяйку или хозяина, – нередки случаи, когда из всех членов семьи на фабрике были заняты лишь отец или мать семейства, обеспечивавшие себя, супруга или супругу, детей, а иногда и пожилых родителей [7, л. 41 об.–42, 103 об.–104].

При сравнении ряда текстильных фабрик Ярославского региона выясняется, что высокий процент вдов и вдовцов с детьми, а также бездетных семей оказался характерен для Норской мануфактуры, среди рабочих семей Романовской мануфактуры заметно выделялись вдовы с детьми и бездетные семьи, среди семей Ростовской мануфактуры, напротив, отдельные группы не выделялись.

Помимо прочего, перепись также раскрывает сведения и о таком аспекте семейной жизни, как сожитительство женщин и мужчин без заключения брака [6, 239 об.–240]. Наличие внебрачных детей у незамужней работницы не было редкостью, но скорее исключением, чем правилом становились текстильщицы-девицы с многочисленными внебрачными детьми [5, л. 147 об.–148].

Тем не менее перепись не является исчерпывающим источником по вопросу семейной повседневности женщин. Материалы переписи не позволяют судить о количестве браков у обоих супругов и не дают информации об общем числе рожденных детей за все время существования семьи – исследователь располагает лишь данными на 1897 г. Нарративы текстильщиков зафиксировали упоминание о том, что среди рабочих семей не было такой, где бы не умирали дети [11, л. 48], однако, перепись не располагает информацией ни о детской, ни о взрослой смертности, не позволяя на микроуровне проследить развитие рабочей семьи.

Более того, переписные листы содержат многочисленные сведения о замужних текстильщицах, супруги которых в принципе не значились в переписи домохозяйств ни как постоянно проживавшие, ни как временно отсутствовавшие. В целом, перепись не позволяет судить и о брачном возрасте текстильщиков, в т.ч. ввиду того, что старшие дети супругов могли скончаться еще до факта переписи.

Определение профессиональной принадлежности и, соответственно, изучение состава семьи рабочих, осложняется тем, что переписчики не всегда указывали конкретную фабрику, на которой было занято переписываемое лицо. И если, к примеру, запись «на фабрике» в Норском посаде не оставляла сомнений в том, что женщины были заняты работой на Норской мануфактуре, то в других населенных пунктах, где функционировали предприятия разного профиля, идентифицировать принадлежность рабочих именно к текстильной отрасли не представляется возможным. В Сменцевской волости, где располагалась Волжская прядильная мануфактура, переписные листы не зафиксировали практически ни одного текстищика [3], хотя известно, что фабриканты нанимали рабочих, проживавших вблизи предприятия [10, с. 10].

Первая всеобщая перепись населения стала заметной вехой в жизни российского общества, а материалы переписи – важным источником для изучения повседневности горожан и жителей сельской местности. Несмотря на сложности обработки и интерпретации источниковых материалов, перепись, так или иначе, представляет собой весьма информативный источник, проливающий свет на семейную жизнь ярославских текстильщиц, позволяя создать коллективный протрет провинциальной рабочей семьи.

Список источников и литературы

1. *Бурлуцкая Е.В., Клементьева Н.В.* Брачное поведение оренбургских мещанок по данным метрических книг вознесенской церкви г. Оренбурга (1851–1861 гг.) // Семейная жизнь. Счастливые и драматические истории на фоне городской повседневности: Материалы науч. семинара, посвященного исследованиям проблем истории повседневности. Оренбург, 12 декабря 2018 г. Оренбург: ИПК «Университет», 2018. С. 23–33.

2. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 230. Оп. 10. Д. 51, 52, 53, 64.
3. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426.
4. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 617.
5. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 626.
6. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 759.
7. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1563.
8. *Марасанова В.М.* Жены ярославских губернаторов в период Российской империи: выход в публичное пространство // Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре: Сб. материалов Международной научной конференции, 26 февраля, 3 марта 2021 г. Ярославль: Филигрань, 2021. С. 86–88.
9. *Пушкарева Н.Л., Секенова О.И.* «Занималась хозяйством»: домашние работницы в повседневной жизни российских женщин-историков первой половины XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 5–15.
10. Рождение на болоте // Волжские текстильщики. Пос. Волга, 1996.
11. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 4773. Оп. 6. Д. 225.

А.И. Репинецкий

*Самара, Самарский государственный
социально-педагогический университет*

Всеобщие переписи населения первой половины XX в. как источник изучения положения советских женщин

Всеобщие переписи населения дают обширный и в целом достоверный материал о демографической ситуации в стране, в том числе и женской истории. В первой половине XX в. в СССР было проведено пять всеобщих переписей населения: 1920, 1923 (охватила только городское население), 1926, 1937, 1939 гг.

Перепись населения 1920 года проводилась в период, когда на окраинах страны продолжалась Гражданская война. Всеобщей ее нельзя назвать. Рассмотрим данные по Европейской части страны. Перепись показала преобладание женского населения

(55,4%), что объяснялось высокими демографическими потерями: потери русской армии в годы Первой мировой войны составили более 4 млн человек [5]. Потери страны в годы Гражданской войны составили от 10 до 13 млн человек [4].

Интересный материал содержит перепись по занятиям женского населения. В промышленности Европейской части страны было занято 1656,9 тыс. женщин, что составило 4,5% их численности. Наибольшая численность женщин была занята педагогическим и конторским трудом – 397,5 тыс. Из рабочих профессий 63 тыс. трудились в текстильной промышленности, 39 тыс. в швейной, 15,3 тыс. на транспорте. Менее всего (133 женщины) были заняты в горнодобывающей промышленности [6].

Первые наиболее точные результаты о численности и демографическом составе населения дала Всероссийская перепись 1926 года, проведенная в условиях мирного времени.

Перепись показала усиление дисбаланса полов. По переписи 1923 года в городах РСФСР на 1000 мужчин приходилось 1079 женщин, а в 1939 г. – 1117 [1].

Перепись 1939 года, прежде всего, зафиксировала изменения в образовательном уровне женского населения. Всесоюзная перепись 1926 года показала, что более половины населения страны – 55% – овладели грамотой. В то же время перепись зафиксировала значительный разрыв в уровне грамотности между мужским и женским населением. На одну грамотную женщину приходилось 1,8 грамотного мужчины [2, с. 82].

К 1939 г. уровень грамотности населения значительно вырос. Этому способствовало как открытие новых школ, так и всесоюзный культпоход по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, начатый в 1928 г. Перепись 1939 года зафиксировала, что среди населения страны старше 9 лет грамотные составили 81,9%. Уровень грамотности женского населения по-прежнему отставал от показателей мужского населения: 92,1% у мужчин и 73,0% у женщин [2, с. 82]. В то же время эти показатели свидетельствуют о более высоком росте грамотности у женщин: у мужчин он вырос в 1,3 раза, в то время как у женщин – в 1,8 раза.

Чем старше был возраст, тем ниже была общая грамотность населения и тем выше был разрыв в уровне мужской и женской

грамотности. В возрасте 50 лет и старше разрыв в уровне грамотности составил 3,7 раза в 1926 г. и 2,6 раза в 1939 г.

Иная картина предстает в возрасте от 9 до 19 лет. Уровень грамотности мужского населения превышал этот показатель у женского в 1926 г. в 1,3 раза, а в 1939 г. практически сравнялся: 98,0% у мужчин и 97,2% у женщин.

Уровень грамотности горожанок превышал этот показатель у сельчанок: 84,9% и 66,5% соответственно (1939 г.). Однако динамика повышения уровня грамотности у сельчанок была выше. По сравнению с 1926 г. уровень грамотности последних вырос в 2 раза, а у горожанок в 1,2 раза. Если в 1926 г. на одну грамотную жительницу сельской местности приходилось 4,5 грамотных горожанки, то к 1939 г. этот разрыв составил 1,3 [2, с. 82].

Перепись 1939 года показала сближение уровня образованности мужчин и женщин. Из 1000 жителей РСФСР среднее образование имели 85,8 мужчин и 69,0 женщин. Показатели уровня среднего образования женщин были выше у горожанок – 153,5 человек и ниже у сельчанок – 26,3 человека. В городской местности численность мужчин, имеющих среднее образование превышало соответствующий показатель у женщин в 1,06 раза, в то время как в сельской местности этот показатель был равен 1,7. Это было связано с невысокой востребованностью в селе лиц, имевших среднее образование.

Значительно меньшие успехи были в области высшего образования. в 1939 г. его имели 6,6 человека на 1000 человек, из них 9,3 мужчин и 4,2 женщин. Доля мужчин с высшим образованием в 2,2 раза превышала долю женщин. Особенно это чувствовалось в сельской местности, где на 1000 человек приходилось 0,8 женщин с высшим образованием, что было в 3,1 ниже мужчин. В городе этот разрыв был равен 2 (22,5 и 10,9 на 1000 соответственно) [2, с. 105]. В то же время численность женщин, обучающихся в вузах, свидетельствовала о сокращении этого разрыва. Численность женщин-студенток составило 59,9% от общего числа [2, с. 163].

Материалы переписи 1939 года содержат данные о брачном состоянии. Из 1000 населения в браке состояли 650 мужчин и 651 женщина [2, с. 38]. Разница в цифрах можно объяснить тем, что

до 1944 г. в стране законную силу имел как юридически оформленный, так и гражданский брак. Эти данные свидетельствуют, что мужчины чаще, чем женское население воспринимали гражданский брак как законный, в то время как часть женщин считали, что гражданский брак дает право считать себя свободной. Это несколько парадоксальная ситуация просматривается во всех возрастах за исключением возраста 15–29 лет, что связано с политикой государства, направленной на укрепление семьи. Наибольшая разница в оценке своего брачного состояния отмечена в возрасте 40–60 лет. В этих возрастных границах количество мужчин, считающих себя в браке, в 1,8 раз превосходило численность женщин. Можно предположить, что юность и зрелость женщин данного возрастного диапазона пришлась на время активной пропаганды свободной любви. «Свободный эрос», проповедуемый А.М. Коллонтай [3], оказал большее влияние на женщин. Вполне объяснимо, что женщины вырвались из домашнего подчинения и стремились быть свободными.

В 78,2% семей главами были мужчины [2, с. 36]. Однако у трети семей главами были женщины.

Одновременно перепись 1939 года показала рост профессиональной квалификации женщин. В стране не было ни одной специальности, где бы не были представлены женщины. Даже в таких «мужских» видах деятельности, как кровельщики, печники, тележники, санники, капитаны речных судов [2, с. 163–189]. В ряде сфер деятельности, требующей высокой квалификации, женщины преобладали. Так, среди врачей женщины составляли 62,9%, работников образования – 60,1%. Значительно меньше женщины были представлены в руководстве республиканскими и областными организациями – 14,9%, немногим большей была доля женщин на уровне городских и районных организаций – 15,6% [2, с. 201].

Материалы Всесоюзных переписей населения дают обширный материал, позволяющий проследить динамику изменения образовательного, профессионального уровня, семейного состояния женщин [7].

Список источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., ЦСУ СССР. Т. 9. С. 2.
2. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 82.
3. *Коллонтай А.* Дорогу крылатому эросу (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111–123.
4. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 95.
5. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 90, 91.
6. Труды Центрального Статистического управления. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 4. Трудоспособное население 37 губерний Европейской России. М., 1921. С. 8–9, 18–19.
7. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. 2012. С. 8–24.

Н.В. Стрекалова, Д.В. Стрекалов

*Тамбов, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина*

Использование массовых источников в фондах ГАТО для изучения женского населения провинциального российского города в XIX – начале XX в.

История женщин – одно из актуальных направлений современных междисциплинарных исследований. Однако при наличии значительного числа работ по данной тематике, остаются определенные лакуны, обусловленные, в том числе, источниковедческими проблемами. На качество и полноту информации о женщинах в источниках XIX – начала XX в. оказывала влияние установка о большей значимости «мужской души» как податной единицы, чем женской, которая, по мнению исследователей, была характерна для этого периода [10, с. 47–48].

Точность агрегированных данных по населению России XIX – начала XX в. не раз ставилась под сомнение исследователями. В связи с чем, особая роль отводится микроисторическим подходам и использованию массовых источников, содержащим первичную персонифицированную информацию по городскому населению XIX – начала XX в. целом и женщинам, в частности.

Источником, в котором представлены данные о брачности, рождаемости, смертности населения Тамбова в XIX – начале XX в. являются метрические книги [3]. Их формуляры фактически оставались без изменений (за исключением отдельных граф) в исследуемый период. Достоверность и полнота сведений данного источника зависела от ряда факторов, включая заинтересованность самих регистрируемых, уровня грамотности и добросовестности священника. Можно отметить в целом удовлетворительную сохранность метрических книг Тамбова, за исключением ряда лет (например, за 1812 г.).

Об улучшении качества метрического учета, в том числе женщин, можно говорить с 1830-х годов, когда в метрических книгах города начинают фиксироваться случаи мертворождения и смерти младенцев (в том числе недоношенных), умерших не только в течение нескольких дней, но и часов после родов [3, д. 5695, л. 34].

Проведенный анализ метрических книг города свидетельствовал об определенной разнице в полноте и точности данных в зависимости от пола регистрируемого обывателя. Например, при рождении ребенка, как правило, полные сведения записывались об отце, а о матери – только в случае, если это был незаконнорожденный, при регистрации брака часто указывалось место жительства жениха для обоих вступающих в брак (даже если оно было другим у невесты) и др.

Первичные материалы ревизий позволяют проанализировать семейный статус жительниц губернского центра в большой и малой семье, сословие, возраст и отчасти показатели женской смертности в период между ревизиями (включая факты смерти замужних дочерей, которые на момент новой ревизии в семье не проживали), миграцию и брачный выбор (включая повторные браки) и др. [4].

В ревизские сказки часто были внесены данные не о реальных семьях, а о членах домохозяйств, в отличие от «Списков городских обывателей» («обывательских книг»). В списках были указаны фамилия, имя, отчество, сведения о сословии, профессии, возрасте, имуществе (его виде и местоположении) домохозяев Тамбова и членов их семей. Сохранились списки за 1831–1833 гг., 1855 г. и неполные за 1850 г. [2].

Уточнить ряд параметров по семейному положению горожанок позволяет сравнительный анализ материалов ревизий и «списков обывателей» за один и тот же год. В результате, например, была выявлена разница (от 5 до 20%) в удельном весе женщин, являвшихся главами семей. В ревизиях, в отличие от списков обывателей, даже при наличии в семье взрослой женщины (матери, бабушки, старшей сестры, тети, которые и были реальными главами таких семей), номинально главой числился малолетний ребенок мужского пола. Дополнительное влияние на разницу доли женщин – глав семей (в зависимости от источника) оказывало наличие в обывательских списках представителей групп городского населения, которые не включались в ревизии (дворян, разночинцев и др.). Дополнить информацию по семье могут данные исповедальных ведомостей.

Материалы списков обывателей и окладных книг недвижимых имуществ земских и городских управ позволяют изучить вопросы владения женщинами городской недвижимостью. В окладных книгах представлены персонифицированные сведения о владельцах и их имуществе. В исследуемый период в разные годы женщины являлись собственниками от 30 до 45% недвижимости Тамбова [7].

Данные о профессиях жительниц Тамбова представлены в источниках XIX – начала XX в. весьма ограниченно. Иногда род занятий женщин указывали в зависимости от профессии, чина, звания мужа, отца, сына или брата. Например, «мать коллежского советника», «жена чиновника» и др. Сведения о занятиях отдельных горожанок содержатся в списках обывателей Тамбова. Отчасти указанием на род занятий может служить наличие в собственности лавки, завода и иных предприятий.

Проблемы службы и карьеры женщин позволяет изучить информация адрес-календарей [1]. Достаточно подробные данные о

занятиях взрослого населения города (старше 20 лет), включая женщин, содержит еще один массовый источник – «Списки избирателей в Учредительное собрание по г. Тамбову» (составлены в 1917 г.). Более 60% жительниц Тамбова, включенных в эти списки, в качестве рода занятий указали «домашнее хозяйство», «при доме», «при муже». Женщины составляли 78% от числа жителей города, не имевших занятий и более 90% от числа лиц, главным занятием которых было «домашнее хозяйство» [5].

Большинство указанных выше источников рукописные, что сказывалось на возможностях их анализа. Так, иногда встречался нечитаемый текст, отдельные графы были частично или полностью не заполнены и др.

Определенные сложности для комплексного анализа представляют разночтения в написании фамилий, имен, отчеств одного человека в разных источниках. Это было связано с отсутствием у населения обязательных документов с четко прописанными данными и практикой записей сведений со слов. Информация может быть уточнена по данным делопроизводственной документации разных ведомств [6, 8].

Дополнительные возможности анализа источников дает использование информационных компьютерных технологий и методов. Так, источник-ориентированные базы данных сохраняют структуру и содержание источников, персонифицированная информация которых, в свою очередь, позволяет, используя экспертную оценку, провести сравнительный анализ сведений за ряд лет, как по одному, так и по нескольким источникам, выявить их неточности и разночтения, изучить проблему в динамике. По мнению исследователей, использование информационных методов в источниковедческих исследованиях, позволяет получить новые результаты, открывает дополнительные возможности источниковедческого анализа. Электронные базы данных можно рассматривать как источники «особого типа» [9, с. 25].

Таким образом, информационный потенциал массовых источников позволяет проанализировать различные аспекты положения женщин в провинциальном городе применительно к разным группам городского населения. Использование комплексного подхода и применение информационных технологий повышают эффективность их источниковедческого анализа.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1912 г. Тамбов: Электротипография Губернского правления, 1912 и др.
2. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 16. Оп. 13. Д. 14, Оп. 31. Д. 30а, Оп. 91. Д. 29.
3. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 2196–5697 и др.
4. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247–2127 и др.
5. ГАТО. Ф. 17. Оп. 53. Д. 1–4.
6. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12, 66 и др.
7. ГАТО. Ф. 145. Оп. 32. Д. 5. Оп. 37. Д. 1–3. Оп. 40. Д. 1–6.
8. ГАТО. Ф. 2. Оп. 13. Д. 31–34, 111 и др.
9. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
10. *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг.: тип. М-ва вн. дел, 1916.

Н.А. Араловец

Москва, Институт российской истории РАН

Данные социологических исследований 1920-х годов о добродетельном поведении женщин в городах СССР

В 1920-е годы в РСФСР добродетельное поведение женщин заметно трансформировалось – особенно в городах. Это явление было связано с изменениями социальных, демографических, культурных, психологических и других факторов, обусловленных влиянием Октябрьской революции 1917 г. на все сферы жизни российского общества. Вместе с тем сказывалось влияние изменения традиционного типа воспроизводства населения, т.е. демографического перехода, развивавшегося в России с начала XX в. В эти годы существенно расширились и стали намного разнообразнее контакты, особенно молодых женщин, в студенческих и трудовых коллективах, в общественной работе. К тому же новые условия жизни, учебы и труда способствовали изменению выработанных в дореволюционной России традиционных взаимоотношений между юношами и девушками. Расширение контактов молодежи влияло на брачный выбор и его мотивацию. Вступление в

брак и создание семьи женщины связывали со свободным и самостоятельным выбором, взаимными чувствами, психологической близостью, общими интересами. Такая мотивация обусловила особенности добрачного поведения женщин.

В 1920-е годы в городах СССР были проведены обследования добрачных отношений молодежи. Данные добрачных отношений молодежи, проведенные в 1922 г. в Москве и Казани, показали, что большинство обследованных студенток рассматривали возможность вступления в брак только при наличии взаимных чувств. В Москве такие взгляды разделяли 81,7% студенток. Важно отметить, что число студентов с аналогичными взглядами было численно меньше, чем студенток – 72,2%. В конце 1920-х годов в городах союзных республик – Одессе и Минске – студентки сохраняли близкие взгляды. В 1927 г. в Одессе эти взгляды разделяли 90,0% студенток, в Минске соответственно – 76,9% [1, с. 428]. Это явление было обусловлено преобладанием в городах взглядов на брак как на свободный, равноправный союз, основанный на взаимных чувствах.

Однако несмотря на преобладание среди студенчества семейных установок на вступление в брак по обоюдным чувствам, морально-психологические мотивы брачно-семейных отношений чаще встречались у студенток, чем у студентов. Об этом свидетельствовал тот факт, что студентки были менее внимательны к качеству своей жизни. Немногие студентки отказывались от вступления в брак из-за плохих жилищных условий. Среди московских студенток их было 7,3%, среди одесских – увеличивалось до 19,7%, но было заметно ниже, чем у студентов (63,3%) [1, с. 418–420; 5, с. 114, 115].

Изменение традиционных ценностей брачно-семейных отношений, широкое обсуждение новых взглядов на брак и семью, брачное поведение населения сказались на характере добрачных отношений молодых мужчин и женщин. В 1920-е годы в добрачных отношениях рабочей и студенческой молодежи увеличились сексуальные связи. Важно отметить, что в эти годы отмечалось раннее вступление не только юношей, но и девушек в сексуаль-

ные отношения до брака. Девушки вступали в сексуальные добрачные отношения в возрастах 16–18 лет и 19–21 года (юноши – в возрасте 16–19 лет) [4, с. 125].

Из данных обследований также видно, что женщины, имевшие сексуальные контакты до брака, в среднем составляли 48,0%–62,0%. Вступление в сексуальные добрачные связи, их распространение было обусловлено отрицанием частью женщин эмоциональной интимности во взаимоотношениях между полами. Такие взгляды проявлялись и у работниц, и у студенток.

Вместе с тем данные проведенных обследований показали преобладание в мотивации вступления женщин в сексуальные отношения до брака любовных чувств. Ее изучение свидетельствовало о том, что женщины связывали вступление в сексуальные добрачные отношения в основном с чувством любви (49,0%), увлечением (30,0%), любопытством (20,0%). Следует также подчеркнуть, что женщины имели сексуальные добрачные отношения в основном с женихами. Для сравнения отметим, что в мотивах добрачного сексуального поведения мужчин преобладали сексуальные потребности (50,0%) [1, с. 418–420; 2, с. 65, 71; 3, с. 114, 165].

Мотивы вступления в сексуальную жизнь, связанные с физиологической потребностью, способствовали развитию случайных контактов, снижению уровня брачности, увеличению внебрачной рождаемости, распространению материнских семей.

Доминирование в российском обществе коллективных ценностей способствовало отрицательному отношению молодых женщин к вступлению в брак, приводило к сознательному отказу от создания семьи. Такие взгляды были особенно характерны для женщин из творческой среды. Из данных проведенных обследований видно, что женщины, не хотевшие вступать в брак и создавать семьи, составляли среди московских студентов 8,4%, творческой интеллигенции – 23,5%, одесских студентов – 16,0% [1, с. 395–396]. Однако такие взгляды среди женщин не преобладали.

Проведенные обследования также свидетельствовали о том, что в 1920-е годы большинство девушек стремилось к вступлению в брак и созданию семьи. Это поведение оставалось характерным и для юношей [4, с. 129]. Данные Всесоюзной переписи

населения 1926 года зафиксировали значительное число молодых женщин, состоявших в браке. Стремление женщин к вступлению в брак и созданию семьи поддерживалось сохранением в российском обществе высоких ценностей брака и семьи.

Таким образом, обследования, проведенные в 1920-е годы в городах СССР, показали изменения традиционного добрачного поведения женщин, расширение их внесемейных интересов и контактов. В то же время в добрачном поведении молодых женщин появлялись новые явления, негативно влиявшие на вступление в брак и создание семьи. Однако большинство женщин сохраняло семейные ценности, желание вступить в свободный брак, основанный на взаимных чувствах, уважении и равноправии, иметь семью и детей.

Список источников и литературы

1. *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи: опыт введения в марксистскую генеалогию. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1929.

2. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М.; Пг.: Мосполиграф, 1923.

3. *Голод С.И.* Изучение половой морали в 20-е годы // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 152–155.

4. *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М.: ОГИ, 1997.

5. *Ласс Д.И.* Современное студенчество (быт, половая жизнь). М.; Л.: Молодая гвардия, 1928.

Н.Ф. Бугай

Москва, Институт российской истории РАН

Документы и материалы метеослужбы Камчатского края как источник по истории женского участия в становлении практической и научной метеорологии РФ

Социальная история позволяет исследователю, опираясь на научный метод Мишеля Фуко, обратиться к разным группам населения, на первый взгляд, казалось бы, не существенным. Од-

нако детальное исследование процесса, в котором играет заметную роль именно женщина, и особенно в современных условиях, очевидно. И этот аспект вызывает в дополнение к этому еще и большой научный интерес. Изучение предлагаемого направления в жизни общества – это познание частички мира, службы погоды, а также тех, кто ее осуществляет. При этом здесь не только история прошлого, где убедительным было наличие мужской составляющей. Мужчины занимали главенствующее место на многих государственных должностях в сфере управления службой погоды как в целом в сети службы на территории того или иного государства, так и на составляющей его территории. Во всяком случае такая ситуация была характерной для России и в досоциалистический период, и после.

Но на практике вышло, что хозяйство службы осталось за женщинами. Они создали ее научную базу, занимались постоянным обогащением сведений, направленных на главный выход – составление точных прогнозов погоды. Тщательное изучение процессов, связанных с организацией метеорологической службы в советский период, в том числе после образования Союза ССР, свидетельствует о существенном возрастании роли женщины в этой сфере производства научного знания, в формировании новых направлений, вторгающихся в организацию научной стороны метеорологии, дальнейшего совершенствования форм и методов организации службы погоды. Для женщин метеорология была весьма отчетливой в плане познания нового, обусловленного возрастающим спросом знаний о погоде, обеспечения безопасности регионов проживания и в конечном итоге их семей. Востребованность сведений о погоде была одинаково очевидной и необходимой независимо от условий, было ли это мирное или военное время. В любом социуме женщины наравне с мужчинами несли вахту в государственной службе погоды. Во взятом для изучения автором Камчатском крае, отличном суровой специфичностью климатических условий, женщины жаловались в своих письмах и дневниках именно на погодные трудности. Для примера приведу интервью с главным синоптиком Камчатского управления гидрометеослужбы (КУГМС) Ниной Павловной Артюх:

«1985 год, февраль... Я впервые прилетела на Камчатку, вслед за мужем, по его распределению по окончании морского училища. После учебы в Одессе, где снег зимой выпадает крайне редко, лежит всего несколько дней... Полутора лет работы в Белгороде (распределилась в 1983 г. после окончания Одесского гидрометеорологического института), где так же зимы не отличаются обильной снежностью. Поэтому я была в ужасе от того, что увидела... Дом в частном секторе, где мы поселились, стоял на улице, которая на тот момент представляла собой снежный тоннель с высотой стен выше человеческого роста. ...Я рыдала, и мне хотелось убежать обратно в свои родные края. Но гражданский долг есть долг. Мужу нужно было отработать три года по распределению, и следовало продержаться. Чтобы совсем не впасть в уныние, решила срочно пойти работать, нужно было оказаться в среде коллег и единомышленников. И следует сказать, насколько я оказалась права...».

Другие источники личного происхождения позволяют восстановить историю изменений роли женщин в штате управления службы погоды. Так, по данным помощника начальника КУГМС П.Д. Макаровой, в штате управления в послевоенные десятилетия трудились уже сотни женщин, в гидрометеослужбе их число составляло более половины – наблюдатели, занятые на метеостанциях и гидрометеопостах (метеорологи, гидрологи, агрометеорологи, аэрологи, актинометристы). Анна Викторовна Приходько, несомненно, тонкий психолог, имеет на этот счет собственное мнение в оценке роли женщин и мужчин в синоптике, отношении их к работе («Женщины-синоптики склонны к преувеличению» опасности метеорологической ситуации, а мужчины-синоптики – «уравновешенней, у них и прогнозы спокойнее»).

Анализ научной литературы убеждает в том, что история женской занятости в этой профессиональной сфере богата примерами женских научных разработок на суше, на море, океанах, агрометеорологии, прогнозировании [25, с. 224; 24, с. 119–121; 28]. В исторических исследованиях, связанных с историей самой службы и разных ее направлений характерно изучение всех сторон жизни коллектива специалистов на Камчатском полуострове

[14, 15, 6, с. 15–35]. Конечно, по большей мере эти публикации принадлежат руководителям управления службы погоды (а это в основном мужчины) и повествуют не столько о жизни управления, сколько о его успехах и перспективах [20, с. 161–162; 21; 19, с. 28]. Особыми источниками для реконструкции участия женщин в этой службе профессиональной занятости являются труды мореплавателей, путешественников, наблюдателей за погодой на кораблях (грамотные морские офицеры), представителей церковной службы – ведь станции существовали во дворах храмов (п. Никольское, Тигиль и др.) [29]. Самостоятельный блок исследований – это работа специалистов, занимающихся изучением атмосферных явлений, а затем их обобщением, сопровождением научными выводами [23, с. 11; 8, с. 3; 10, с. 43; 1, с. 95; 21; 17, с. 49; 5, с. 52; 16, с. 87; 18].

Содержательным источником являются и воспоминания специалистов погоды, проработавших длительное время как на метеостанциях, так и в Управлении службы погоды, в ходе экспедиций, изучавших акваторию Берингова и Охотского морей, Тихого океана, Авачинской бухты [1, с. 95; 13, с. 39; 22, с. 59; 9, с. 43]. Но в плане женской истории данное направление в исторических науках разработано слабо, и вообще принадлежит больше энтузиастам, испытывающим особое пристрастие к метеорологии [30, с. 280–293; 3; 12].

Список источников и литературы

1. *Агалаков С.* Характеристика атмосферных процессов над акваториями Дальневосточных морей и прилегающими к ним районами азиатского материка // Вопросы географии Камчатки. № 5. 1967. С. 95.

2. *Агафонова К.Г.* Гидрохимический режим рек Камчатки // Вопросы географии Камчатки. № 2. 1964. С. 46.

3. *Адуканова Н.А., Ильина В.А.* Камчатская область в годы Великой Отечественной войны в студенческих исследованиях: от замысла до первых результатов // Вестник КОАУЦ. Гуманитарные науки, 2016.

4. *Баклаг З.Ф.* История гидрометеорологической службы на Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 1980.

5. *Ботьянов В.Е.* Расчетные скорости ветра в прибрежной зоне Камчатки // Вопросы географии Камчатки. 1977. № 7. С. 52.

6. *Бугай Н.Ф.* «У природы нет плохой погоды...»: 1930–1940-е годы. К вопросу о Камчатской службе погоды // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12. № 1. С 15–35.

7. *Верещага Е.М., Витер И.В.* Камчатский оборонительный район // Верные долгу и Отечеству: материалы XXVII Крашенинник. чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 11–29.

8. *Виноградов В.Н.* Распределение снежного покрова на Камчатке // Вопросы географии Камчатки 1964. № 2. С. 3.

9. *Виноградов В.Н.* Снежные лавины на Камчатке // Вопросы географии Камчатки. № 4. 1966. С. 43.

10. *Виноградов В.Н., Бякина В.П.* Результаты экспедиции в бухту Командор // Вопросы географии Камчатки. № 5. 1967. С. 43.

11. *Гаврилов С.В.* Представительная власть Камчатки. Кн. 1. Петропавловск-Камчатский: Камчат. холд. комп. «Новая книга», 2020. С. 784.

12. *Гаврилов С.В.* Такой (не) знакомый Петропавловск. Исторические очерки/Библиотека «Вопросы истории Камчатки». Петропавловск-Камчатский: Камчат. холд. комп. «Новая книга», 2019.

13. *Го Ч.Н.* Статистические свойства заплесков цунами на побережье Курильских островов и Японии / АН СССР, Дальневост. науч. центр, Ин-т мор. геологии и геофизики. Южно-Сахалинск: ИМГИГ, 1987.

14. Календарь знаменательных и памятных дат по Камчатскому краю на 2014 год / Камч. краев. науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, Информ.-библиогр. отд.; [сост. И.В. Шамашова, Н.И. Курохтина]. – Петропавловск-Камчатский, 2013.

15. Календарь знаменательных и памятных дат по Камчатскому краю на 2019 год / Камч. краев. науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова, Информ.-библиогр. отд.; [сост. И.В. Шамашова, Н.И. Курохтина и др.]. Петропавловск-Камчатский, 2018.

16. *Кондратюк В.И.* Зимняя гроза в г. Петропавловске-Камчатском // Вопросы географии Камчатки № 7. 1977. С. 87.

17. *Кондратюк В.И.* Связь осадков с направлением ветра // Вопросы географии Камчатки. 1977. № 7. С. 49.
18. *Кондратюк В.И.* Фен в городе Петропавловске-Камчатском // Вопросы географии Камчатки. Вып. 9. 1985.
19. *Кондратюк В.И., Липовка А.В.* Синоптико-климатические условия образования гроз на Камчатке // Вопросы географии Камчатки. № 7. 1970. С. 28.
20. *Кондратюк В.И., Липовка А.В.* 50 лет Камчатскому УГКС // Вопросы географии Камчатки. 1985. Вып. 9. С. 161–162.
21. *Кравчук Л.Ф.* Зимние дожди на Камчатке. На вулканическом полуострове продолжаются погодные аномалии // URL: Kravchuk.livejournal.com/2077/ html (дата обращения: 6 апреля 2020 г.)
22. *Куренков И.И.* Об одной гидрохимической аномалии в бассейне реки Камчатки № 1. 1963. С. 59.
23. *Курсанова И.А., Савченко В.Г.* Климат Командорских островов // Вопросы географии Камчатки. № 4. 1966. С. 11–12.
24. *Мезенцев М.И.* Камчатскому УГМС – 70 лет. Об истории создания, становления и развития гидрометеорологии на Камчатке // Метеорология и гидрология. № 9. 2004. С. 119–121.
25. *Нездюров Д.Ф.* Очерки развития метеорологических наблюдений в России. Л.: Метеоиздат, 1969.
26. *Прямыцын В.Н.* Отечественная гидрометеорология в год Первой мировой и Гражданской войн (1914–1921 гг.). СПб., 2018.
27. *Прямыцын В.Н.* Прогноз Победы. История гидрометеорологической службы Северного флота в годы Второй мировой войны. СПб., 2011.
28. *Пурин А.А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. Полвека службе погоды // Камчатская правда. 1971. 29 июня.
29. *Сёмка И.* Столетие на краю света // Алеутская звезда. Никольское, 1989. 21 января. С. 1–2.
30. *Татаринцева Н.А.* Ранние метеорологические наблюдения и первая метеостанция Командорских островов // Отчизны верные сыны. Материалы XXVII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2015.

1.5. Архивные собрания и иные крупные комплексы источников по женской истории

Л.Е. Морозова

Москва, Институт российской истории РАН

Источники для реконструкции биографии княжны Елены Волошанки

Одной из ярких фигур в «женской истории Руси» XV–XVI вв. являлась молдавская княжна Елена Стефановна, прозванная Волошанкой. В 1483 г. она была сосватана за наследника московского престола княжича Ивана Молодого и в этом же году родила сына Дмитрия, прозванного Внуком. После смерти правящего великого князя Ивана III им предстояло возглавить Русское государство. Но супруг Елены скончался в 1490 г., оставив ее с сыном в Москве без какой-либо поддержки и с неопределенной перспективой. Поэтому княгине-иностранке пришлось начать борьбу за великокняжеский престол для юного княжича Дмитрия. Противницей ее стала вторая супруга Ивана III – византийская принцесса Софья Палеолог, родившая шесть сыновей, каждый из которых имел права на отцовский трон.

Соперничество двух энергичных и очень незаурядных женщин привлекло внимание многих известных историков, начиная с Н.М. Карамзина [4, с. 246]. Но биографию Елены Волошанки никто из них не стал реконструировать, поскольку «женская история» их не интересовала. Один из первых биографических очерков о Елене Волошанке и ее вкладе в историю Русского государства был написан Н.Л. Пушкаревой [8, 9]. Ее примеру последовали и другие исследовательницы [5, с. 145–166].

Сложность реконструкции биографии великой княгини Елены Стефановны состоит в том, что источников личного происхождения, относящихся к ней, не существует (писем, дневников, воспоминаний и т.д.). Отдельные сведения о ней содержатся в летописях, дипломатических документах, разрозненном актовом материале, сочинениях церковных иерархов, направленных против еретиков, в вещественных памятниках и даже в ее останках, изучаемых антропологами. Поэтому задача историка состоит в их

выявлении, атрибуции и обобщении. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Традиционно считается, что наиболее важными источниками являются документальные. К биографии Елены Волошанки имеют отношение преимущественно памятники дипломатического характера. В Описи государственного архива XVI в., реконструированной А.А. Зиминым, содержатся данные о том, что брак Елены Стефановны с Иваном Молодым способствовал развитию дипломатических отношений между Русским государством и Молдавией. В этом документе были зафиксированы неоднократные поездки в Молдавию русских послов в 80-х – 90-х годах XV в. и ответные визиты молдавских посланцев. В нем указано, что в декабре 1482 г. А.М. и П.М. Плещеевы привезли Елену Стефановну в Москву [3, с. 140].

Дополнительные сведения об обстоятельствах заключения брака молдавской княжны с Иваном Молодым были обнаружены К.В. Базилевичем в дипломатических документах по связям России с Крымом, хранящихся в РГАДА. Оказалось, что переговоры по этому вопросу начались еще в 1470-е годы и вела их тетка Елены – киевская княгиня Феодосия Александровна [2, с. 248]. Данный факт позволил историкам провести генеалогические исследования и сделать вывод о том, что молдавская княжна по женской линии состояла в родстве с московским княжичем Иваном Молодым и даже приходилась ему троюродной сестрой. Поэтому считать ее полностью иностранкой было нельзя. По своему воспитанию и образованию она была близка супругу. Ведь этими вопросами в княжеских семьях, по традиции, занимались матери. Иван в юном возрасте был под опекой тверской княжны Марии Борисовны, Елена Волошанка воспитывалась киевской княжной Евдокией Александровной, матерью которой, в свою очередь, была дочь великого князя Василия I – Анастасия [5, с. 254]. Самые ценные и детальные сведения о Елене Волошанке и ее борьбе за престол для сына Дмитрия содержат русские летописи конца XV–XVI вв. В их числе: Московский свод конца XV в., Ермолинская, Симеоновская, Никаноровская, Уваровская, Софийская I, Воскресенская, Никоновская, Львовская летописи и др. Однако их данные далеко не идентичны, хотя время их создания отличается не

больше, чем лет на 50-60 друг от друга. Это говорит о том, что не всех книжников интересовала история молдавской княжны и ее сына Дмитрия-Внука и не у всех были о них сведения.

Самые подробные данные о Елене Стефановне находятся в Уваровской и Львовской летописях. Сравнение показало, что в большинстве летописей нет сведений о том, что Иван III не смог подарить невестке украшения своей первой супруги Марии Тверянки, поскольку его вторая супруга Софья Палеолог отдала их своим родственникам, не имея на это прав. Данные об этом инциденте есть только в Уваровской и Львовской летописях. В этих памятниках к тому же подробно описано венчание на великое княжение Дмитрия-Внука в 1498 г. При этом использовался официальный текст Чина венчания [5, с. 157–159].

Данные события, несомненно, имели самое прямое отношение к Елене Стефановне и «бросали тень» на Софью Палеолог, не желавшую признавать права на трон невестки и ее сына. Исследователи, в итоге, предположили, что в основе Уваровской и Львовской летописей лежит не дошедший до нас свод 1518 г., в котором был использован оппозиционный к Ивану III свод 80-х годов XV в. Он мог быть написан церковными деятелями, обвиненными на соборе 1503 г. в еретичестве. Елена Стефановна, как известно, разделяла их взгляды, близкие к иудаизму [6, с. 714–721]. Поэтому к числу источников, характеризовавших взгляды великой княгини Елены на некоторые церковные проблемы, следует отнести и антиеретические сочинения русских иерархов: Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и др. [1, с. 120–148]. Современные исследователи детально изучили эти тексты и пришли к мнению, что обвинение Елены Стефановны в склонности к еретичеству было необоснованным. Она, очевидно, лишь разделяла взгляды своих родственников, проживавших в Великом княжестве Литовском, которые одинаково почитали Ветхий и Новый Заветы. В Московии же только Новый Завет считался ортодоксальным [1, с. 97–148, 9].

На основе известных ныне источников вряд ли возможно однозначно решить вопрос о том, были ли взгляды Елены Волошанки еретическими, или нет. Поэтому, на наш взгляд, поиск но-

вых памятников, имеющих отношение к данному вопросу, следует продолжить. К числу источников, относящихся к великой княгине Елене Стефановне, необходимо отнести и вещественные памятники. Одним из главных среди них является великолепная пелена, изготовленная в великокняжеской мастерской опытными вышивальщицами. Но сюжет для нее, несомненно, был разработан самой Еленой. Это – коллективный портрет великокняжеской семьи во время шествия в Вербное воскресенье 1498 г. [10, с. 20].

Сравнительно недавно появился новый вид источников – материалы антропологических исследований останков великих княгинь, захороненных в Вознесенском монастыре Кремля. Хотя Елена являлась с 1502 г. узницей, в 1505 г. ее похоронили в элитном кремлевском Вознесенском монастыре рядом с другими великими княгинями. Ее каменный саркофаг был одним из наиболее изящных и красивых. Исследование показало, что в ее останках не были обнаружены особые патологии и отравляющие вещества, дающие право сделать вывод о причинах ее смерти. Она была здоровой женщиной невысокого роста (около 155 см), лет 40–45 [6, с. 376–390].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реконструкция биографий русских средневековых женщин (на примере великой княгини Елены Волошанки) представляет собой сложную исследовательскую задачу, поскольку связана не только с поиском разрозненных сведений в самых разнообразных исторических источниках, но и проверкой их достоверности.

Список источников и литературы

1. *Алексеев А.И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в. М.: Наука, 2012.
2. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
3. *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Вып. 1. М., 1978. С. 140.
4. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V–VIII. Калуга: «Золотая аллея», 1993. С. 246, 254–255, 287–290, 303–304.

5. *Морозова Л.Е.* Знаменитые женщины Московской Руси XV–XVI века. М.: Вече, 2014. С. 142–167.
6. *Панова Т.Д.* Предполагаемое захоронение великой княгини Елены Волошанки. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Том 2. М., 2015. С. 350–380.
7. *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.
8. *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси и Московского царства. X–XVII вв. М., 2017.
9. *Пушкарева Н.Л.* Социально-правовое положение женщин: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121–126.
10. *Щепкина М.В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М.: Госполитпросветиздат, 1954.

Е.В. Годова

*Оренбург, Оренбургский государственный
педагогический университет*

Материалы Оренбургского магометанского духовного собрании как источник изучения личной жизни оренбургских казачек-мусульманок

В 1788 г. в Уфе было создано Оренбургское магометанское духовное собрание. Этот правительственный орган осуществлял руководство мусульманским духовенством империи, за исключением Таврической губернии, выступал перед центральными и местными органами власти защитником интересов российской уммы по вопросам расширения поля применения шариата в имперском социокультурном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей мусульман в стране [7, с. 7]. Среди вопросов, которые входили в компетенцию Оренбургского магометанского духовного собрания, был духовный суд, т.е. рассмотрение дел о заключении и расторжении браков мусульман. В Национальном архиве Республики Башкортостан хранятся дела, отражающие эту деятельность Оренбургского ма-

гометанского духовного собрания. Особый интерес представляют для нас материалы, связанные с личной жизнью оренбургских казачек-мусульманок.

Первое дело, отражающее личную жизнь казачки-мусульманки, датировано 1829 г. В нем говорится о жалобе дочери хорунжего г. Оренбурга Бибизюгры Аминовой на султана внутренней орды Каип Галий Ишимова, отказавшегося жениться на ней вопреки договоренности.

Со слов девушки, султан, находясь в тюремном заключении, обещал взять ее в жены с оплатой калыма 1000 руб. и покупкой дома. По его просьбе она приходила в место его содержания вместе со своей теткой Салихой, башкиркой Хамимой и Балхисой. При них султан Каип Галий подарил ей перстень и сделал предложение. Согласно магометанской религии, был заключен брачный союз, а именно трижды сказано: «Алдым Бердым». Бибизюгра неоднократно ходила к Каип Галию ночевать и забеременела. Султан же решил уехать, не оставив ей никакого пропитания. Разобраться в случившемся было поручено местному ахуну Абдрауфу и мулле Мужаметжану. Каип Галия было решено не отпускать до разрешения проблемы. Султан свидетельствовал, ссылаясь на караульных-офицеров, что связи с Бибизюгрой у него не было, перстня он ей не дарил, замуж не звал и вообще «Алдым Бердым» по магометанскому закону без муллы не совершается. Имам местной мечети Абдрауф Абдумалимов сообщил, что действительно для осуществления этой процедуры должны присутствовать духовный чиновник и свидетели. В результате Пограничная комиссия, разбиравшая это дело, в связи с отсутствием Оренбургского военного губернатора сообщала Начальнику штаба отдельного Оренбургского корпуса, что по просьбе девицы Аминовой султана Каип Галия освободили и в иске отказали. Однако Его Превосходительство не утвердил это решение до тех пор, пока от Магометанского собрания не пришло подтверждения, что просительница по всем описанным обстоятельствам не может войти в права супруги [1, лл. 1–9].

Документы фонда Оренбургского магометанского духовного собрания свидетельствуют и об уходе жен от своих мужей. Так,

татарин деревни Верхние Чебеньки (казачий поселок – *Е.Г.*) Яскуп Канзафоров в апреле 1832 г. обратился с жалобой к Императору. Он сообщал, что семь лет прожил в законном браке с дочерью ясачного татарина Мухамедрахима Бекметева Хабибой, заплатив калым товаром и деньгами в триста рублей. У них родилось двое детей. Сын Исхак жив, а дочь умерла. В декабре 1831 г. Хабиба сбежала к отцу по неизвестной ее мужу причине. Требование мужа Яскупа вернуть жену было проигнорировано как тестем, так и самой женой. Обращаясь к Императору, он просил его посодействовать в решении этой проблемы, передав прошение в «Оренбургское Духовное Магометанского Закона собрание» для учинения разбирательства в соответствии с магометанской религией [2, л. 1–3]. К сожалению, материалы дела не дают информации о том, вернул ли Яскуп свою жену или нет.

Целая серия дел фонда Оренбургского магометанского духовного собрания представлена жалобами казачек-мусульманок на своих мужей с требованием развода. Например, «Дело по прошению казака Мукаева из поселка Зубочистенского о расторжении брака дочери с мужем» [3] или «Дело по прошению казака Буркева М. из пос. Зубочистенский о расторжении брака дочери с мужем» [4] и др. Обычно женщины были неграмотными, поэтому жалобы за них писали их знакомые и родственники – отцы и братья.

Основными причинами обращений были измена мужа, побои, публичные оскорбления, жестокое обращение. Так, казачка Нижнеозерной станицы Оренбургского казачьего войска Гульгизара Тагирова Рахматкулова 20 июня 1904 г. обратилась с ходатайством о расторжении брака с мужем – казаком этой же станицы Самигуллой Рахманкуловым по причине его безнравственного поведения и жестокого с нею обращения. В прошении сообщалось, что четыре месяца женщина проживала у отца, а ее муж каждую ночь приходил к этому дому, бил окна и угрожал ей [5, л. 5–6 об.]. А казачка поселка Никольского Ильинской станицы Орского уезда Баимова в своей жалобе говорила, что ее муж в нарушении шариата вел нетрезвую жизнь, устраивая в доме сборища и силою принуждая ее пить вино, петь песни и плясать [6, л. 2].

Жалобы подобного плана писались на имя Императора и по его указу рассматривались в Магометанском Духовном Собра-

нии. Подобные просьбы предписывалось решать через примирение лиц, участвующих в деле, и заключением добровольной сделки, а в случае неуспеха – производить по обстоятельствам прошения разбирательство с опросом сторон и их свидетелей, выяснением того, не имеет ли ответчик другой жены, кроме просительницы, и принятием по правилам шариата решения или о расторжении брака, или об оставлении такового в силе.

Список источников и литературы

1. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д.264.
2. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 828.
3. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 4340.
4. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 10354.
5. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 2080.
6. НА РБ. Ф. И-295. Оп. 5. Д. 240.
7. Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

И.В. Синова

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет*

Классификация и методы исследования документов по женской истории XIX – начала XX в., хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота

В Российском государственном архиве Военно-Морского флота (РГА ВМФ), несмотря на его узкую тематическую направленность, значительный интерес представляют репрезентативные исторические источники по гендерной проблематике [20–21].

Хранящиеся в РГА ВМФ документы можно разделить на пять основных групп, каждая из которых выделяется по тематике, содержанию и форме. Первая группа является самой значительной по объему и связана с трудовой деятельностью женщин, служащих в Морском министерстве, их пенсионным обеспечением, а также с сестрами Красного креста, назначавшимися для ухода за больными и ранеными воинами.

По этим документам можно проанализировать и проследить эволюцию отношения чиновников к женскому труду, начиная с позиции Председателя комитета министров, высказанной в 1864 г. о том, что «женщина в своих поступках руководствуется более чувством чем разумом – и потому допущение ее к деятельности, требующей обратного распределения этих свойств в служащем, принесло бы вред, а не пользу. Замена мужского труда женским в России не может быть сделана иначе, как в ущерб мужскому» [15, л. 75]. В документах отражена поляризация субъективных взглядов служащих, несмотря на Высочайшее утверждение государем Императором в 1897 г. Положения, разрешавшего ограниченный допуск в учреждения «лиц женского пола» [16, л. 6].

Уже сама формулировка «замена мужского труда женским», не претерпевшая и в дальнейшем изменений в официальных документах, свидетельствует о явном второстепенном месте женщин как в обществе, так и на рынке труда. Обширная переписка по вопросу привлечения женщин на службу в Морское министерство отражает не только отношение чиновников столицы и морских портов страны к этому вопросу, но и в определенной степени мужскую позицию. Историко-генетический метод исследования документов из фондов архива позволяет соотнести процесс правового регулирования привлечения женщин на государственную службу и фактов реализации этого на практике на примере Морского министерства и составить целостную картину существовавшей дискриминации в трудовой деятельности по гендерному признаку [12, 13, 14, 15, 16, 17].

Вторая группа источников связана с социальными вопросами и включает документы по материальному обеспечению вдов погибших военнослужащих и их детей. Среди них правовые акты,

прошения женщин, переписка по вопросам выдачи женам и детям умерших чиновников морского ведомства паспортов, пособий и причитающегося жалования, а также грамот на дворянское звание [9, 10]. В результате проведения сравнительно-исторического анализа, выявления общего и особенного в социальном обеспечении женщин между гражданским населением, проживающим в городах и теми, кто служил в учреждениях Морского министерства, можно создать целостную картину государственной политики по этому вопросу.

Третья группа документов включает правовые акты, ходатайства о разрешении вступить в брак служащим ведомства, а также прошения о выписке с родины жен для совместного проживания в дальних гарнизонах. Она наглядно демонстрирует то, что женщины рассматриваются не как субъекты, а как объекты, в отношении которых чиновники принимают решения и регламентируют условия их вступления в брак и определяют место проживания [12, 13].

К четвертой группе можно отнести документы, отражающие дела, связанные с разбирательством различных форм девиантного поведения, как самих женщин, так и по отношению к женщинам. В ряде фондов содержатся протоколы заседаний комиссии по разбору вопросов о бродячих женщинах, переписка и сведения о взыскании платы с содержательниц публичных домов за лечение в госпитале их обитательниц, содержании публичных женщин матросами, а также судебные и следственные дела об обольщении женщин, об избиении и жестоком обращении с ними, убийствах жен военнослужащими Морского ведомства и др. [7, 8, 11, 12, 18, 19]. Системный анализ данных документов позволит сделать выводы о причинах девиантного поведения самих женщин и сформулировать предпосылки и последствия виктимизации и жестокого обращения по отношению к ним.

Пятая группа источников состоит из писем, хранящихся в личных фондах адмиралов Г.И. Бутакова, Б.А. Глазенапа, С.К. Грейга, Ф.В. Дубасова, Н.В. Копытова, Ф.П. Литке [1–6]. С помощью контент-анализа исследователь может сравнить со-

держание текстов писем адмиралов и их жен друг к другу, мужской и женский взгляд на события и поступки людей, отражение в них межличностных и социальных отношений.

Каждая из этих групп источников может представлять самостоятельное направление для проведения исследований с использованием методов исторической науки и социологии.

Список источников и литературы

1. Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 4. Бутаковы, семейный фонд.
2. РГА ВМФ. Ф. 6. Глазенап Богдан Александрович, адмирал.
3. РГА ВМФ. Ф. 8. Грейг Алексей Самуилович и Самуил Карлович, адмиралы.
4. РГА ВМФ. Ф. 9. Дубасов Федор Васильевич, адмирал.
5. РГА ВМФ. Ф. 12. Копытов Николай Васильевич, адмирал.
6. РГА ВМФ. Ф. 15. Литке Федор Петрович, адмирал.
7. РГА ВМФ. Ф. 33. Морской генерал-аудиториат и управление флотом генерал-аудитора г. Санкт-Петербург.
8. РГА ВМФ. Ф. 106. Военно-морской суд Николаевского порта г. Николаев.
9. РГА ВМФ. Ф. 132. Хозяйственная экспедиция Адмиралтейств-коллегии.
10. РГА ВМФ. Ф. 196. Артиллерийская экспедиция при Адмиралтейств-коллегии г. С.-Петербург).
11. РГА ВМФ. Ф. 243. Управление Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря г. Николаев – г. Севастополь.
12. РГА ВМФ. Ф. 283. Инспекторский департамент Морского Министерства, Инспекторский департамент Главного Морского штаба Е.И.В. Инспекторский департамент Морского штаба Е.И.В. Оп. 2.
13. РГА ВМФ. Ф. 407. Главное Военно-Морское судное управление Морского Министерства. Оп. 1.
14. РГА ВМФ. Ф. 408. Управление санитарной частью флота при Морском министерстве г. Петроград.
15. РГА ВМФ. Ф. 410. Канцелярия Морского Министерства Оп. 2. Д. 2903.

16. РГА ВМФ. Ф. 417. Главный Морской штаб. Оп. 6. Д. 136.
17. РГА ВМФ. Ф. 920. Севастопольский порт.
18. РГА ВМФ. Ф. 930. Кронштадтский порт.
19. РГА ВМФ. Ф. 1098. Главный доктор Черноморского флота и портов.
20. *Синова И.В.* Женщины на службе в Морском министерстве на рубеже XIX–XX вв.: pro et contra // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М.Ю. Мартынова. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 285.
21. *Синова И.В.* Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2019. Том. 18. № 2. С. 355–373.

М.А. Текуева

Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Источники о гендерном и этнокультурном взаимодействии на Кавказе в XIX – начале XX в.

Значимым фактором во взаимоотношениях горцев с русскими в период Кавказской войны (1763–1864) становится гендерное притяжение. Похищение и пленение женщин с целью продажи их в рабство или «честного» брака, родство или дружба создавали территорию культурного пограничья. Комплексное использование литературных источников, письменных свидетельств очевидцев и этнографических данных создают объективное представление о человеческих взаимоотношениях, гендерном взаимодействии, его влиянии на некоторые политические реалии своего времени. В условиях бесписьменности кавказских народов материал для понимания этих отношений дает русская литература. Она формирует яркую и правдивую картину о повседневном быте мужчин и женщин. Наиболее известный литературный пример культурного столкновения в любовном треугольнике – повесть Лермонтова «Бэла». Драма любви русского офицера и черкешенки списана с натуры, но глубоко метафорична. Печорин

символизирует культурную элиту русского общества, Бэла – «иной» мир. Покорив гордую красавицу, он тяготится необходимостью дальнейшего ее узнавания и разгадывания. Метафора этнокультурного противоречия усиливается гендерным различием сторон конфликта / персонажей сюжета.

В поддержку этих литературных источников приведу совершенно аналогичные исторические факты из биографии А.П. Ермолова со ссылкой на А. Берже [2]. В 1819 г. Ермолов вступил в кебинный брак с кумычкой Сюдой из Тарки. Предполагается, что такая форма брака была некой уловкой – способом политической игры. Примерно через месяц он оставил ее беременной на попечении жены шахмала Тарковского. Тут же во время акушинской экспедиции Ермолов впечатлился красотой дочери кумыкского узденя – Тотай, однако ее отец не желал даже *временного брака дочери с гяуром*. После отъезда русского отряда он выдал ее за односельчанина, что, впрочем, не остановило Ермолова. Аналогично сюжету «Бэлы», ее доставил русскому генералу «свой» – сын шамхала. Так же, как в «Бэле», отец, узнав о случившемся, устремился за дочерью. Но безуспешно. Когда в 1827 г. Ермолов ушел в отставку, он предложил жене *принять православие* и венчаться с ним. Но Тотай отказалась, несмотря на рождение трех сыновей. Она вернулась домой и вышла замуж за кумыка. Ни материальная, ни политическая выгоды этого брака, ни общие дети не примирили кумыкскую женщину с «чужим». Она не могла преодолеть культурный разрыв и предпочла верность собственному укладу жизни, своей религии и идеалам свободы.

В семье антагониста Ермолова – Шамиля происходит зеркальная история. В 1839 г. его 9-летний сын был взят в аманаты русскому правительству, увезен в Петербург и воспитан в кадетском корпусе. Он делает успехи в разных науках, пишет отцу, что «учится по-французски, по-немецки, по-русски, разным другим полезным наукам и танцованию и гимнастике» [1, 468]. В 1855 г. отец обменял знатных заложников на своего сына, который к тому времени уже находился на русской службе в чине поручика. И за 16 лет почетного плена дерзкий аварский мальчишка превратился в иного человека – увлеченного наукой юношу, перенявшего светские манеры офицерства, влюбленного в русскую девушку. Возвращение домой вернуло ему прежние «веру, нравы,

воспитанье» и «жизни простоту», иную «жажду брани». Шамиль женит сына на чеченке, но культурный «слом» оказался фатальным и вскоре, заболев от тоски чахоткой, юноша умирает.

Изучение проблемы истории культурного конфликта на Кавказе сквозь чувственный опыт женщин и мужчин, представляющих противоборствующие стороны, может быть расширено за счет привлечения источников фольклорного характера, архивными и нарративными материалами. Последние – наиболее лояльные свидетельства о смешанных браках, в которых различные взгляды, стереотипы мышления и поведения создают поле для компромиссов или взаимопонимания.

Задача колонизации и укоренения русского населения на Кавказе столкнулась с проблемой дефицита женщин брачного возраста. Однако в обыденном существовании безымянных для истории казаков и горцев формы создания смешанных браков были очень неоднозначны. Разноплановые источники свидетельствуют об уgone горянок в результате нападений на аулы или, напротив, набегов горцев на русские укрепления и пленении их женщин.

Один из потомков кубанских казаков рассказывал: «Мой дед участвовал в боевых действиях с черкесами. Атаман выстроил всех отличившихся для награждения. Очередь дошла до деда – ордена закончились, и атаман подвел к нему 11-летнюю черкешенку: “Вот тебе награда!” Дед возмутился: “На что она мне?” – “Молчи, а то батогамы забьем!” Дед и взял ее себе за домом смотреть. Она выросла, дед женился на ней, 11 детей ему родила...»

Б. Берсиров рассказывал мне, как в 1968 г. он оказался в станице Хамышки: «Подходит старик: “Кто такие?” – “Адыгейцы”. – “А, черкесы! Мы все здесь – потомки черкесов... Хамышки крепостью была. Солдаты в ней русские стояли. Женщин не было. Война на исходе. Народ мер в аулах... Ночью к крепостной стене подползали женщины, дети – подбирали наши объедки, что бросали за стену... Кто от слабости не мог уползти, таких мы забирали... С моего деда начиная, мы все от черкешенок...”»

Так или иначе, но за время той войны возникали семьи, в которые женщины приносили привычные им культурные элементы. Так, горцы попробовали русский борщ, а казаки – кавказские сыры, в горских жилищах наряду с очагом появляются печи, а казаки щеголяют в сшитых их женами и матерями черкесках.

Война – причина обострения и развития культурного конфликта. Но когда прекращается стрельба, люди по обе стороны конфликта продолжают жить: есть, молиться, любить. Для адаптации к жизни в непривычном климате и рельефе, необходимо было научиться у местных специфическим формам ведения войны и хозяйства, переодеться в их одежду, породниться с людьми, которые окружали со всех сторон. Надо было стать самим «местными». Каким образом? С помощью женщин, женитьбы на них, рождения совместных детей, предоставления женщине приоритетной роли в их воспитании, использование кавказской системы родства для налаживания контактов, принятие в своем быту тех предметов, которые привычны для культуры той среды, откуда пришла женщина.

Но отчего же в произведениях русской литературы так трагична и безысходна история любви мужчины и женщины из разных культурных миров? В двух «Кавказских пленниках», Пушкина и Лермонтова, горянки, спасающие пленных офицеров, погибают: первая, бросившись в реку, вторая – от пули преследующего беглецов отца героини. Так же заканчивается история Бэлы из «Героя нашего времени». В литературе содержится код бытия: идеи сострадания, любви, свободы, история мысли и духа – все это сконцентрировано в произведении искусства. В каждом человеке заложен особый культурный код, выработанный в той природной и социальной среде, в которой он сформировался. Культурное взаимодействие носителей разных культур возможно в том случае, если существуют общие, понятные обеим сторонам культурные элементы, а иначе – активизируются защитные механизмы, отторгающие чужеродное влияние.

Список источников и литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. – Тф.: Тип. Глав. управ. наместника кавказского, 1885. Т. 10. № 426.

2. *Берже Ад. П.* Алексей Петрович Ермолов и его кебинные жены на Кавказе. 1816–1827 гг. / Берже Ад. П. Кавказская старина. Пятигорск: СНЕГ, 2011.

Источники для изучения женских читательских практик во второй половине XIX – начале XX в.

Источники, содержащие сведения о женских читательских практиках во второй половине XIX – начале XX в., разнообразны и порой содержатся в неочевидных документах и артефактах. Представим их, разделив по типам и видам на несколько групп. Но прежде объясним нашу позицию в отношении термина «читательские практики».

Для последователей школы «Анналов» читательская деятельность – культурная практика, позволяющая изучать историю чтения, чтобы «выявить социальные различия в противоположных по назначению текстах и изучить те множественные и подвижные смыслы, какими наделяли эти тексты их читатели» [12, с. 14]. Для М. де Серто термин «культурные практики» восходит к антропологической традиции, под ним он подразумевает «систему ценностей, лежащую в основе повседневной жизни, неосознанно воспринимаемую субъектами, но имеющую решающее значение для их личной и групповой идентичности» [13, с. 263] (от себя добавим, что еще и этнокультурной, региональной и гендерной). Для социолога Б. Дубина «практика чтения» – это ситуация расширения круга приобщенных к книжной культуре, при которой происходит «традиционализация ее ценностей, в плане культуры, и периферизация структурообразующих и нормозадающих “центров” общества, в социальном плане» [4, с. 83]. Соединив эти подходы в рамках истории повседневности, мы исследуем то, как происходило включение чтения в повседневность мужчин и женщин, как они по-разному воспринимали прочитанное и как благодаря чтению выстраивались иерархии отношений социально нормированных взаимодействий полов и половозрастных групп, и все это для того, чтобы лучше понять «молчаливое производство» (так называет читательскую деятельность Р. Шартье [12, с. 142]).

Самый большой комплекс для заявленной темы – это источники письменного вида и, в первую очередь, делопроизводственные материалы во всем их разнообразии. В отчетной документации уральских библиотек 1880–1890-х годов в сведениях о социальной принадлежности читателей, количестве посещений, книговыдаче женщины учитывались отдельно от мужчин, что облегчает задачу исследователю женских читательских практик. В начале XX в., кроме этого, велся учет в зависимости от возраста, уровня образования и сферы занятий. В сохранившихся формулярах, читательских билетах, журналах на выдачу книг фиксировали интенсивность чтения, предпочтения, интересы и другие привычки уральских читательниц. В информационных документах, связанных с развитием системы библиографической информации – реклама и каталоги магазинов, книжных складов – выявить книги, пользовавшиеся спросом у женской аудитории можно только косвенно. Так, например, на страницах «Екатеринбургской недели» в 1870–1890-х годах в рекламе книжного магазина М.Д. Блохиной больше указывалось книг по педагогике, гигиене, воспитанию и для детского чтения, чем по горному делу, металлургии, золотодобыче и т. п. В статистических источниках с данными о подписчиках «толстых» журналов [например, 2, 5, 11] выявить женскую аудиторию совсем невозможно. Эти сведения можно подчеркнуть только из эго-документов или владельческих записей в сохранившихся журналах. Так, например, из воспоминаний С.Г. Грум-Гржимайло, жены управителя Верхне-Салдинского завода, известно, что для организации театральных постановок Софья Германовна выписывала «Русскую старину» и «Театральный журнал» [3, с. 197], но имя подписчика (которое и учитывала статистика), с большей долей вероятностей, можно утверждать, было указано не ее, а мужа. Показатели Первой всеобщей переписи Российской империи в Уральских губерниях [9, с. 308–309] содержат не только сведения о гендерном составе населения, но и о соотношении грамотных мужчин и женщин. В справочниках, касающихся образовательных учреждений, можно проследить рост женской читательской аудитории за счет роста женских учебных заведений и числа их выпускниц [10]. В справочных изданиях, подобных «Альманаху печати на

1909 г.», можно узнать количество женских журналов и газет, издающихся в Российской империи в то или иной период, а также сколько из владельцев книжных магазинов, типографий и коммерческих библиотек было женщин [1]. Публицистика центральной и местной прессы – информационно-ценный источник о читательских практиках женщин на Урале. Это чаще всего рецензии на издания, которые читали в провинции, их авторами нередко становились женщины-журналисты. Так, например, в 1887–1893 гг. почти в каждом номере в рубрике «Журнальные заметки» «Екатеринбургской недели» Н.В. Остроумова-Сигова выступала как обозреватель журналов, книжных новинок и театральный рецензент. И все же наиболее ценный корпус источников для изучения читательских практик женщин на Урале во второй половине XIX – начале XX в. – это эго-документы – воспоминания и дневники, записи в ежедневниках, а также письма и порой развернутые отзывы на полях книг. Художественная литература является источником особого рода, т. к. «нигде так подробно не пишется о человеке, его чувствах, о человеческих отношениях, любви и ненависти, о быте и т. д.» [7, с. 306]. Писатели второй половины XIX – начала XX в. очень часто изображали в своих произведениях ситуации, связанные с читательницами, их читательскими интересами и привычками. Особенно ценными являются тексты, написанные женщинами. Известно, что А.А. Кирпищикова (1838–1927) во многом «сделала себя» чтением и самообразованием, поэтому в ее произведениях особенно много сюжетов, касающихся практик уральских читательниц [6, с. 723–736]. Художественные образы дополняют сведения, полученные из других видов исторических источников, и являются ценными свидетельствами современников, включенных в литературный процесс.

К комплексному типу источников (вне видо-типовой классификации) относится книга. Она по форме кодирования информации одновременно относится к вещественному и письменному типу. В рамках изучения женских читательских практик книга рассматривается как материальный объект, характеризующий книжную культуру владелицы. Ценность книги увеличивается,

если на ней сохранились следы бытования (печати, штампы, экслибрисы, пометы), если она имеет владельческий переплет и т. п. Такие книги интересны не только текстом, они приобретают новый статус, становятся артефактами и уникальными источниками. Книга «рассказывает» о читательских практиках женщин особенно ярко и достоверно: зачитанными страницами, утратами и дефектами, различными вклейками и наклейками, закладками и цветами. Фиксируя и анализируя «отметку резкую ногтей; то кратким словом, то крестом, то вопросительным крючком» [8, с. 166–167] в комплексе с другими источниками только и возможно изучение женских читательских практик в исторической ретроспективе.

Список источников и литературы

1. Альманах печати на 1909 г.: сб. сведений о всех период. изд.: списки кн. маг., тип., б-к и т. п. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1909. [6], СХХХVI.

2. Беккер К. Материалы для статистики газетного и журнального дела в России за 1868 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 1. С. 195–243.

3. Грум-Гржимайло В. и С. Секрет счастливой жизни: кн. для семейного чтения / В. и С. Грум-Гржимайло; под. ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 197.

4. Дубин Б. Книга и дом (к социологии книгособирательства) // Дубин Б. Очерки по социологии культуры: избранное / Б. Дубин; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 73–93.

5. Кармалина К. Материалы журнальной статистики «Русской старины» в 1875 г. // Русская старина. 1875. № 12. С. 785–797.

6. Кирпищикова А.А. Повести. Рассказы. Очерки. Молотов: Молот. кн. изд-во, 1956.

7. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Труды Института Российской истории РАН. М.: Ин-т российской истории РАН, 2002. Вып. 3. С. 306, 290–322.

8. Пушкин А.С. Сочинения: в 6 т. СПб.: Я.А. Исаков, 1859. Т. 3: Евгений Онегин и драматические произведения. С. 166–167.

9. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статист. очерки / под ред. С.Г. Струмилина. М., 1956. С. 308–309.
10. Сведения об учебных заведениях Нижнетагильского округа на 1 янв. 1915 г. / сост. П.П. Ларионов. Нижний Тагил, 1915.
11. *Хомиховский А.* Материалы журнальной статистики «Вестника Европы» в 1875 г. // Вестник Европы. 1875. № 12. С. 891–899.
12. *Шартье Р.* Письменная культура и общество / Роже Шартье; [пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф]. М.: Новое изд-во, 2006.
13. *Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life / M. de Certeau, L. Giard, P. Mayol, T. J. Tomasik. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. Vol. 2: Living and Cooking. XLVI.

Е.В. Метель

Бийск, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина

Делопроизводственные источники 1920-х годов о женской занятости на Алтае (своеобразие комплекса и работы с ним)

Необходимость исследования доли женского производительного труда в ранней Советской России обусловлена слабой изученностью вопроса на региональном уровне. Историческая наука имеет представление о практике привлечения женщин к общественному труду: по этому вопросу существует ряд монографий и научных статей. В ходе исследования нами были рассмотрены работы отечественных ученых, опубликованные с 1925 г. по 2019 г. Среди них были общие работы по женскому вопросу и конкретные сочинения о женском труде. И если труд женщин на сибирских предприятиях в некоторой мере изучен, то информацию о труженицах Алтая нам пришлось извлекать из архивных источников. Также в ходе исследования выяснилось, что некоторые из проблем, с которыми сталкивались советские женщины, актуальны и в наши дни, поэтому их изучение полезно для будущего социального опыта.

Советские идеологи отмечали необходимость привлечения женщин к работе на производстве, считалось, что именно это поз-

волит им стать свободными и независимыми от мужчин. Привлечение женщин к общественному труду рассматривалось как один из элементов эмансипации. Конституция РСФСР 1918 года стала большим шагом во многих областях общественной жизни, и трудовые отношения не стали исключением. Согласно ст. 18, каждый гражданин был обязан трудиться, и это нашло свое отражение в динамике численности работающих граждан. В конце 1914 г. насчитывалось 30,5–30,8% работниц, а в 1918 г. – 41–43% [4, с. 93].

С конца 1919 до середины 1921 г. был зафиксирован недостаток рабочей силы. В годы гражданской войны женотделами была введена трудовая повинность для девушек и женщин 10–40 лет [5]. Благодаря этому, в 1920 г. к труду были привлечены миллионы женщин. Позже, новая экономическая политика привела к избытку рабочей силы. [4, с. 93]. Среди зарегистрированных на биржах труда безработных в Сибири во второй половине 1920-х годов женщины составляли более половины [2]. Однако, пособие по безработице выдавалось тем, кто до увольнения работал не менее трех лет, поэтому многие женщины не имели на него права.

Весной 1922 г. была разработана система мер по борьбе с женской безработицей. Благодаря проведенной работе, с 1923 по 1927 г. количество женщин в крупной промышленности увеличилось на 395 тыс. человек [3, с. 204]. Если же взять их долю среди всех промышленных рабочих, то с 1923 по 1929 г. он удерживался примерно на уровне 28–29% [1, с. 38]. Это особенно примечательно, исходя из информации о том, что согласно переписи 1926 года доля мужчин в составе населения равнялась 47,8%, их было на 4,5 млн. меньше, чем женщин. Мы полагаем, что подобное снижение доли трудоустроенных женщин при параллельном снижении численности мужчин произошло из-за увеличения общего количества рабочих мест. В Сибири удельный вес работниц был значительно меньше, в 1923 г. в Сибири насчитывалось 27 289 работниц, а в 1926 г. – 58 039. Следовательно, и здесь очевиден значительный абсолютный рост женского труда [1, с. 38].

На Алтае предприятия в редких случаях вели подсчет количества работниц. Подобные сведения возможно получить только из общих списков сотрудников. Кроме того, внимание к количеству

женщин возникло только в 1929 г.: появилась графа «в т.ч. женщин» [20]. К примеру, в 1924–1925 гг. в штате Алтмолсоюза состояло 64 сотрудника, и восемь из них (12,5%) были женщинами. В период с 1925 г. по 1926 г. на предприятии произошло сокращение, общее число сотрудников снизилось до 40, а количество женщин – до 2 (5%) [10]. Под сокращение в большей мере попадали женщины: мужчины обладали более высокими уровнями образования и квалификации, к тому же, их рассматривали как «кормильцев» семейств. Позже положение дел на предприятии стабилизировалось, штат расширялся. К 1926–1928 гг. в Алтмолсоюзе числилось 54 сотрудника, и 10 из них были женщинами (18,5%) [12]. Таким образом, увеличилось не только общее количество человек на предприятии, но и доля в нем женщин.

Среди сотрудников Алтайского сельскохозяйственного союза в 1925–1926 гг. (33 человека) была одна женщина (3%) [11]. К последней трети 1920-х годов число женщин в алтайских предприятиях заметно возросло. В Бийском отделе акционерного общества «Мясопродукт» в 1928 г. из 169 человек 25 были женщинами (14,8%) [19], штат Алтселькредитмашсоюза насчитывал девять работниц (из 36 сотрудников, 25%) [18], в 1929 г. коллектив Алтполеводсоюза включал в себя пять женщин (из 31, 16,1%) [17].

В первой трети XX столетия женщина обладала низкой конкурентоспособностью на рынке труда. В 1923 г. квалифицированные работницы составляли 25% по отношению ко всем работницам (и 16,6% – ко всем работникам), полуквалифицированные соответственно 21,7% и 36,9%, неквалифицированные – 53,3% и 42,6% [4, с. 94].

Из уровня квалификации женщин напрямую вытекало то, какие должности они занимали, и какова была оплата их труда. Согласно спискам сотрудников организаций на Алтае, о которых мы писали выше, всего три женщины (6%) имели достаточную квалификацию и занимали должности агронома и инструкторов. Остальные выполняли работу, не требующую высокой квалификации: мясники (кишечники) (29%), счетоводы (13%), машинистки (11%), курьеры (7%), колбасники (5%), уборщицы (5%),

чернорабочие (5%), делопроизводители (4%), сторожа (4%), заведующие книжным киоском (2%), кассиры (2%), стеклографисты (2%), чайницы (2%), прачки (2%), ученики (2%) [6–10, 13–17, 19].

Политика женотделов была направлена на обучение работниц. Оно осуществлялось в фабрично-заводских училищах, на курсах и путем создания специальных женских бригад. В конце 1925 г. по пяти губерниям в результате повышения квалификации были переведены на более высокие разряды 2 тыс. женщин. Эти меры повлекли рост среднего заработка женщин (в сравнении с средним заработком мужчин) от 60,5% в 1923 г. до 68,4% в 1926 г. [4, с. 97].

На Алтае всего лишь одна работница (среди 300 сотрудников исследуемых предприятий) имела высшее образование (2%), среднее образование имело шесть женщин (11%), остальные работницы (25%) имели лишь общее образование («самоучка», «малограмотная», «курсы коммунистических знаний», «низшая сельская школа») [6–10, 13–17, 19].

Первое десятилетие Советской власти показало, что законодательных мер трудовой эмансипации недостаточно, и в начале 1930 г., женотдел ЦК ВКП (б) признал результаты работы по вовлечению женщин в производство неудовлетворительными. Нельзя дать однозначную оценку работе государства в сфере женского труда. Итоги деятельности органов власти по вовлечению женщин в общественное строительство были не так существенны, как планировались, особенно на местах, где все достижения были в разы менее значительными. На наш взгляд, результат деятельности государства можно признать удовлетворительным, однако существует ряд перспективных начинаний, которые могли внести позитивный вклад, но не получили достойного развития в отечественной социальной практике.

Список источников и литературы

1. *Балахнина М.В.* Женский труд в промышленности Сибири в 1920-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 3 (29). С. 37–40.

2. *Исаев В.И.* Условия и тенденции вовлечения женщин в промышленность Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и

археологии. 2016. № 1. [Электронный ресурс]. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-tendentsii-vovlecheniya-zhenshin-v-promyshlennost-sibiri-v-gody-pervyh-pyatiletok-1928-1937-gg](https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-tendentsii-vovlecheniya-zhenshin-v-promyshlennost-sibiri-v-gody-pervyh-pyatiletok-1928-1937-gg). (дата обращения: 12.10.2020).

3. *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение: хрестоматия / под ред. и с введением Клары Цеткин. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

4. *Окорочкова Т.С.* Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа // Социол. исследования. 1999. № 9. С. 93–100.

5. Постановление Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности и Народного Комиссариата Труда и Социального Обеспечения // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 171–175. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/41443> (дата обращения: 01.10.2020).

6. Списки сотрудников Алтмолсоюза за 1924–1925 гг. Алейская контора. ГААК. Ф. Р-19. Оп 1. Д. 16. Л. 13 об.–14 об.

7. Списки сотрудников Алтмолсоюза за 1924–1925 гг. Общая канцелярия. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 7 об.

8. Списки сотрудников Алтмолсоюза за 1924–1925 гг. Финансово-счетный отдел. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об.

9. Списки сотрудников Алтмолсоюза за 1924–1925 гг. Хозяйственная часть. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об.

10. Список служащих Алтмолсоюза, работавших в период с 01.10.1925 г. по 01.10.1926 г. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–27 об.

11. Список сотрудников Алтайского сельскохозяйственного союза ГААК. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

12. Список сотрудников Алтмолсоюза за 1926–1928 гг. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об.–17.

13. Список сотрудников Алтмолсоюза за 1926 – 1928 гг. Общий отдел. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 10 об.–11.

14. Список сотрудников Алтмолсоюза за 1926–1928 гг. Организаторский отдел. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 4 об.–7.

15. Список сотрудников Алтмолсоюза за 1926 – 1928 гг. Финансово-счетный отдел. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 32. Л. 13 об.–14.

16. Список сотрудников Алтмолсоюза за 1926 – 1928 гг. Хозяйственная часть. ГААК. Ф. Р-19, оп 1, д 32, л 16 об. – 17.

17. Список сотрудников Алтполеводсоюза по состоянию на 05.05.1929 г. // ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–13.

18. Список сотрудников Алтселькредитмашсоюза с отзывами об их работе. ГААК. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1. Л. 46–52.

19. Список сотрудников Бийского отдела акционерного общества «Мясопродукт» на 01.04.1928 г. ГААК. Ф. Р-766. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

20. Статистический отчет о количестве и качестве состава аппарата Сибмаслосоюза по главной конторе и Алейскому пункту на 01.01.1929 г. ГААК. Ф. Р-19. Оп. 2. Д. 8. Л. 4.

Л.В. Лебедева

Пенза, Пензенский государственный технологический университет

Источники исследования повседневной жизни крестьянки периода НЭПа (на примере Пензенской губернии)

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к изучению повседневной истории. Наиболее актуальным в исследовании «жизненного мира» социумов представляется гендерный аспект: сопоставление социальных ролей, форм деятельности, выяснение возможностей полов, различия поведения и психологических характеристик. Особое место в историографии занимает исследование повседневной жизни крестьянки в период НЭПа. 1920-е годы – переломная эпоха, когда жизнь российской деревни активно принимали новые черты, отражающиеся на материальной культуре крестьян, системе отношений, их мировоззрении.

Для реконструкции повседневной жизни крестьянки – ее хозяйственной роли в жизнедеятельности семьи и практики совладения с жизненными трудностями в период НЭПа, а также семейных отношениях, воспитании детей, буднях, праздниках большую роль играют источники. Для воссоздания повседневной жизни важны свидетельства личного происхождения – воспоминания, письма, дневниковые записи, а также этнографические и социологические исследования.

Важная информация о повседневной жизни крестьян Пензенской губернии 1920-х годов получена в результате обследований,

проводившихся на территории края в тот период времени. В первой половине 1920-х годов Российская академия истории материальной культуры провела анкетное обследование крестьян. Перечень вопросов был обширен. Ученых интересовали произошедшие изменения в деревне и способ выхода крестьянских хозяйств из экономического кризиса. Среди вопросов были: «Как относятся теперь к иконам и церкви? Следует ли молодое поколение в хозяйственном быту примеру стариков? Не изменилось ли отношение к книге и газете? Носят ли старый народный костюм? Чем и как окрашивают новину и холст? Какие изменения в форме и материале одежды произошли за последние годы? Какая употребляется обувь? Не употребляются ли для размолу ручные жернова или другие домашние приемы размолу зерна? Какой употребляется хлеб (ситный, пшеничный и др.); кислый или пресный? Как изготавливается хлеб с примесями? Что употребляется вместо хлеба (лепешки, ватрушки)? Из чего и как делаются? Какая будничная и праздничная пища? Пили ли чай, чем его заменяли, если его не употребляли? Как население находит выход из затруднительного положения в виду недостатка ткани, обуви, гвоздей, стекла, хозяйственных орудий, соли, чая, сахара, керосина» и др. В Пензенском краеведческом музее хранятся данные обследования 66 населенных пунктов с русским, мордовским и татарским населением. Ответы характеризуют выход из кризисной ситуации в домашнем хозяйстве, касающийся сферы деятельности женщины: замена мыла, примеси при приготовлении хлеба и др. Данные позволяют изучить тенденции в создании домашнего уюта – распространении шторок, цветов, зеркал и др.; более чистом содержании жилья [3].

В «золотой век краеведения» Пензенским краеведческим музеем было организовано несколько этнографических экспедиций по губернии. Большую ценность представляют доклады, отчеты, дневниковые записи сотрудников музея – Н.И. Спрыгиной и Б.Н. Гвоздева, а также преподавателя Педтехникума А.Н. Гвоздева. В большей мере они обследовали быт мордвы и мешеры. Программа была обширной и включала описание селения, крестьянского хозяйства: внутреннее устройство и убранство избы, хозяйственные постройки, одежда, посуда, предметы домашнего

обихода и хозяйства, сельскохозяйственные орудия, а также состав семьи, описание семейных обрядов и традиций. Описания, сделанные этими исследователями, содержат ценнейшие сведения о будничной и праздничной жизни крестьянок, о быте, условиях труда. Так, Н.И. Спрыгиной описаны женские работы, рукоделие и отношение к ним, обряды – поминальные с участием женщин, на Троицу, «Каштан» (гулянье молодых женщин, вышедших замуж осенью) и др. [6]; Б.Н. Гвоздевым – домашняя работа, приготовление пищи, предметы домашнего обихода [4], праздничная одежда, женское рукоделие, в том числе совместное плетение («дерганье») пояса и посиделки [5].

Пензенскую деревню начала 1920-х годов характеризуют материалы обследования жизни и быта крестьян, проведенные Пензенским губкомом партии с ноября 1924 г. по апрель 1925 г. Оно было проведено исходя из решений XIII съезда партии и последующего пленума, состоявшегося в октябре 1924 г. Реализуя лозунг «Лицом к деревне», комиссии обследовали около 33 тысяч крестьянских хозяйств Пензенской губернии с русским, мордовским и татарским населением. Программа обследования содержала более шестидесяти вопросов и охватывала различные стороны жизни крестьян [1]. На основе обследований Н.А. Росницким была написана книга «Полгода в деревне», переизданная под названием «Лицо деревни» [7]. В собранных материалах содержится богатейшая информация, характеризующая различные стороны повседневной жизни российской деревни. Наряду с информацией, характеризующей экономическое состояние крестьянского хозяйства, собранные материалы отражают обыденное мировоззрение крестьян. Членами комиссий записаны конкретные примеры из повседневной жизни. Некоторые сюжеты характеризуют жизнь девочки, девушки, женщины-крестьянки. Так, уделено внимание причинам устранения девочек от школы, их неграмотности, насилию над женщиной и пониманию равноправия в деревне, посещению (не посещению) сходов, вовлечению женщин в политическую и общественную жизнь и отношению мужчин к женской активности, женской религиозности.

Яркая картина повседневной жизни крестьян раскрывается в индивидуальных источниках – воспоминаниях людей того периода жизни. Свидетели «перехода от старого к новому» воссоздают живую картину деревенской повседневности. Воспоминания О.В. Лебедевой – 1904 года рождения, уроженки с. Казанская Арчада Чембарского уезда Пензенской губернии содержат характеристику деревенского быта крестьянской семьи первой четверти XX в. Ольга Васильевна описывает отношение в семье, обязанности членов семьи, домашнюю обстановку – внутреннее убранство, одежду, различные способы выживания в период экономических трудностей. В воспоминаниях прослеживается реакция на текущие события. Женщина особое внимание уделяет родам в поле, домоводству, периоду знакомства и ухаживанию будущего мужа, описывает свадьбу [2].

Подводя итог, можно отметить, что источники личного происхождения, а также этнографические и социологические исследования дают возможность воссоздать различные стороны «жизненного мира» деревни, в том числе и жизнь крестьянки. Они содержат богатый фактический материал, интересные сведения о материальной и духовной культуре крестьянок разных национальностей, а также позволяют выявить мотивацию действий, обратить внимание на переживания и особенности поведения в определенных обстоятельствах.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. П. 36. Оп. 1. Д. 833. Л. 42–44.
2. ГАПО. Ф. Р. 2835. Оп. 1. Д. 12.
3. Пензенский государственный краеведческий музей (ПГКМ). Н. А. № 88.
4. ПГКМ. О. Ф. №12960/4.
5. ПГКМ. О. Ф. 12960/13.
6. Основной фонд (О.Ф.). № 12949/3.
7. *Росницкий Н.А.* Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств Пензенской губ. М.:Л., 1926.

Архивные источники о судьбах женщин-неонародниц Курского края (1903–1937 гг.)

В неонародническом движении Курской губернии женщины играли активную роль. Об этом свидетельствуют материалы, отложившиеся как в центральных, так и в региональных архивах. Прежде всего это личные дела арестованных, протоколы допросов, отчеты филеров и агентов царской охраны. Биографии некоторых неонародниц удалось восстановить благодаря мемуарам, хранящимся в их личных фондах. В Архивном управлении Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУ ФСБ РФ по КО) мы изучили материалы ВЧК-ОГПУ (фонд секретного делопроизводства) по борьбе с «контрреволюционными организациями бывших социалистов-революционеров в 1920–1930-е годы». Они помогли нам восстановить судьбы неонародниц в годы сталинизма.

Как показали материалы исследования, неонароднические кружки появились в Курской губернии в конце XIX в. Один из них организовала Н. Беспалова, студентка одного из столичных вузов, сосланная в г. Курск ввиду «политической неблагонадежности» [5, л. 15]. Другой видной курской революционеркой была дворянка С.А. Субботина. Ее имение в с. Беломестном стало центром народнической пропаганды исследуемого региона. Всестороннему анализу деятельности Субботиной и ее воспитанницы В. Шатиловой посвящены исследования О.П. Запорожской [11, с. 89–107].

В начале XX в. в ряде уездов Курской губернии оформились объединения социалистов-революционеров. Наиболее активной из них была группа, созданная в 1904 г. в г. Старый Оскол. В ГАКО хранится «Дело о Старооскольской группе партии социалистов-революционеров», в котором названы имена женщин-эсерок – учительницы З.М. Старосельцевой, гимназисток А.М. Старосельцевой, П.А. Токаревой, Е.А. Кувшинниковой, Л.В. Правдиной, К.И. Толмачевой [9, л. 880–1076].

В фонде Курского губернского жандармского управления (КГЖУ) хранятся документы, в которых содержится информация о составе Курской группы социалистов-революционеров. Среди ее членов упоминаются имена эсерок Е.И. Фортунатовой, А.А. Жилинской, В. Привдиной, Р.С. Благовещенской, Л. Леплявкиной, Н. Ермоловой, сестер Белоконов, О.М. Коцюбинской [8, л. 840–845].

Среди первых курских неонародников, привлекавшихся к дознанию ГЖУ упоминается Ольга Владимировна Берви (Кайданова), будущий советский педагог с мировым именем. В 1920-е годы она изучала проблемы социальной адаптации беспризорников, а также исследовала вопросы истории русской школы. Ольга Владимировна также являлась автором букварей «Подросток» и «Наш букварь» [12]. Среди членов Курского городского комитета ПСР были такие видные члены партии социалистов-революционеров, как Б.Х. Виткина, П.Г. Каллистратова и П.Н. Шавердо [13, с. 518, 527, 571].

Впервые фамилия Шавердо нам встретилась в документах Государственного архива Курской области (ГАКО) о деятельности Курского комитета партии социалистов-революционеров в 1905 г. В фонде Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ф. 533) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) нами были обнаружены документы, благодаря которым удалось установить девичью фамилию Шавердо – Вузенковская [10, л. 1–3]. Значительный пласт материалов, рассказывающих о революционном прошлом революционерки, отложился в фондах ГЖУ (ф. 1642) Государственного архива Курской области [3, л. 5; 5, л. 2–33; 6, л. 1; 7, л. 7].

В личном фонде Шавердо (ф. 722) ГАКО хранится рукопись воспоминаний «Архангельская ссылка», в которой автор рассказывает о революционной деятельности курской эсерки в кружке, которым руководил известный народоволец врач С.А. Никонов [6, с. 1–53]. Фотографию же Паулины Наполеоновны нам удалось обнаружить в семейном архиве курянина М.Н. Иванова, который одновременно с Шавердо отбывал ссылку в г. Архангельске. На фото изображена П.Н. Шавердо среди группы политических ссыльных [4, с. 83].

О том, как сложилась судьба Паулины Наполеоновны в годы Советской власти, рассказывают документы Архивууправления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области. В 1920–1930-е годы она входила в Курское отделение Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, являлась почетной пенсионеркой г. Курска. В это же время как бывший член партии социалистов-революционеров была поставлена на учет в ОГПУ, а затем арестована в 1937 г. [2, л. 75, 256, 275].

В фондах этого архива нами были обнаружены протоколы допроса революционерки, ее письмо-обращение к тюремному начальству, в котором Шавердо отмечала следующее: «Революционной деятельности посвятила 57 лет. Получаю персональную пенсию, а также пользуюсь привилегиями и доверием партии и правительства. Трудно предположить, что, будучи в преклонном возрасте и в состоянии, когда не можешь передвигаться без посторонней помощи, я занималась контрреволюционной деятельностью...» [2, л. 25–26].

9 декабря 1937 г. на заседании Тройки при Управлении НКВД по Курской области было принято постановление о ее расстреле. 16 января 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР старейшая неонародница Курского края была реабилитирована посмертно [1, л. 128–131].

Как же сложились судьбы других активистов неонароднического движения исследуемого региона? Известно, что О.В. Берви (Кайданова) в 1930-е годы уехала в г. Кингстон (Канада) на постоянное место жительства к своей старшей дочери, где и умерла в 1944 г. Следы Е. Фортунатовой теряются в Сибири, куда она была сослана в 1903 г. А.А. Жилинская работала преподавателем советской школы № 100 в г. Ленинграде. В октябре 1930 г. была арестована и сослана на 3 года в Западную Сибирь. Ее дальнейшую судьбу, как и судьбы многих других неонародниц Курского края, еще предстоит выяснить.

Список источников и литературы

1. Архивууправление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 2.

2. АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Д. П. 12850. Т. 1.
3. АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Д. П. 12850. Т. 2.
4. «Боролась за землю, за волю, за свободу народа». Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо. Публикацию подготовила Г.А. Салтык // Отечественные архивы. 2002. № 6. С. 71–90.
5. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 790.
6. ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАКО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 4.
8. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 52.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 293.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 1325.
11. *Запорожская О.П.* «Хождение в народ» и революционная пропаганда среди крестьян Курской губернии в 70-х гг. XIX в. // Ученые записки КГПИ (Вопросы истории и краеведения). Т. 47. Ч. 2. Курск, 1968.
12. *Кайданова (Берви-Кайданова), Ольга Владимировна.* [Электронный ресурс]. URL: slovar.wikireading.ru/364519 (дата обращения: 24.09.2020).
13. *Салтык Г.А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М.: Прометей, 2002.

Н.Г. Краснодембская, Е.С. Соболева

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

Соавтор или помощница? Из материалов к истории индологии в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере)

Имя Татьяны Александровны Корвин-Круковской (1900–1938) мало известно даже индологам. Прослужив в МАЭ пять лет, она внесла вклад в становление отдела Индии. Польская аристократка, она окончила Демидовскую женскую гимназию (1917), *жила в кругу бывших Гагариных, Оболенских*, владела немецким, французским и английским языками. После революции не могла получить высшего образования, работала в Отделе

управления Петросовета (1918–1920), счетоводом в Пехотной школе (1921), давала частные уроки [5, с. 197], содержит декласированного отца и бедствовавшую семью [2, с. 305 об.].

На работу в МАЭ принята 01.02.1924 «приватно», а 10.1925, по ходатайству А.М. Мерварта [5, с. 198], научным сотрудником II разряда [6, с. 65] в Отдел Индии по 23.08.1929 [10, с. 122], снята с работы решением комиссии Фигатнера 20.08.1929 [16]. Вернувшись в Ленинград 3.08.1924 [4, с. 151], А.М. Мерварт стал заведующим Отделом Индии, Л.А. Мерварт – заведующей Отделом Индонезии МАЭ [6, с. 1–2]. Они разбирали свои индийские лекции, готовили первую экспозицию Индии и Индонезии к Юбилейной выставки к 200-летию Академии наук. Для помощи в этом деле и была привлечена Корвин-Круковская, вскоре ставшая верным помощником А.М. Мерварта. Он признавал, что без ее помощи не смог бы осуществить весь объем работы по индологии: «Т.А. Корвин-Круковская – мой самый близкий человек, по работе и по жизни, мой секретарь. Под мою диктовку писала отчеты» [2, с. 173]. Л.А. Мерварт была серьезно загружена работой по отделу Индонезии, заботой о двух малолетних детях (семья проживала в служебной квартире – Тучкова наб., 2).

А.М. Мерварт 5.11.1925 добился [5, с. 60] от Правления Ленинградского института живых восточных языков допуска Корвин-Круковской к посещению лекций по страноведению Индии и бенгальскому языку в качестве *сторонней слушательницы* [10, с. 139–141]. Два года она занималась санскритом и индийской литературой [6, с. 65] у проф. Ф.И. Щербатского. Но этот знаменитый индолог отнесся к ней с некоторой надменностью. Она писала А.М. Мерварту 28.08.1927:

«Вчера я была у Щербатского, но вышла от него с каким-то противным чувством. Мне надо было узнать у него кое-что о Шанкарабахашья и его сочинениях о Брахмасутре, т.к. об этом есть упоминания в моей книге, и я должна комментировать это место, а я ведь не слишком много знаю об индийской философии. В результате я выслушала перечень десятка полтора имен индийских философов, которые совсем к делу не относятся, и при этом все было сказано такой скороговоркой, что я поло-

вины не разобрала и, конечно, ничего не запомнила, а обо всяческих философских вопросах, о которых говорит Банкимчандра, я узнала ровно столько, сколько есть в словаре Апте. И это так всегда, когда о чем-нибудь спрашиваешь Щербатского. И при этом снисходительная улыбка, говорящая: “Вы все равно делаете глупости и этого никому не нужно”. Впрочем, я, кажется, уже слишком много об этом написала» [12, с. 2 об.–3]

Работала она увлеченно: научилась *изготавливать картодиаграммы, чертежи и др. графические работы* [9, с. 122], печатать на «Hammond» и пишущей машинке, которую А.М. Мерварт в 1929 г. купил у Виля Липатова. Активно трудиться приходи лось и ради заработка: благодаря своей образованности она получила работу по корректурной правке Собрания сочинений А.Н. Толстого (ЛЕНОГИЗ) [2, с. 309 об.]. Став другом семьи Мервартов, именно она ввела их в круг творческой интеллигенции.

Родившийся в Германии А.М. Мерварт хорошо говорил, но плохо писал по-русски. Л.А. Мерварт помогала супругу: он «читал мне из своей комнаты (у нас дома) иногда тот или другой отрывок из докладов вслух в том случае, если он ему казался особенно хорошо изложенным или же, если касался материала, доставленного мною, и А.М. хотел проверить точность своего изложения» [2, с. 316]. В 1925 г. А.М. Мерварт подготовил [6, с. 2] минимонографию – путеводитель «Отдел Индии» [17]. Рукопись написана почерком Корвин-Круковской черными чернилами на листах формата А3 и в школьных тетрадках [13]. На машинописном варианте «Путеводителя» правка также сделана ее рукой. То, что рукописные тексты не подвергались редакции, свидетельствует об умении Корвин-Круковской облечь слова и мысли А.М. Мерварта в надлежащую форму; труд написан хорошим языком, не перегружен научными терминами и словами из индийских языков; структура «Путеводителя» сохранена в экспозиции МАЭ «Народы Южной Азии».

К сожалению, Т.А. Корвин-Круковская не уделила должное внимание составлению коллекционных описей, в которые внесены ею лишь название предмета и минимальный комментарий; очевидно, подробное музейное описание было отложено на потом. Но ей удалось подготовить статью для Сборника МАЭ [16],

перевод романа [14], начать работу над рукописями почти забытого индолога Герасима Лебедева [10, с. 14].

А.М. Мерварт, подчеркивая, что «переводы с бенгальского языка (Тагор, Банкимчандра, Гангули и др.) принадлежат моей помощнице Т. Корвин-Круковской» [8, с. 39], продвигал ее как индолога. 28.08.1927 она сообщала: «Я читала часть перевода Вере Семеновне, и она пророчит, что книга будет иметь большой успех. Ей она очень понравилась. Меня это радует, т.к. у нее безусловно большое художественное чутье. Софье Ивановне [Юнкер-Крамской, работавшей в МАЭ художником – *Н.К., Е.С.*] я заказала обложку, т.ч. работа идет во всю» [12, с. 2–2об.].

За самоотверженную работу Т.А. Корвин-Круковская была удостоена благодарности Отделения гуманитарных наук АН СССР. Но это не спасло ее от грядущих репрессий – ареста 1.05.1929 [3, с. 158] и суда по Академическому делу [15]. В показаниях 16.06.1930 она заявляла, что не сочувствует советской власти, «но и Германия мне неприятна. Я не могу примириться с мыслью, что близкий и дорогой мне человек будет шпион. Убеждала его в том, что ему нет никакой надобности в этом, что он ведет интересную и полезную для общества работу, которая может дать ему удовлетворение. Уйти от него я не могла. <...> Александр Михайлович предлагал мне плату 150 руб. в месяц, но я считала позорным брать деньги за работу. Я делала для Александра Михайловича то, за что невозможно брать плату. Александр Михайлович меня в этом убедил. Он всегда находил излишней “дворянскую шепетильность” в отношении денег и считал, что к денежным вопросам надо относиться проще» [3, с. 142].

А.М. Мерварт убедил женщин признать себя виновными. Т.А. Корвин-Круковскую приговорили к трем годам исправительно-трудовых лагерей, супругов Мерварт – к пяти [2, с. 161]. Реабилитация последовала 20.07.1967 [2, с. 336.].

Талантливая и трудолюбивая Т.А. Корвин-Круковская росла как индолог и, безусловно, внесла свою лепту в наше индологическое этнографическое наследие.

Список источников и литературы

1. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 12.

2. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 13.
3. Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17.
4. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Ед. хр. 5.
5. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 6.
6. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 8.
7. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 5.
8. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1926). Ед. хр. 8.
9. СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1929). Ед. хр. 11.
10. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1925). Ед. хр. 10.
11. СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4, т. 3. Ед. хр. 5274.
12. СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 545.
13. СПбФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 465–469.
14. *Чаттерджи Б.* Саиб пришел. Роман. Л.: Госиздат, 1928 (пер. с бенгальск. яз.).
15. Корвин-Круковская Т.А. // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / ред. Я.В. Васильков, М.Ю. Со рокина. СПб.: Петербургское востоковедение. 2003.
16. *Корвин-Круковская Т.А.* К истории магических и колдовских приемов в Индии // Сборник МАЭ. 1929. Т. 8. С. 196–214.
17. *Мерварт А.М.* Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927.

Ю. Градскова

Сундсваль (Швеция), Университет Средней Швеции

Международная демократическая федерация женщин и архивы советского периода

Архивные материалы по истории советских официальных организаций и их транснациональных связей – важный источник по женской истории, в том числе и особенно переписка между сотрудницами Комитета советских женщин (Москва) и советскими представительницами в Секретариате Международной демократической федерации женщин (МДФЖ) в Париже и Восточном Берлине (после 1951). МДФЖ была одной из крупнейших транснациональных женских организаций периода холодной войны

[2], в заключительные годы этого периода она включала в себя женские организации из более чем 100 стран мира [1]. В то же время организация была известна своими тесными отношениями со странами Восточного блока.

Ее архив, хранящийся в Москве, сохранил протоколы международных конгрессов, проводимых МДФЖ и совещаний ее руководящих органов. Наиболее важными документами для понимания исторической роли этой организации и характера ее деятельности является материалы переписки между сотрудницами, которые, в отличие от официальных материалов, открывают возможность для изучения конфликтов, проблем и разногласий внутри организации. Документы, отложившиеся в избранном архивохранилище, показывают также, что главной задачей советских сотрудниц в Секретариате было исполнение административных предписаний советских властных структур; в условиях работы на международном уровне это означало умение использовать гибкую тактику и показывать дружелюбие. Отдельные личные источники позволяют больше узнать о женщинах-активистках из других стран; понять, какими критериями руководствовалась кадровая политика федерации [3].

Использование материалов архива для изучения гендерной истории предполагает не только анализ фактического содержания документов, но и привлечение контекста событий и внимание к гендерным, социальным и этническим иерархиям советского общества, уже выявленным ранее.

Список источников и литературы

1. Женщины мира. 1975. № 1.
2. *Haan de F.* Continuing Cold War Paradigms in Western Historiography of Transnational Women's Organizations: The Case of the Women's International Democratic Federation (WIDF) // *Women's History Review.* 2010. N 19(4). P. 547–573.
3. *Gradskova, Yulia* (2021). *The Women's International Democratic Federation, the Global South and the Cold War.* London: Routledge, 2021.

1.6. Miscellanea: разнообразные и разнотипные источники, позволяющие реконструировать женскую и гендерную историю

1.6.1. От Средневековья до начала XX в.

Ю.С. Обидина

*Нижний Новгород, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет*

Средневековая мистика как источник по изучению женской идентичности: казус Хильдегарды Бингенской

Хильдегарда Бингенская (1098–1179) была заметной фигурой эпохи Средневековья. Она была творческим и независимым мыслителем, созерцателем и влиятельной женщиной в эпоху господства схоластики, в которой, как традиционно считается, доминировала ориентированная на мужчин церковь. Она посвятила много размышлений познанию мира природы и слывла одаренным целителем. Особо следует отметить влияние ее видений на ее собственную космологию, а также на изыскания более поздних мыслителей. Даже сегодня существуют популярные мистические культы, связанные с Хильдегардой, и можно купить записи музыки, которую она якобы написала. Ее видения доступны нам через несколько рукописей, включающих иллюстрации, которые, как полагают, были сделаны ее собственной рукой.

Около века назад один из основоположников современных исследований в области истории медицины, доктор Ч. Сингер, внимательно изучил рукописи Хильдегарды и высказал предположение, что ее видения, скорее всего, были интерпретацией ауры и зрительных проявлений, связанных с мигренью. Его статья, впервые опубликованная в 1917 г. в первом томе его исследований по истории и методам науки, вызвала множество споров, поскольку она нападала на якобы божественное происхождение видений Хильдегарды. Тем не менее в трудах Хильдегарды мы встречаем незнакомое эпохе схоластическое представление о мире природы, которое вскоре уступит место современному рациональному мышлению.

Хильдегарда Бингенская родилась в 1098 г., в благородной семье, в Бермерсхайме. Предназначенная с раннего возраста для религиозной жизни, она провела почти все свои дни в стенах бенедиктинских монастырей. Хильдегарда получила образование и начала свою карьеру в женском монастыре Дизибоденберга, где она стала настоятельницей. В 1147 году она и некоторые из ее монахинь переехали в новый монастырь в Рупертсберге. В этом уединенном месте Хильдегарда провела основную часть жизни, здесь и умерла в сентябре 1179 г.

Она была женщиной необычайно активного и независимого ума, обладала большой энергией и литературным талантом; ее сочинения охватывают широкий диапазон, описывают самые разнообразные ощущения. Самые интересные из ее работ – это ее книги видений. В них она передавала свой религиозный экстаз, и оба ее мистических сочинения, *Scivias* (написанные между 1141 и 1150 гг.), и *Liber divinorum operum simplicis hominis* (написано между 1163 и 1170 гг.) содержат отрывки настоящей творческой силы и красоты. Менее ценна ее третья мистическая работа (написанная второй по времени), *Liber vitae meritorum* (написана между 1158 и 1162 гг.). Ее труды свидетельствуют о ее повествовательных способностях, а также о способностях к систематическому изложению и знании истории. Ее обширная переписка демонстрирует влияние, которое она оказывала на умы современников, в то время как некоторые другие ее работы дают нам представление о деятельности как настоятельницы бенедиктинского монастыря [3].

Ее биограф, монах Теодорих, оставил записи, согласно которым Хильдегарда также занималась лечением больных и обладала чудодейственной силой исцеления. Несмотря на несомненное знакомство с научными трудами древних авторов и, несмотря на утверждения, что Хильдегарду можно рассматривать как основоположницу средневекового врачевания, нет серьезных доказательств того, что ее лечение выходило за рамки экзорцизма и молитвы. В то же время, медицинская компиляция, приписываемая ей, является интересной реликвией медицины средних веков. Однако доказательства, что Хильдегарда была ее автором, весьма сомнительны.

В любом случае, для своего времени и обстоятельств жизни Хильдегарда обладала весьма активной жизненной позицией, свойственной лишь немногим мужчинам того времени. Она путешествовала далеко на север Германии, хорошо знала местность, в которой жила. Она была в постоянном общении с Майенсом, резиденцией архиепископства, и сохранилась ее обширная переписка со священнослужителями Кельна, Шпейера, Бамберга, Праги, Нюрнберга, Утрехта и многих других городов Германии, Нидерландов и Центральной Европы.

Путешествия Хильдегарды носили религиозный характер. Как и у ее современника, св. Бернарда Клервоского, они были в основном направлены против еретиков и жестоко преследуемых катаров, ереси, широко распространившейся в Рейнских землях XII в. Это время не было эпохой терпимости, но отстаиваемые Хильдегардой менее жестокие взгляды на вероотступничество оказывали влияние на общее мировоззрение эпохи.

Переписка Хильдегарды со св. Бернардом и с четырьмя папами, Евгением III, Анастасием IV, Адрианом IV и Александром III, а также императорами Конрадом и Фридрихом Барбароссой [2], вводит Хильдегарду в общий поток европейской истории и истории Англии через поучительные письма Генриху II и его супруге Элеоноре [4].

Следует также упомянуть роль Хильдегарды в создании особого мистического языка, приписываемого ей. Сам язык вряд ли заслуживает достоинства термина «мистический», но в то же время именно ее труды знаменовали появление целой плеяды женщин-мистиков [1]. К сожалению, у нас недостаточно данных для полноценной биографии Хильдегарды. Большинство свидетельств о ней лишены критического суждения и отмечены назидательным пафосом, что не способствует нашей уверенности в их достоверности.

Было предпринято несколько попыток канонизации Хильдегарды – папами Григорием IX (1237 г.), Иннокентием IV (1243 г.) и Иоанном XXII (1317 г.). Для канонизации требовались чудесные исцеления и другие чудеса, но либо они были недостаточно чудесными, либо недостаточно засвидетельствованными. И лишь в 2012 г. она была канонизирована в лике «Учитель церкви».

Хильдегарда была пламенной пророчицей, но у нее были недостатки (черты реальной женщины из плоти и крови), которые мешали высшим церковным иерархам рассматривать ее как женщину истинно святого ума или жизни. В то же время, о том, насколько велика была ее роль в эпоху средневековья, и насколько она не вписывалась в традиционные представления о месте и роли женщины в средневековом обществе, говорит признание ее заслуг спустя века.

Список источников и литературы

1. «Гимн о святом Духе», «Гимн святой деве Марии», «Секвенция о святом Руперте», «Секвенция об одиннадцати тысячах дев», «Секвенция о святом Максимине», «Песнопение хора девственниц» / пер. С. Аверинцева // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М.: Наука, 1972.

2. *Перну Р.* Хильдегарда Бингенская. М.: Издательство францисканцев, 2014.

3. The Ordo virtutum of Hildegard of Bingen: Critical studies / Ed. Audrey Ekdhahl Davidson. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1992.

4. The personal correspondence of Hildegard of Bingen. Selected letters, with an introduction and commentary by Joseph L. Baird. Oxford: Oxford University Press, 2006.

М.Г. Ракитина

Москва, Музеи Московского Кремля

Лицевой Летописный свод XVI в. как источник по истории интимной жизни средневековых женщин: от супружеской жизни до насилия

Лицевой Летописный свод, созданный по приказанию царя Ивана Васильевича в 1560–1570-х годах, является хорошо известным источником. В десяти сохранившихся томах насчитывается около 16 тыс. миниатюр. Хронологически они охватывают всю вселенскую историю от сотворения мира до правления самого

Ивана Грозного. Его факсимильное издание вышло в 2009 г. [1]. Однако с точки зрения гендерных исследований свод еще не служил предметом научного изучения. Между тем в его миниатюрах содержится масса уникальной невербальной информации, в том числе о женщинах, семейных и интимных отношениях. В некоторых случаях художники (предполагают, что над миниатюрами работала группа не меньше чем из шести мастеров) были вынуждены додумывать и изображать то, что отсутствует в тексте, что делает этот источник особенно ценным. Например, очень интересны изображения княгинь, которые едут верхом в мужском седле.

Прежде всего, надо отметить, что средневековых миниатюристов, работавших над рукописью, отнюдь не смущала необходимость изображения обнаженного тела, мужского или женского, если это необходимо по сюжету. Поэтому в сценах, происходящих в храме Афродиты, представлен обнаженный идол богини. В библейском сюжете «Купание Вирсавии» также вполне логично присутствует обнаженная натура.

Но в том, что касается супружеской жизни, художники очень сдержаны. Обычно супруги показаны мирно лежащими рядом в постели. У женщины голова почти всегда покрыта белым платком. Видимо, порядочная жена не мыслилась с непокрытой головой даже в опочивальне. Если же речь идет о супружеской измене или блуде, то женщина может быть изображена с непокрытой головой, что соответствует ее статусу блудницы или прелюбодейки. Хотя в случае, если блудница является положительным персонажем, может быть и исключение, примером чего является библейская героиня Раав.

Большой интерес представляют и сцены похищения женщин. В европейской живописи «Похищение сабинянок» обычно является очень драматическим сюжетом. Однако похищение сабинянок в Лицевом своде изображено спокойно – римские воины просто ведут девушек за руки. Точно так же изображен сюжет «Геракл отдает троянскую царевну Гесиону Теламону». Видимо, уже одно прикосновение к руке женщины мыслилось как очень близкий интимный контакт.

Что касается насилия, то один из самых интересных сюжетов связан с «Житием князя Владимира». Будучи еще язычником, он после захвата Корсуня приказывает привезти в своей шатер дочь правителя города и насилует ее на глазах ее родителей. Через три дня он приказывает их убить, а не названную по имени княжну отдает одному из своих приближенных. Однако эта сцена тоже изображена очень сдержанно – князь просто сидит рядом с девушкой на ложе и держит ее за руку. Видимо, этот жест был настолько символичен, что дальнейших подробностей зрителю XVI столетия уже не требовалось.

Что касается открытого насилия, то такая сцена встречается всего один раз. В изображениях войн обычно сцены насилия над женщинами отсутствуют. Единственное исключение связано с татаро-монгольским нашествием 1237–1238 гг. Здесь в тексте прямо указано на «порушение жен», и на миниатюре изображен вражеский воин, который уже сорвал со своей жертвы одежду.

Внимательное изучение изображений Лицевого летописного свода открывает нам многие детали представлений того времени об отношениях мужчины и женщины, которые являлись очевидными миниатюристами XVI в., но не известны по другим источникам.

Список источников и литературы

1. Лицевой летописный свод XVI века. М.: АКТЕОН, 2012–2014.

Petru Ciobanu

Chisinau, Roman-Catholic Diocese of Chisinau

Punishment of abortion in some penitential manuals

Although exalted throughout the Middle Ages, motherhood is not only a condition and concern, but can also be a stressful concern and an economic burden. Therefore, we should not be surprised that penitentiary manuals talk frequently about abortion and infanticide.

Abortion is sanctioned by more or less onerous punishments, according to the circumstances and reasons that make it inevitable. Thus, a distinction is made if the abortion is performed before or after forty days of conception, the woman being classified as a *homicida* only in the second case, since then the fetus *anima habet*. Other penitentiaries do not allow for any mitigating circumstances and foresee a single and unique punishment for women who voluntarily have an abortion, regardless of the time of pregnancy [2, p. 368].

Poenitentiale Vinniani establishes penance for the woman who made a poison, after which another woman lost the child, this consisting of half a year of fasting with bread and water, another two years of abstinence from meat and wine and six Lents the same only with bread and water [15, p. 112].

Saint Columban's penitential manual distinguishing between a deadly poison and a love poison, also distinguishes between penances, if as a result the woman lost the child. In the first case, penance consists of three years of fasting with bread and wine, then another three years of abstinence from meat and wine. In the second case, differentiating between the perpetrators, establishes a penance of one year of fasting with bread and water for the monk, half a year of fasting with bread and water for the layman, two for the deacon and three for the priest [6, p. 356]. *Poenitentiale* or *Corrector Burchardi* foresaw that women who consented, counseled, or induced abortion by herbs or other means, „to do penance for three years on legitimate holidays” [1, p. 659].

Poenitentiale Theodori, without indicating the age of the child, writes that the woman who kills him must be subjected to a penance of 15 years, and, if she is poor, the penance be reduced to seven years. We can assume that the manual refers here to children already born, since, true to the conception of the animated and inanimate fetus, it foresees that “the woman who conceived and killed her child within 40 days [from conception], to do penance for a year; if indeed after 40 days, to do penance as a murderer” [12, p. 200].

Poenitentiale Marseburgense foresaw that a mother who kills her child, the age of which is not specified in the manual, will have to undergo a 15-year penance, which can be reduced to 7 years only if the woman is poor [9, p. 407]. *Poenitentiale Hubertense* foresaw a ten-year penance for procured abortion [8, p. 382].

Poenitentiale XXXV Capitulorum foresaw 15 years for killing a child, and in the case of a poor woman the punishment was 6 years. Referring strictly to abortion, the same manual foresees for a period of one year of penance for killing the fetus before 40 days; in the case of abortion after 40 days, penance was foreseen for murderers [16; 507]. *Poenitentiale Pseudo-Gregorii III* refers first to the discipline of the older canons, namely that the woman who kills her conceived child should be received into communion only at the end of life. But out of mercy, this manual prescribes that if the woman consciously does so, she should do penance for ten years, and in the case of a poor woman, the penance should be for seven years. Killing the fetus before 40 days of conception was punishable by penance for murderers [11, p. 542].

Poenitentiale Cummeani, in Chapter III, prescribes for women who have killed their child born or only the one conceived in the womb a penance of ten years [7, p. 473–474]. In Chapter VI, for infanticide, penance was the same as in the manuals discussed above, namely 15 or 7 years in the case of a poor woman. There is also a difference, in the same chapter, between killing the fetus before and after 40 days of conception: in the first case the penance was one year, in the second, three. Also, here we talk about voluntary abortion, a case for which penance was three years with bread and water [7, p. 479]. In Chapter VII, which included abortion in the category of homicide, it provided that if, by poisoning, someone was killed, the murderer should be sentenced to seven years' imprisonment, three of which were with bread and water. If, as a result of the poison, the woman lost her fetus, each, and the one who gave her the poison, and the woman, had to do penance for three years with bread and water [7, p. 480].

Saint Bede the Venerable, in his penitential manual, prescribes for abortion before 40 days a penance of one year, for those after 40 days, a penitentiary period of three years, but with the difference if the deed is committed by a poor woman or of one who wants to hide her crime [4, p. 225]. *Poenitentiale Parisiense* foresaw a three-year penance with bread and water for voluntary abortion [10, p. 415]. *Poenitentiale Bobiense* prescribed for the woman who killed her fetus a penance of 240 days only with bread [5; 408].

The case is being complicated, and penance becomes even more severe if abortion is used to hide the consequences of adultery, peni-

tential manuals, following the teachings of the Council of Ancyra, prescribing a penance for life, with the possibility, out of mercy, to be reduced to ten years. Thus, *Poenitentiale XXXV Capitulum*, in chapter III foresaw that “women who indulged in fornication and killed their child, as well as those who, acting, take out of the womb what they gave birth to, the ancient parents established until at the end of life [to do penance]. But now a more humane ten-year penance is established” [16, p. 507]. *Poenitentiale Cummeani* foresaw a similar period of penance for the same category of women and for the same deed [7, p. 478].

It is noteworthy that these penitentials, unlike the Germanic and Celtic moral traditions, which considered only the act itself, disregarding the reasons that determined it, punished sins considering their psychological reasons. If we refer to the case of abortion and infanticide, the woman who kills her baby to hide the sin of fornication is punished more severely than the one who killed him because of poverty [2, p. 369]. *Poenitentiale Arundel* takes into account two situations when interrupting motherhood: when it is done to hide fornication and when abortion is used “to avoid the death or distress of the child”. The circumstances were different, respectively the punishments were different: in the first case a penance of ten years was foreseen, in the second, of three [3, p. 443].

The same thing is available for *Poenitentiale Valicelliana II* as well. According to this manual, “the woman who willingly killed her child, 15 years [of penance to do, of which] seven with bread and water”, being allowed to eat any other food only on Sundays. In the case of a woman who had an abortion due to poverty, the same manual prescribed seven years of penance [13, p. 356].

This understanding of penitential manuals on the condition of women’s poverty is linked to the memory of the canons of the first Christian centuries and of St. Basil. *Poenitentiale Valicelliana I* clearly indicate that if a woman has killed her fetus because she will not be able to support or feed it, she is not guilty, but she should still be sentenced to three weeks’ imprisonment [14, p. 285].

References

1. Corrector Burchardi // Wasserscheleben W.H. (ed.). Die Bussordnungen der abendländischen Kirche, Halle: 1851. P. 624–682.
2. Manselli R. Vie familiale et éthique sexuelle dans les pénitentiels // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Actes du colloque de Paris (6–8 juin 1974). Rome: École Française de Rome, 1977. P. 363–378.
3. Poenitentiale Arundel // Schmitz H.J. Die Bussbücher und die Bussdiscipline der Kirche. Mainz, 1883. P. 432–465.
4. Poenitentiale Bedae // Wasserscheleben W.H. (ed.). Die Bussordnungen der abendländischen Kirche. Halle, 1851. P. 220–230.
5. Poenitentiale Bobiense // Ibidem. P. 407–412.
6. Poenitentiale Columbani // Ibidem. P. 353–360.
7. Poenitentiale Cummeani // Ibidem. P. 460–493.
8. Poenitentiale Hubertense // Ibidem. P. 377–386.
9. Poenitentiale Merseburgense // Ibidem. P. 387–407.
10. Poenitentiale Parisiense // Ibidem. P. 412–418.
11. Poenitentiale Pseudo-Gregorii III // Ibidem. P. 535–547.
12. Poenitentiale Theodori // Ibidem. P. 182–219.
13. Poenitentiale Valicelliana I // Schmitz H.J. Die Bussbücher und die Bussdiscipline der Kirche. P. 239–342.
14. Poenitentiale Valicelliana II // Ibidem. P. 350–388.
15. Poenitentiale Vinniani // Wasserscheleben W.H. (ed.). Die Bussordnungen der abendländischen Kirche. P. 108–119.
16. Poenitentiale XXXV Capitulum // Ibidem. P. 505–526.

Э.У. Омакаева

*Элиста, Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова*

Литературные и полевые источники о «Принцессе Турандот» Хутулун-Чаха и легендарной ханше Ану-хатун (монголо-ойратские легенды и предания)

В культуре любого народа существуют свои критерии, определяющие идеал женщины, задача состоит именно в том, чтобы проанализировать под этим углом зрения литературные и фольклорные источники. Особое внимание в монголо-ойратских легендах

и преданиях уделено Хутулун-Чахе (ок. 1260–1306) – монгольской принцессе, дочери правителя Хайду [12–13] и матери джунгарского хана Галдан Бошокту Юм-ага и его любимой жене, легендарной ханше Ану-хатун [7]. Это те из немногих женщин, которые навсегда вошли в историю монголов. Каждая из них оставила свой неповторимый яркий след в монгольской истории.

С ними и их близкими родственниками связано немало интересных легенд и преданий, бытующих не только в Монголии, но и среди ойратов Китая. Настоящая статья основана на литературных источниках и полевых материалах, собранных автором в 1993–1994 гг., 2012 г. в СУАР КНР и в 2007–2008 гг., 2013–2016 гг. в Монголии.

Хутулун (Хутулун-Чаха, Хутулун-Чаган), правнучка Угэдэй-хана, праправнучка Чингисхана, отличалась огромной физической силой и высоким ростом, превосходно владела боевыми искусствами. Она была необычной женщиной, как отмечают источники, «вела себя на мужской лад»: принимала участие в походах, а после смерти своего отца хотела сама занять его место. Монголы ее называют Хотол цагаан гүнж ‘Белая принцесса’ (другое ее имя – тюрк. Ай-Ярук, Ажуруг ‘Светлая луна’, монг. Саран гэрэлт).

Легенду о Хутулун упоминают почти все исследователи истории Монгольской империи [1, 2, 5, 9, 14, 15, 17–19]. О Хутулун стало известно благодаря тому, что о ней написали венецианский купец Марко Поло [4, 16], персидский историк Рашид ад-Дин [6] и арабский путешественник Ибн Баттута. Хутулун произвела сильное впечатление на Марко Поло, который отметил, что звали ее по-татарски Ангиарм. А самое главное – Хутулун стала прототипом литературного образа принцессы Турандот. Широко известна пьеса-сказка итальянского драматурга Карло Гоцци «Турандот» (1762), названная так по имени главной героини – китайской принцессы. Действие происходит в Пекине. Сюжет сказки имеет французские корни.

Начало XVIII в. в Европе характеризуется интересом к Востоку. В 1710–1712 гг. во Франции была опубликована книга «Тысяча и один день». Это был изданный в переводе на французский язык сборник персидских сказок, куда вошла «История принца Калафа и Китайской принцессы», написанная востоковедом Франсуа Пети де ла Круа совместно с драматургом Лесажем

под впечатлением работы над биографией Чингисхана. Героиней является девятнадцатилетняя наследница придуманного ими китайского императора. В 1729 г. в Париже была поставлена комическая опера «Китайская принцесса». Интересный сюжет вызвал к жизни драму немецкого поэта Шиллера «Турандот, принцесса китайская», оперу итальянского композитора Пучинни «Турандот». Премьера оперы состоялась 25 апреля 1926 г. в миланском театре Ла Скала.

Постановка «Турандот» на русской сцене в 1922 г. стала визитной карточкой московского театра им. Вахтангова. В память о спектакле около театра установлен фонтан «Принцесса Турандот».

В 2013 г. американская писательница Молли Остертаг создала графический роман «The Wrestler Princess» («Принцесса-борец»), повествующей о жизни и приключениях дочери Хайду. В 2014 г. на экраны вышел американский исторический телесериал «Марко Поло», в основу которого легла «Книга о разнообразии мира» [4]. Поло, как известно, провел в Китае около 20 лет и свои впечатления об увиденном, в том числе о Хутулун, изложил в этой книге. В 2017 г. вышел в свет роман монгольской писательницы Б. Шүүдэрцэцэг «Хотол Цагаан гүнж» [11]. А в 2018 г. в Бурятии была издана ее книга для детей «Принцесса Хутулун» с иллюстрациями художницы Б. Гэрэлцэцэг. В 2018 г. монгольские кинематографисты приступили к работе над историческим художественным фильмом «Princess Khutulun». Премьера фильма состоится в ноябре 2021 г. И сегодня образ Хутулун является источником творческого вдохновения для писателей. Так, в 2019 г. в журнале «Млечный путь» (№ 2) был опубликован рассказ Натальи Резановой «Ангиарм».

В истории монголов Хутулун-Чаха навсегда оставила свой след и как непобедимая женщина-борец. Этот типично мужской вид спорта она безмерно любила. Мать Галдан Бошокту хана известна под именем Юм-ага (госпожа Юм). Речь идет о внучке калмыцкого хана Хо-Орлюка, дочери торгутского Шукур-Дайчин-хана. В девичестве ее звали ага Юм, «принцесса Юм», ведь она была дочь хана, внучка хана. Будучи замужем за джунгарским контайшей Батур-хунтайджи, она именовалась уже Юм-ага «госпожа Юм».

С ней связана удивительная, если не сказать, мистическая легенда. Юм-ага была замужем за контайши Батуром-хунтайджи не один год, но у них не было детей. Это был второй брак Юм-аги. До этого у нее уже был печальный опыт замужества: она стала вдовой, потеряв своего мужа – хошутского аристократа, отважного богатыря и полководца Эрдэни-Батыра, погибшего в сражении с превосходящими силами мусульман Моголистана. Но и в первом браке у Юм-аги детей не было. Молила бурханов Юм-ага только об одном – чтобы дали они ей сыновей. Видимо, услышали бурханы ее молитвы.

Однажды приехал в Джунгарское ханство из Снежной страны – Тибета Инза-хутухту. По легенде, очень стар был Инза-хутухту. Юм-ага обратилась к нему со следующими словами: «У меня нет детей, хотя я каждый день умоляю бурханов подарить мне ребенка. Я слышала, что Вы уже хотите уйти из нашего мира. Помолитесь Будде, чтобы он послал мне сыновей. И обещайте мне, что переродитесь в моем чреве одним из моих сыновей. В благодарность я попрошу моего мужа, великого полководца Батура-хунтайджи, помочь Вам, оказав военную поддержку». Инза-хутухту клятвенно обещал Юм-аге, что в следующем перерождении явится в этот мир в качестве ее сына. Через некоторое время после описываемых событий Юм-ага родила двух сыновей, одного из которых Тибет признал перерожденцем-хубилганом Инза-хутухту. Этот мальчик-хубилган, родившийся в год Мыши (1644 г.), получив прекрасное образование в Тибете, стал правителем Джунгарского ханства и вошел в историю Центральной Азии как одна из самых ключевых фигур.

Любимой женой Галдан Бошокута хана [3] считается Ану, дочь хошутского князя Галдамы (Галдамбы), сына Очирту Цецен хана. Образ Ану-хатун, мужественной и сильной духом женщины, сподвижницы великого хана, сражавшейся с врагами плечом к плечу со своим мужем и отдавшей свою жизнь в Зунмодском сражении, запечатлен в фольклоре (легендах) и литературе [8, 10].

По преданию, перед боем Ану-хатун надела на голову своей любимой лошади оленью маску. Почему именно оленью маску? Видимо, ойраты никогда не забывали, что они являются выходцами из дремучих лесов Забайкалья и в древности, возможно, ез-

дили не только на лошадях, но еще и на оленях. Можно предположить, что олень был их тотемом, объектом религиозного почитания.

Интересно, что в жизни Ану-хатун было немало событий, связанных с миром фауны. Легенда о болезни Ану-хатун, записанная у наших информантов, публикуется впервые:

Однажды Ану-хатун сильно заболела. Лечащие врачи в один голос сказали, что помочь Ану-хатун может только мясо улара – горной индейки. В старину считали, что мясо улара обладает целительной, волшебной силой. Глашатаи обнародовали указ Галдан Бошокту хана: того, кто принесет великому хану птицу улара живьем, ждет щедрая царская награда. Много охотников ушли высоко в горы, надеясь поймать столь желанную индейку. Нелегкое это было дело – охотиться на улара. В высокогорье, в труднодоступных местах гнездилась эта птица. Одному бедному охотнику, бродившему в горах в поисках архаров, случайно повезло. Он увидел улара, каким-то чудом застрявшего в густых зарослях кустарников. Бедный охотник поблагодарил бурханов за посланную удачу, взял драгоценную птицу и стремглав поскакал в ханскую ставку. Но перед дворцом хана бедному охотнику пришлось столкнуться с начальником ханского караула. Начальник стражи сказал, что пропустит удачливого охотника только в том случае, если тот пообещает отдать ему половину ханской награды. Охотник дал такое обещание, так как другой альтернативы у него не было. Галдан Бошокту хан даже не пытался скрыть свою радость, увидев принесенное охотником сокровище – живую горную индейку. «Говори, охотник, какую награду ты хочешь получить от меня», – спросил могущественный владыка. Бедный охотник произнес в ответ: «Пусть Ваши слуги нанесут мне сто ударов боевой нагайкой елдң, в которую вплетены стальные шары. Только при нанесении ударов пусть Ваши слуги громко считают удары».

Сильно удивился Галдан Бошокту хан такой просьбе, но приказ соответствующий отдал. Тихо, осторожно касались спины бедного охотника боевой нагайкой елдң телохранители хана, считая при этом количество нанесенных ударов, точнее, прикосновений. Когда прозвучала цифра «пятьдесят», охотник громко произнес: «Достаточно. Остальную половину ханской награды я

обещал отдать начальнику дворцовой стражи». Только теперь понял Галдан Бошокту хан смысл просьбы бедного охотника и оглушительно расхохотался. Затем раздался тихий, мелодичный смех красавицы Ану-хатун, которая после первого приема лекарства, составленного на основе крови улара, почувствовала себя гораздо лучше и с интересом наблюдала за происходящим. Ану-хатун выздоровела. Мясо улара ей помогло, как и прогнозировали ханские лекари (Архив автора, 1993–1994).

Рассмотренный материал позволяет расширить существующие представления о феминности в культуре монгольских народов. Несмотря на универсальность общечеловеческих представлений о женщине, необходимо глубже изучать различные модели феминности, поскольку огромное влияние на их формирование оказывают этнокультурные и этносоциальные факторы.

Список источников и литературы

1. *Бахтин А.Г.* Женщины и власть в Монгольской империи // *Инновационные технологии управления и права.* 2013. № 1–2 (5–6). С. 102–106.
2. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006.
3. *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука, 1980.
4. *Поло М.* Книга о разнообразии мира. М.: Эксмо. 2006.
5. *Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.; М.: Евразия, 2012.
6. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. Т. 2. С. 13–16.
7. *Ринчен Б.* Ану Хатун // *Этнографические вести.* № 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 64–83.
8. *Ринчен Б.* Ану хатан. Улаанбаатар, 1975.
9. *Россаби М.* Золотой век империи монголов = *Khubilai Khan: his life and times* / пер. с англ. С.В. Иванова. СПб.: Евразия, 2009.
10. *Шүүдэрцэцэг Б.* Домогт Ану хатан. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2010.

11. *Шүүдэрцэцэг Б.* Хотол цагаан гүнж. УБ.: Адмон принтинг ХХК, 2017.
12. *Biran M.* Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Routledge, 2013.
13. *Biran M.* Qutulun: The Warrior Princess of Mongol Central Asia // *Along the Silk Roads in Mongol Eurasia.* University of California Press, 2020. P. 64–82.
14. *Lane G.* Women and the Mongols // *Daily Life in the Mongol Empire.* Westport, CT: Greenwood Press, 2006. P. 227–254.
15. *May, T.* (2016). Commercial Queens: Mongolian Khatuns and the Silk Road 1. *Journal of the Royal Asiatic Society.* N 26. P. 89–106.
16. *Polo Marco.* The Travels of Marco Polo / Translated into English from the text of L.F. Benedetto by Aldo Ricci, with Introduction and Index by E. Denison Ross. London, 1931.
17. *Rossabi M.* Khubilai Khan and the Women in His Family // *From Yuan to Modern China and Mongolia.* Brill, 2014. P. 327–362.
18. *Jackson P.* The dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal.* 1978. 22. №. 3/4. P. 186–244.
19. *Weatherford J.* The Wrestler Princess // *Lapham's Quarterly.* 2010. N 27.

М.М. Красиков

*Харьков, Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

«Стара баба, як холера...». Образ старухи в украинских шуточных песнях

Старость и ее восприятие в различных традиционных культурах – старая тема многих фольклорно-этнографических исследований. В Украине она также рассматривалась этнографами и фольклористами (а также писателями, публицистами, журналистами, экономистами, статистиками) еще в XIX в. В 2015 г. вышел специальный том историко-этнографических исследований, посвященный последнему возрастному периоду жизни человека [2].

Во многих фольклорных жанрах гендерная дифференциация не имеет существенного значения: дед и баба наделяются одинаковыми чертами, а в некоторых случаях вообще предстают как «одна сатана» (по известной поговорке). Однако в шуточных песнях украинцев есть свои нюансы в изображении бабы и деда. Остановимся на восприятии носителями традиции женского варианта старости.

1. Старость и секс – несовместимые понятия. Старость асексуальна. Этот норматив вполне аксиоматический в традиционной украинской культуре. Недаром даже полагалось спать отдельно мужу и жене, когда у них уже появлялись внуки (а это происходило, когда им могло еще не быть и 40 лет [см.: 1, с. 39–41]). О таких людях, уже не живущих половой жизнью, говорили: «Вони уже і руки помили» (мотив ритуальной чистоты тут знаменателен). Не случайно повитухой становилась только женщина, вышедшая из фертильного возраста. Поэтому попытки стариков «тряхнуть стариной», «вспомнить молодость» и, хотя бы словесно затронуть табуированную для них тему, воспринимались в сельском традиционном обществе со смехом, как, например, такой вопрос бабы:

Задумала стара баба// Та й стала питати:

– Чи я буду на тім світі // Ще комусь давати? [3, с. 99]

Старикам полагается «думать о душе», о «том свете», «Царстве Небесном» – и баба действительно думает о «загробном мире», но – весьма нестандартно. Комизм ее вопрошания заключается в том, что она уже и на этом свете не должна даже и думать о том, будет ли она с кем-то вступать в сексуальные отношения, а она, оказывается, еще и на «том свете» втайне надеется «комусь давати».

Нонсенс старческих сексуальных желаний высмеивается и в таком фрагменте одной из записанных нами песен:

Стара ба... Стара баба, як холера,

Іще хо... Іще хоче кавалера. [3, с. 106]

2. Женщина преклонного возраста не должна молодиться. Претензия выглядеть моложе всегда комична, как это ясно из текста песни «Захотіла вража баба...»:

Захотіла вража баба // Молодою бути –

Натикала за намітку // Зеленої рути. [3, с. 107]

Намітка – старинний головний убір замужньої жінки, повністю закриваючий волосся. Натикати за нею зелень неможливо, можна тільки підсунути спереди, створив ілюзію вивісних «кучерей» або свого роду «венка», що в рівній ступені смішно і абсурдно. Це ознака повної «потеряності» в соціально-вікових координатах і наслідок явної деменції.

3. Бізнес-плани – не для старухи. Зміна економічного або соціального статусу для неї неможливо.

В процитованій вище піснї далі поється:

Ой хотіла бабусенька // Та й забагатіти –
Посадила гусаченька // Щоб вивів їй діти
Посадила вража баба // На трьох яйцях гусака,
Сама пішла за ворота // Та й врізала гопака. [3, с. 107]

Абсурдність і невиконаність даного економічного проекту в тому, що дітей виводить не гусак, а гуска. К тому ж, підкладають під неї не 3 яйця, а як мінімум 15. У фантазійному світі жартівної піснї відбувається чудо: гусак висиджує гусят! А далі старість бере своє:

Сидів-сидів гусачок // Та й висидів трое,
Їх погнала вража баба // У чисте поле.
Ой як гнала, // Одне затоптала,
На друге споткнулася, // А на третє впала. [3, с. 107]

Ще більш амбіційні плани у героїні піснї «Говорила баба діду»:

Говорила баба діду: // Я в Америку поїду,
А з Америки в Корею, // Оставайся, дуралею! [3, с. 109]

Однак саме «дуралей» залишається оплотом раціональності і здорового розуму, тоді як його авантюристка і ірраціональна «половина» шукає пригод на свою голову:

Доїхала до Києва // Усі гроші та й виїла,
Доїхала до межі // Залишилася без спідниці. [3, с. 109]

Тільки після серії дорожніх невдач несостоявшаяся американка приходять до висновку про необхідність повернутися «на коло свою»:

Варіть дідам вареники // Та не їдьте в Америку! [3, с. 109]

4. Старость – это немощность. Любая хозяйственная деятельность старухи чревата фиаско.

В песне «І-і-і... І хмариться, туманиться...» перед нами предстает обычная сельская сценка:

Бабусенька куріпочок

В хату закликає. [3, с. 107]

Но дальше происходит то же, что в финале песни «Захотіла вража баба...»:

Поки в хату закликала, // Троє натоптала,

На четверте спотикнулась // Та й сама упала [3, с. 108].

Это далеко не весь спектр рецепций женской старости в украинских шуточных песнях, популярных и ныне в селах восточных и центральных районов Украины, однако проанализированные тексты отображают доминанты со знаком минус образа старухи в традиционном сознании украинского населения данного региона.

Список источников и литературы

1. Краси́ков М. 40 років – кінець життя? (Сорокаріччя у повір'ях та звичаєвості українців) // Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження у 5 т. / [наук. ред. М. Гримич]. Т. 5. Київ, 2015. С. 39–116.

2. Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження у 5 т. / [наук. ред. М. Гримич]. Київ: Дуліби, 2015. Т. 5: Старість. Смерть. Культура вшанування небіжчиків.

3. Українські жартівливі пісні / упоряд., передм., прим. М.М. Краси́кова. Харків: Фоліо, 2004. (Перлини укр. культури).

К.С. Коваль

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

Труды В.В. Розанова как источник по истории «женского вопроса» в России начала XX в.

Начало XX века в России – период переосмысления традиционных ценностей, изменения непоколебимых представлений о

женщине, семье и браке. В результате гендерные проблемы становятся предметом острых дебатов в обществе, особенно среди интеллигенции. Пол приобретает «свободу» не только в теоретических размышлениях, но и в жизни. В данном исследовании рассматривается система взглядов философа В.В. Розанова на проблему «женского вопроса». Сам философ связывал свои сочинения с «сектантской философией» [10]. Во-первых, Розанов не относился к академической среде, а во-вторых, его тексты были написаны на основе личных переживаний и опыта. Отсюда следует, что Розанов был во многом литератором, писателем. З. Гиппиус считала его одним «из гениальных наших писателей» [2], а М. Цветаева писала ему в своем письме: «Я ничего не читала из Ваших книг, кроме “Уединенного”, но смело скажу, что Вы – гениальны» [11].

Так, немаловажной темой в творчестве В.В. Розанова является его целостное отношение к женщине. Она не является основной для автора, но в своих исследованиях, книгах и статьях он неоднократно обсуждал «женский вопрос». А именно: положение женщины в различных сферах общества, отличия от мужчины, поведение и т.д. Актуальность «женского вопроса» остро стояла не только в начале прошлого столетия, но остается и на сегодняшней повестке. Эмансипация вызвала как позитивные, так и негативные изменения, которые претерпели женщины и их поведение в новых общественных условиях. К негативным мы можем отнести утрату семейных ценностей, нежелание женщины соответствовать нравственному идеалу. Однако стоит отметить, что «женский вопрос» нельзя отождествлять с проблемой феминизма, поскольку он включает в себя не только равноправие женщин, а собственно, проблемы взаимоотношений полов, семьи и брака. В связи с этим, целесообразно рассмотреть и изучить философские работы В.В. Розанова, посвященные семье и браку, взаимоотношениям полов и женщине.

Розанов писал: «Семья никогда не делалась у нас предметом философского исследования, оставаясь темой богатого художественного (беллетристического) воспроизведения, поэтического восхищения, наконец, – шуток, пародий и чем дальше – тем больше переходя в пищу последних» [4]. Например, его сборник

статей «В мире неясного и нерешенного» посвящен рассмотрению семьи через призму религиозных догм. В статье «Семья как религия» он предлагает «дать почувствовать семью как ступень поднятия к Богу» [9]. Содержание сборника «Религия и культура» вполне соответствует названию. Розанов в нем раскрывает понятие «культура» не только как искусство, но и как мир, созданный человеком. В двухтомнике «Семейный вопрос в России» четко обозначаются проблемы семьи, но в отличие от сборника «В мире неясного и нерешенного» автор фокусируется в основном на практических вопросах брака.

По Розанову, пол человека связан с Богом намного больше, чем ум или совесть: «Связь пола с Богом – большая, чем связь ума с Богом, чем даже связь совести с Богом» [8, с. 119]. В его текстах неоднократно прослеживается идея защиты и ответственности семьи, а также религиозное обоснование брака, основанного на христианской культуре. К теме «женского вопроса» у Розанова относятся такие произведения, как: «Религия и культура» (1899), «В мире неясного и нерешенного» (1901), «Семейный вопрос в России» (1903), «Около стен церковных» (1906), «Темный лик» (1911), «Люди лунного света» (1911), «Опавшие листья» (1913–1915).

В.В. Розанов выступает против сведения пола к чисто животной функции и животному наследию человека. Пол человека – не есть чисто животная и биологическая функция, «это есть специфически жизненное, живое явление, объемлющее решительно всю живую природу, тогда как все другие явления в ней частичны и местны: кровообращения нет у насекомых» [7]. Поскольку Розанов философствует сквозь призму христианства, нельзя не отметить его высказывание: «Нет чувства пола – нет чувства Бога» [3, с. 334]. Таким образом, автор приходит к выводу, что каждый человек индивидуален с точки зрения пола, наделен определенными качествами и атрибутами (гендерными ролями). Именно Бог, по его мнению, предопределяет половую принадлежность [10]. Так, для Розанова человек является личностью лишь постольку, поскольку он следует своему гендеру. Утрата или отказ от гендерной идентичности не только противоестественны, но и лишают человека индивидуальности.

Гендерные роли могут полностью раскрыться, по мнению Розанова, только в семье, поскольку именно через деторождение человек становится угоден Богу. Несмотря на довольно консервативно-патриархальные взгляды автора, в своем труде «Религия и культура» [7] В.В. Розанов высказался в поддержку женщин, которые стремились получать образование и развиваться. Ведь по его мнению, неважно мужчина или женщина, человек должен быть счастливым, и в этом ему может помочь его образование, поддержка семьи, его отношения с духовным миром и творчеством, созерцание общественной жизни и т.д. Таким образом, философ не осуждает стремление женщин быть счастливыми, тем самым подчеркивая, что женщина превращается не только в жену, но и друга для мужчины. Хотя в новых условиях женщина и приобретает мужские черты, но и не теряет своей привлекательности. Так, Розанов считал, что как женщина нуждается в мужчине, так и мужчина в женщине в равной степени.

В.В. Розанов с горечью сетовал, что в мире доминировала мужская половина и «в идеях, в созерцании мужском женщина спустилась до малозначительности прислуги», оттого и сам институт брака «всех начинает тяготить», а «счастливых семей... еще гораздо меньше, чем думают». Проблема института семьи заключается, в первую очередь, в отсутствии уважения к женщине. Перед женщиной, считал Розанов, стоит «задача переработать нашу цивилизацию, приблизить ее к своему типу» [1]. Исходя из розановской философии, женщина должна сохранить свое «начало», быть естественной, но в то же время развиваться и учиться, быть современной не только на благо себе, но и будущему поколению, Отечеству.

В своей статье «Женский университет в Москве», опубликованной 16 апреля 1906 г. в газете «Новое время», он пишет: «Стране нужны не одни Ломоносовы: стране более, чем Ломоносов, нужно просто образованное общество, читающая и размышляющая масса, деятельные и знающие члены; наконец, стране в высшей степени нужны мягкие нравы, деликатные привычки, человеческие взгляды по всем направлениям и во всех областях. Нет более надежного и более ревностного распространителя вообще

всякого рода нововведений, чем женщины, – чего бы дело ни коснулось» [6]. Россия же в размышлениях Розанова есть олицетворение женского природного начала. Женское начало всегда сильнее мужского и речь идет не о физической силе, а о силе проникновения, силе милосердия, мудрости и глубокого понимания.

Конечно, оценивать слова и выводы В.В. Розанова можно по-разному. Одни критикуют его за консерватизм, а другие за далеко не прогрессивное отношение к женщине. Однако в его трудах женщина очень часто ставится на первый план, ей отдается порой самая важная роль, она олицетворяет и нашу страну. Безусловно, наследие философа В.В. Розанова, интерес к работам которого вновь возродился в российском обществе, требует дальнейшего осмысления и изучения как исторического источника.

Список источников литературы

1. *Безубцев-Кондаков А.Е.* Три героя Василия Розанова // Урал. 2009. № 3. С. 225–246.
2. *Гиппиус З.Н.* Задумчивый странник. О Розанове // Забытая книга. М.: Художественная литература, 1991. С. 314–360.
3. *Николюкин А.Н.* Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001.
4. *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России. М., 2004.
5. *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. М., 1995.
6. *Розанов В.В.* Женский университет в Москве // Новое Время. 1906. 16 апр. № 10807.
7. *Розанов В.В.* Религия и культура. М., 1990. Т. 1.
8. *Розанов В.В.* Уединенное. СПб., 1922.
9. *Розанов В.В.* Семья как религия // Электронная публикация: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1901_semya_kak_religia.shtml.
10. *Титикина А.А., Желтикова И.В.* Феминизм и антифеминизм в размышлениях русских философов // Вопросы философии, политологии и социальной антропологии (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева). 2017. № 2 (2).
11. *Цветяева М.* Письма. Ч. 1. URL: <https://www.libfox.ru/139656-147-marina-tsvetaeva-pisma-chast-1.html>

**Листовки женских организаций из коллекции
ЦСПИ ГПИБ как источник по истории
женского движения в России**

Листовки как исторический источник до сих пор не оценены исследователями женского движения в России. Так, они даже не упоминаются в обширной и обстоятельной статье О.А. Хасбулатовой и Н.Б. Гафизовой [9].

Предметом нашего рассмотрения являются листовки женских организаций, входящие в состав коллекции, хранящейся в Отделе специальных коллекций ЦСПИ ГПИБ России. Они могут быть разделены на две части по хронологическому принципу.

В первую, относящуюся к периоду революции 1905–1907 гг. и выборов в первую и вторую Государственные думы, входят листовки Всероссийского союза равноправия женщин, Женской прогрессивной партии [подробнее об этих организациях см.: 3, 7], Союза женских прогрессивных организаций, Женского союза правового порядка.

Среди листовок Союза равноправия женщин имеются как информационные, так и агитационные. К первым относятся программа второго съезда Союза с объяснением порядка выбора делегатов, рассылавшаяся в местные организации Союза; «Бюллетень № 3 Второго всероссийского делегатского съезда Союза женского равноправия», проходившего 8–10 октября 1905 г. в Москве; информационный листок о «седьмом районном собрании Петербургской стороны», на котором должно было, в частности, происходить «выяснение полномочий общих собраний и Центрального бюро Петербургского отделения Союза женского равноправия»; информационный листок об истории образования Союза и решениях его Первого, учредительного, и Второго съездов; Устав Общества равноправия женщин в г. Вильне; Устав Союза; Платформа Союза.

Ко вторым – обращение «женщин России» к членам Государственной думы с требованием «равных с мужчинами политиче-

ских прав»; обращение к крестьянам-избирателям в Государственную думу с призывом выбрать тех, кто «стоит за всеобщее избирательное право без различия национальности, религии и пола»; обращение Московского комитета Союза к «гражданам-избирателям» с призывом голосовать за те партии, «которые в понятие “народ” включают и женщину»; «Обращение к крестьянам от крестьянок членов Союза равноправности женщин» с призывом «уделить внимание положению женщины-крестьянки», для которой желательно, «чтобы женщины получили наравне с мужчинами избирательные права, ...чтобы крестьянки получили наравне с крестьянами душевой надел, ... чтобы девочки получали в деревнях такое же образование, как и мальчики»; «Письмо за границу», в котором описываются ужасы «страшного небывалого в России произвола власти»; обращение к «женщинам России» с призывом «оказать посильную помощь в предвыборной работе передовым борцам».

Необходимость бороться в этом обращении обосновывается тем, что женщины России несут на себе «крест двойного рабства»: они «рабыни как дочери бесправной страны, и рабыни как женщины». «Полное освобождение России принесет свободу и женщинам! Без освобождения женщины невозможна полная политическая свободы страны». Поэтому «сознательные женщины ... не станут поддерживать те партии, которые отказывают им в человеческих правах», а будут бороться заодно с левыми партиями, которые «признали в своих программах равноправие женщин» [4].

Женский союз правового порядка, образовавшийся при одноименной партии, призывал женщин объединиться в союз, в котором «много смогут они сделать сообща для успокоения разгоряченных умов, да и о своих нуждах и делах попутно сообща переговорить смогут» [8]. Нетрудно заметить, что Союз равноправия женщин выставляет отношение к равенству прав женщин и мужчин в качестве критерия прогрессивности политических партий, в то время как для Женского правового союза важнее всего поиск путей к умиротворению, «попутно» с которым женщины смогут обсудить свои дела.

Листовки Женской прогрессивной партии (Воззвание к избирателям в Государственную думу, Обращение к членам Государственной думы) призывают к признанию «за женщинами равных

с мужчинами активных и пассивных избирательных прав в Государственную думу и в местные самоуправления».

Во вторую группу входят различные листовые материалы и плакаты женских организаций 1917 г., связанные преимущественно с предвыборной кампанией в Учредительное собрание и органы местного самоуправления.

Среди них – листовки и плакаты с призывом голосовать на выборах в Учредительное собрание за список кандидатов от Всероссийской лиги равноправия женщин с лозунгом: «Если вы хотите, чтобы вы и ваши дети не росли без призора и старики не умирали на улице – посылайте женщин в Учредительное собрание» [5]; листовки с призывом голосовать за список кандидатов от Лиги на выборах в Василеостровскую районную думу; список кандидатов от Лиги в гласные Василеостровской районной думы; обращение к «гражданкам» с призывом принять участие в работе Женского политического клуба, организаторы которого стремятся к тому, чтобы «разбудить женщину и по мере сил помочь ей разобраться в сложных вопросах нашей действительности» [6].

В коллекции также имеются листовки российской Лиги равноправия женщин, отражающие борьбу за предоставление женщинам избирательного права [подробнее об этой борьбе см.: 3, 7], в которых подчеркивается, что без отмены «ограничений касательно женщин» «не может быть полного обновления России» [2] и что «только борьба самих женщин за права человека и гражданина даст им возможность участвовать в Учредительном собрании для защиты своих интересов» [1].

Представляется, что использование охарактеризованных листовых материалов будет полезно для исследования истории участия женских организаций в борьбе за равноправие женщин в России.

Список источников и литературы

1. Воззвание от объединенных женщин при Российской лиге равноправия женщин (Отдел специальных коллекций ЦСПИ ГПИБ России. Далее: ОСК ЦСПИ).
2. Воззвание российской лиги равноправия женщин (ОСК ЦСПИ).

3. *Ворошилова С.В.* Женские общественные организации начала XX века и борьба женщин за гражданские права. URL: <http://www.sdwomen.ru/history/24-jenskie-obschestvennyh-organizacii.html> (дата обращения 30.04.2021)

4. Всероссийский союз равноправия женщин. Женщины России!... (ОСК ЦСПИ).

5. Граждане и гражданки! Всероссийская лига равноправия женщин, желая... (ОСК ЦСПИ).

6. Гражданки! Наша родина находится на грани новой жизни... (ОСК ЦСПИ).

7. *Патрикеева О.А.* Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-organizatsii-rossii-nachala-hh-v-borba-za-politicheskoe-ravnopravie> (дата обращения: 30.04.2021).

8. Русские женщины! Вы были всегда честными и разумными детьми своей родины... (ОСК ЦСПИ).

9. *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Исторические источники по проблеме формирования и развития российского женского движения, его взаимодействия с международными женскими организациями во второй половине XIX – начале XX века // Женщина в российском обществе. 2000. № 2. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sr_formir_femin/~sr_formir_femin.htm (дата обращения: 30.04.2021)

А.А. Сорокин

Нижний Новгород, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**Дискуссии о женском избирательном праве в земском самоуправлении в России на рубеже XIX–XX вв.:
источниковедческий аспект**

Вопрос об избирательных правах женщин в органы местного самоуправления Российской империи на рубеже XIX–XX вв. относится к числу малоизученных. В этой связи в данном исследо-

вании предпринята попытка выделить основные группы источников, содержащие сведения по проблеме женского избирательного права, и дать их характеристику.

Выборные институты земского самоуправления в России (уездные и губернские земские собрания и управы) были учреждены в ходе земской реформы 1 января 1864 г. Женщины могли уполномочить участвовать в выборах своих родственников и иных доверенных лиц. Эти же лица могли и представлять их интересы в земском собрании в случае избрания [1]. Таким образом, женщины не имели возможности лично избирать и быть избранными.

В дальнейшем вопрос о реформе земского самоуправления и изменении порядка выборов в них был одним из наиболее обсуждаемых на рубеже XIX–XX вв. Частным случаем этих дискуссий была и проблема женского избирательного права. Ее обсуждение было затронуто в целом ряде источников, которые можно условно разделить на три группы (с делением некоторых на подгруппы).

Первую группу таких источников составляют *земские инициативы*. Ее выделение обуславливается тем, что на протяжении периода 1890–1904 гг. власти не передавали вопрос о женском избирательном праве в земском самоуправлении на рассмотрение государственных органов.

Эту группу составляют следующие виды источников. Во-первых, это *материалы официального делопроизводства земских собраний*. В частности, в 1903 г. Нижегородское губернское земское собрание большинством голосов постановило, что желательно допустить женщин к личному участию в избирательных собраниях и съездах, а также предоставить им пассивное избирательное право при выборах в земские собрания и для занятия земских должностей по выборам [14, с. 44–45]. Вопрос этот являлся дискуссионным, поскольку в Калужской губернии Малоярославецкое уездное земское собрание также выступило за предоставление женщинам избирательных прав, однако губернским земским собранием это предложение было отклонено [15, с. 8]. В 1905 г. постановлением Нижегородского губернского земского собрания было решено поддержать ходатайства Арзамасского

уездного земского собрания и Русского женского взаимно-благотворительного общества о предоставлении женщинам избирательных прав в земстве [14, с. 47].

Во-вторых, это *материалы земских съездов*. На общеземском съезде, проходившем в ноябре 1904 г. в Санкт-Петербурге, оргбюро предложило реформу земского представительства. Для части земцев был актуален вопрос и о женских избирательных правах. С точки зрения П.Ф. Коропачинского, следовало особо отметить предоставление женщинам непосредственных избирательных прав на выборах в земские собрания [4, с. 96].

В-третьих, это *журналы местных комитетов Особого Сопреждения о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. В частности, в Московской губернии в ходе дискуссии на заседании Клинского уездного комитета председатель местной земской управы А.А. Аверкиев заявил, что стоит «держаться существующего порядка» и отказаться от вовлечения женщин в земские выборные органы. Его поддерживал землевладелец Ф.Г. Хаджи-Маркаров («место женщины у домашнего очага, а не в общественных делах»). Напротив, член общества сельского хозяйства А.В. Филатова приводила опыт Германии и США, которые отказались «от этого консервативного взгляда» [16, с. 381].

В-четвертых, это *программные требования либеральных политических партий* начала XX в. Так, в выдвинутых к началу 1906 г. программах партии демократических реформ и партии мирного обновления, в составе которых было значительное количество земцев, содержалось требование проведения выборов в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования без ограничения избирательного права по гендерному, национальному и конфессиональному признакам [7, с. 22, 67].

Вторую группу составляют *крестьянские инициативы*. Они были сформированы в рамках так называемого приговорного движения и адресованы в Совет министров в 1905 г. В частности, в приговоре с. Салькина и д. Хмелинца (Елецкий уезд Орловской губернии) в Совет министров в 1905 г. было требование сделать выборы в земство всеобщими, прямыми, равными и тайными и предоставить избирательное право всем лицам в возрасте от 21 года [6]. Такую же организацию выборов предлагали и крестьяне

Ямбургского, Петергофского и Царскосельского уездов Санкт-Петербургской губернии, д. Пертово (Муромский уезд Владимирской губернии), с. Досугово (Краснинский уезд Смоленской губернии), с. Федотьево (Спасский уезд Рязанской губернии), д. Максимово (Волоколамский уезд Московской губернии) [5; 8; 9, с. 116, 122, 126–127, 139].

Третью группу источников составляют материалы официального делопроизводства государственных учреждений в период рассмотрения стольпинских проектов реформ местного самоуправления. Дебаты о женском избирательном праве наиболее ярко проявились при обсуждении проекта реформы волостного управления (в редакции Государственной Думы – волостного земского самоуправления). В этой группе можно также выделить несколько видов. Во-первых, это *материалы делопроизводства Совета по делам местного хозяйства*, который редактировал проект перед внесением в Думу. 21 марта 1908 г. в нем возможность предоставления хотя бы активного избирательного права была отвергнута большинством голосов против трех. Представлявший в Совете министерство внутренних дел управляющий Земским отделом Я.Я. Литвинов заявлял, что непосредственное участие женщин в обсуждении важнейших вопросов наряду с мужчинами «противоречит всем бытовым условиям и традициям деревни», хотя были и противники его позиции [11, л. 9 об.; 12, л. 47].

Во-вторых, это *материалы делопроизводства III Государственной Думы*. В ней проект реформы сначала рассматривался в комиссии по местному самоуправлению, которая выступила за предоставление женщинам активного избирательного права наравне с мужчинами [10, л. 58 об.–59]. В общем собрании такая позиция нашла поддержку у кадет, прогрессистов, трудовиков, части октябристов и неприятие в среде националистов [2, 1980, 2124, 2250, 2266; 3, стб. 1351].

В-третьих, это *материалы делопроизводства Государственного Совета*, принявшего решение допускать женщин к участию в выборах лишь через представителей [13, л. 176].

Введение материалов указанных нами групп источников в научный оборот будет способствовать представлению сущности, направлений и итогов дискуссий об избирательных правах

женщин в общественно-политической жизни России рубежа XIX–XX вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ в рамках научного проекта № МК-2631.2021.2 «Институт земских выборов в общественно-политическом дискурсе Российской империи на рубеже XIX–XX вв.»

Список источников и литературы

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXIX. Ч. 1. № 40457.
2. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. II.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия IV. СПб., 1911. Ч. III.
4. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001.
5. Новая жизнь. 1905. 18 ноября.
6. Орловский вестник. 1905. 29 ноября.
7. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
8. Право. 1905. 24 декабря.
9. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сборник документов / под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3512.
11. РГИА. Ф. 1288. Оп. 1. 1908. Д. 17.
12. РГИА. Ф. 1288. Оп. 1. 1908. Д. 18.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. 1908. Д. 13.
14. Сборник постановлений Нижегородского губернского земского собрания. Т. 4: 1900–1910. Нижний Новгород, 1914.
15. Свод постановлений Калужского губернского земского собрания за 40 лет со 2 декабря 1865 года по 23 марта 1905 года / сост. А. Журавлев. Калуга, 1907.
16. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII: Московская губерния. СПб., 1903.

1.6.2. Источники по женской истории советского и постсоветского периодов

М.В. Васеха

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Агитационные изображения на страницах сибирского женского журнала «Красная сибирячка» как исторический источник

После революционных событий 1917 г. молодая советская власть начала создавать корпус массовых периодических изданий, обслуживающих новую идеологию. Для реализации политики женского «раскрепощения» в 1920-е годы было решено выпускать специализированную женскую периодику, ориентированную на различные целевые аудитории женщин. Изначально был положен принцип социальной стратификации – для женщин, вовлеченных в советские общественные отношения – журнал «Коммунистка» (1920–1930 гг.), для работниц – «Работница», «Крестьянка» – для крестьянок и журнал «Батрачка» (1925–1929 гг.) для соответствующей категории населения. Понимая, что работница в Москве и работница за Уралом – это женщины, живущие в разные реалиях и с совершенно разными культурно-познавательными запросами, советские культуртрегеры параллельно запустили локальные проекты женских изданий «на местах».

Так, в Ленинграде и Симбирске начали выпускать издания с названием «Работница и крестьянка», в Туле – «Красную тулячку», в Ростове-на-Дону – «Труженицу Северного Кавказа», в том числе был налажен выпуск женской периодики в республиках на национальных языках. Однако, пожалуй, самым успешным региональным проектом мы можем назвать журнал «Красная сибирячка», выпускавшийся в период с 1922 по 1939 г. в г. Новониколаевске (с 1926 г. – Новосибирске). Утверждать это позволяет тот факт, что это региональное издание, в отличие от остальных женских «местных» газет и журналов, выходило регулярно и весьма продолжительный период, активно развивалось и подстраивалось под новые нужды и задачи непростого времени.

В отличие от многих региональных изданий, которые часто перепечатавали программные статьи центральных журналов и публиковали письма читательниц, «Красная сибирячка» активно привлекала к работе сибирских литераторов, поэтов, художников. У журнала всегда были оригинальные тематические обложки и иллюстрации к программным статьям, стихам, рассказам, зарисовкам, карикатуры и прочие изображения, выполненные сибирскими художниками.

У истоков создания «Красной сибирячки» стояла Екатерина Львовна Фаерман, участвовавшая в установлении советской власти в Минусинске, где даже была избрана членом исполкома, а позже заведовала Сибженотделом на начальном этапе его становления. Позже редактором журнала «Красная сибирячка» стала Муза Яковлевна Дмитриева. Она специально приехала в Сибирь еще в начале 1922 г. по распоряжению ЦК РКП (б) для организации в Томске работы среди женщин. Однако уже в 1938 г. Дмитриева попала в список 2-ой категории лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР [2]. А в 1939 г. деятельность журнала прекратилась.

Привнесение настоящего локального колорита: органичное использование в текстах диалектических сибирских слов, знание особенностей сибирских обычаев и социального контекста – делает контент «Красной сибирячки» уникальным историческим источником. Несмотря на то, что журнал являлся органом пропаганды с соответствующими целями и очевидно цензурированным изданием, мы как историки можем увидеть в нем огромный потенциал в изучении не только «моделируемой» новой женщины и новых советских паттернов поведения, но и тех реальных явлений, поведенческих стратегий, традиций и проч., с которыми «боролась» ранние советские культуртрегеры. Использование критической оптики позволяет разглядеть сквозь слои пропаганды и обязательных советских шаблонов элементы настоящей исторической картины жизни женщин различных социальных слоев в Сибири.

Свой доклад автор планирует посвятить визуальному контенту популярного женского журнала «Красная сибирячка» – незамысловатым, часто не очень профессионально выполненным, в чем-

то наивным изображениям жизни в сибирской глубинке. Если текстовая составляющая «Красной сибирячки» сразу же привлекает внимание и уже становилась предметом анализа историков [1], то визуальный ряд до сих пор оставался не задействованным в исторических штудиях. При анализе изображений у историка сразу возникают вопросы: почему художник решил изобразить именно эти сюжеты, какие отличительные черты придаются для визуального узнавания женщин из разных слоев общества – крестьянок, работниц, батрачек, делегатов и проч., в чем символический смысл того, что одни женщины выше – другие ниже ростом и проч. Будет также сделана попытка обратиться к методам искусствоведения и попытаться проанализировать выбор художественных средств для изображения того или иного сюжета, выявить аллюзии на известные произведения искусства, использованные сибирскими художниками для усиления художественного впечатления при передаче сюжетов на сибирские темы.

Поддержано планом НИР ИЭА РАН и грантом РФФИ 19-09-00191.

Список источников и литературы

1. *Васеха М.В.* Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 416. Л. 175.

А.А. Казанчян

Рязань, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Образ женщины в памятниках Великой Отечественной войны Рязанской области

Одной из важнейших составных частей историко-культурного наследия, формирующие социальную память в обществе явля-

ются памятники. Они своим величием дают эмоциональный заряд, внушают уважение к истории страны. Академик Д.С. Лихачев писал: «Они прививают человеку любовь к родине и к человечеству, забота о прошлом есть одновременно и забота о будущем. Это воспитывает в людях высшую форму социальности» [3, с. 9]. Можно согласиться с А.В. Стрельниковой в ее утверждении о том, что образы, воплощенные в памятниках, подразумевают социально-коммуникативный характер их восприятия [5, с. 97].

Памятники выступают прямыми механизмами воздействия на общественное сознание. Они поднимают эмоциональное состояние, пробуждают чувства патриотизма, учат не забывать о прошлом, ценить свое настоящее и думать о будущем. Это достигается благодаря увековечивающим память надписям, перечисленным на памятниках именам и фамилиям участников тех страшных и героических событий, через неповторимое разнообразие форм памятников.

Анализ женских образов, запечатленных в памятниках, посвященных Великой Отечественной войне, позволяет понять, какую роль отводит общество женщине в этот страшный период истории нашей страны. Женские образы пропитаны не только прославлением победы, призывом к защите Родины, но и болью, скорбью по павшим защитникам Отечества, горечью потерь, материнской любовью [1].

В Рязанской области немало городов, сел и деревень, где память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. увековечена в мемориалах, на которых изображены женские образы, олицетворяющие тот неопределимый вклад, который женщины внесли в дело спасения своего народа.

Важным аспектом данной работы является то, что в ней рассматриваются не широко известные монументы, находящиеся в крупных городах, а памятники, установленные именно в селах и небольших населенных пунктах, ведь оттуда тоже люди уходили на фронт, сражались за Родину, погибали. В установке памятников в сельской местности отражается то, что процесс формирования общественного сознания в глубинках происходит несколько иначе, чем в городской среде. Ведь на селе менее развита инфра-

структура, меньше механизмов и способов воздействия на общественное сознание. Также изучение женских образов в памятниках позволяет проанализировать роль женщины в глубинке.

Главной тенденцией военной монументальной скульптуры с 1960-х годов в городах СССР было возведение памятников солдату с автоматом как символу героизма, военного триумфа. Начиная с середины 1970-х годов, акценты перемещаются от прославления победы к образам трагедии и страданий, которые война принесла народу [1]. Воинские скульптурные композиции дополняются фигурой женщины, провожающей мужа или сына на фронт, скорбящей по погибшим воинам, появляются фигуры женщин с младенцами на руках, олицетворяющие продолжение жизни после войны.

Так как Рязанская область в годы Великой Отечественной войны находилась в зоне прифронтовых действий, на ее территории можно встретить немало мемориалов с образом женщины в разных формах, эмоциональных окрасах, несущих свой смысл.

Лик матери, скорбящей по сыну, можно увидеть на памятнике, установленном в 1979 г. в с. Новоеголдаево Ряжского района [2]. На нем присутствует барельеф скорбящей женщины, орден Отечественной войны и увековечены фамилии погибших односельчан.

В Михайловском районе сооружен архитектурный комплекс «Никто не забыт, ничто не забыто», на мемориальных досках которого значатся имена более 400 горожан, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины. Также на нем высечен барельеф, на котором изображена женщина, провожающая мужа и сына на фронт.

Образ скорбящей женщины выложен в мозаичной технике на мемориале «Вечный огонь» в г. Скопин. Памятник, установленный в 1995 г., представляет собой сооружение из трех плоских мемориальных камней со скульптурным рельефом на тему войны.

В районах Рязанской области образы женщин на мемориалах представлены в основном в форме скульптур. В мемориалах находит свое отражение такая характерная особенность феномена исторической памяти, как изобразительность, то есть акцент

на определенных исторических реалиях при игнорировании других [4, с. 98]. Увековечивание памяти об историческом событии осуществляется не только с помощью памятных досок на монументах с перечнем фамилий, но и посредством художественного замысла автора.

Образы скорбящих женщин также находим в Рыбновском, Старожиловском, Шиловском районах. Скульптура «Скорбящая мать» установлена на мемориале в д. Ершово Старожиловского района. Образ с подобным эмоциональным окрасом представлен в Шиловском районе. Центральная фигура мемориала – скульптура женщины, которая опустив голову, прижав руку к сердцу, скорбит по погибшим. Горечью потерь и особой тревогой отзывается памятник в Рыбновском районе. Помимо скульптурной композиции скорбящей женщины на мемориале высечены изображения девушек, которые провожают мужчин на войну. На памятнике в Ряжске представлен образ нежной, любящей женщины, прижавшейся к груди солдата, как олицетворение эмоциональных переживаний за судьбу народа.

Нельзя не заметить памятники, которые несут торжественный посыл радости победы, говорящие о продолжении жизни после войны. В п. Александро-Невский установлен мемориал погибшим землякам в период Великой Отечественной, главной скульптурной композицией которого является женщина с младенцем на руках. В отличие от скорбящих образов, у данной скульптуры поднята голова, взгляд направлен вперед, а руки нежно и уверенно держат ребенка как символа новой жизни. В п. Лесное Шиловского района скульптурный ансамбль солдата, женщины и ребенка несет идею сплоченности народа, важности семейных ценностей, радости победы и продолжения жизни.

В п. Искра Рязанского района в 1985 г. установлен мемориал воинам-землякам, погибшим в годы ВОВ. Центральная часть его представляет собой стелу высотой 15 м, на вершине которой установлена женская фигура богини победы Ники.

Таким образом, наблюдая подобные памятники и анализируя их, можно понять, как ценился женский образ в советской идеологии и что он символизировал. Памятники представляют разные образы женщин – скорбящую мать, провожающую мужа или

сына на фронт, фигуры женщин с младенцами на руках, олицетворяющие продолжение жизни после войны и радость победы.

Список источников и литературы

1. *Кечин О.* Женские лики и фигуры на памятниках, посвящённых Великой Отечественной войне. URL: <https://www.kraskom-pas.ru/nash-gorod/zhenskie-obrazy-goroda/item/1341-3-zhenskie-lik-i-figury-na-pamyatnikakh-posvyashchjonnykh-velikoj-otechestvennoj-vojne.html> (дата обращения: 26.04.2021).

2. Книга учета памятников истории и культуры Рязского района. // Из фондов Рязского краеведческого музея. Б.г., б.м.

3. *Лихачев Д.С.* Восстановление памятников культуры: проблемы реставрации. М.: Искусство, 1981.

4. *Смирнова Т.А.* Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярославский Педагогический Вестник. 2011. № 4. С. 98–101.

5. Стрельникова А.В. Необычные памятники как объект визуального пространства // Соц. исследования. 2013. № 4. С. 95–99.

А.А. Хисамутдинов

*Владивосток, Центральная научная библиотека
Дальневосточного отделения РАН*

«Современная женщина» – русский журнал в Шанхае

Издавна в России печатались женские журналы. Поэтому неудивительно, что русские эмигранты в изгнании продолжили эту практику. Несмотря на большие сложности, они с успехом занимались этим делом даже в Китае. К сожалению, об этом известно очень мало, так как этих изданий почти не сохранились. Правда, имеются хорошие коллекции в библиотеке Гуверовского института войны революции и мира (*Library of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace* в Стэнфорде), в библиотеке Музея русской культуры в Сан-Франциско и Русской северо-восточной Азиатской коллекции библиотеки Гавайского университета

(*Russian Northeast Asia collection of the Library of University of Hawaii*), комплектованием которой много лет занимается американский библиограф, специалист по русской книжной продукции Патриция Полански (*Patricia Polansky*) [2]. Она и любезно поделилась материалами для написания настоящего доклада.

Гражданская война закончилась в ноябре 1922 г. Одни женщины перешли русско-китайскую границу и осели в Харбине, а другие отправились на кораблях Сибирской флотилии в Шанхай, в котором было немало иностранных концессий. Русские эмигранты быстро адаптировались в незнакомой среде, другим повезло меньше. Особенно трудно было русским женщинам, на плечи которых легли обязанности по содержанию семьи и воспитанию детей. Увы, некоторые мужчины, помня кровопролитную Гражданскую войну, опускались, находя успокоение в алкоголе. Женщинам было труднее всего, но они выдержали и это испытание. Хотя были нередки и случаи занятия проституцией или даже продажа женщин в притоны.

Русские общественные организации отлично понимали все проблемы соотечественников, широко была развита благотворительность, и с успехом действовали русские женские общественные организации в Китае. Их деятели очень хорошо понимали важность женских периодических изданий. Особенно популярным был журнал «Современная женщина» (*The Modern Woman*), который был зарегистрирован в Шанхайской муниципальной полиции (*Shanghai Municipal Police*) 16 августа 1937 г. с предполагаемым тиражом в 1000 экземпляров [4, Reel 68].

Формальным владельцем и издателем был Виктор Александрович Васильев (род. 11 мая 1903 г. во Владивостоке) [4, Reel 82]. Все же организационные и редакторские обязанности легли на плечи Татьяны Андреевны Барсуковой (9 янв. 1903, Чита – 14 августа 1980, Сан-Франциско) [4, Reel 70]. С января 1938 г. редактором была Мария Игнатьевна Кокорева, в замужестве Москалева (31 марта 1907, Харбин – после 1970) – артистка и журналистка [4, Reel 75].

В первом номере редакция журнала писала: «Говорят, здесь трудно издавать журнал. Публика им не интересуется, но мы считаем, что существование журнала заключается в его содержании,

его интересе, его жизнеспособности. Поэтому мы объединились в одно целое и решили дать для Вас, дорогие читательницы, интересный журнал» [3, 1938, с. 1].

По эмигрантским меркам «Современная женщина» была отлично оформлена. Авторами ее обложек были лучшие художники и фотографы, дизайн также имел отличный вид, так как журнал печатался в лучшей шанхайской типографии «Слово».

Каждый номер начинался с рубрики «За редакторским столом», «Через замочную скважину к редактору», популярным был раздел «Театр, актер, зритель» и др. Подавляющее число материалов можно отнести к интеллектуальному направлению, было очень много очерков об искусстве и литературе, регулярно публиковались портреты женщин. Удивительно, но почти не встречалось кулинарных рецептов и рассуждений о моде, отсутствовал всякий намек на сексизм. М.И. Кокорева подчеркивала: «Женщины! Много этапов на нашем пути: Дом, карьера, дети, духовное продвижение, – во всем этом сталкивается два мира: Мир внешний – мир внутренний. В одной гармонии этих миров – наш идеал. К женщине всегда были устремлены “глаза мира”, а к современной в особенности» [3, 1938, № 1, с. 1]. С этой целью инициативная группа организовала при журнале Клуб, который стал формировать политику издания, среди русских жительниц Шанхая было организовано анкетирование на тему, какой должна быть современная женщина. В результате большинство согласилось со следующим мнением: «самой современной женщиной является та, которая ни в чем не уступает мужчине: т.е. независима; ни с финансовой стороны, т.к. сама зарабатывает на жизнь – ни в личной жизни, т.к. не ставит себе преград из общественной жизни; современная женщина это та женщина, которая в противоположность нашим бабушкам и прабабушкам чувствует, что все дороги для нее открыты в жизни, и она может всего достичь своими знаниями, трудом и энергией, войти во дворец человеческого счастья гордо и прямо с парадного входа, а не тайно с задворок путем своей женской красоты, женских чар или женских интриг в качества жены или любовницы, как это было до сих пор» [3, 1938, № 6, с. 6]. Подчеркивалось, что женщина должна занимать достойное место в политике и управлении государством,

при этом должна быть гуманность, счастье, любовь и везенье в жизни.

Деятельницы журнала «Современная женщина» не только устраивали балы, конкурсы *Fashion Show* или конкурсы на звание *Miss Shanghai*, но и организовывали общежитие для одиноких женщин, правовую защиту от семейных неурядиц и курсы получения новых специальностей. Особенно большое внимание русские женщины обращали внимание на торговлю «живым товаром», или занятие проституцией в Шанхае. При этом всячески осуществлялась поддержка инициатив российского женского движения в Китае, женщины участвовали во всех эмигрантских организациях и обществах, на страницах журнала регулярно печатались их произведения, была поддержка женщин-художниц и актрис.

К сожалению, японская оккупация Китая значительно сузила возможности журнала. Вскоре наступила цензура и журналу перестали выделять бумагу – «Современная женщина» закрылась. Сегодня исследователи почти не упоминают о деятельности «Современной женщины» [1].

Список источников и литературы

1. *Пантелеев В.Б.* Образы современной женщины в китайских женских журналах первой половины XX века // Университетский консорциум. 2016. № 20. С. 166–177.

2. *Полански П.* Русская печать в Азиатско-тихоокеанском регионе (Russian Publications in the Asia-Pacific Region): каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. Ч. 1 / Российская гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2015.

3. Современная женщина (The modern woman): журн., посвящ. интересам женщин / ред. Т.А. Барсукова, М.И. Кокорева, отв. ред. – изд. В.А. Васильев. Шанхай, 1937. № 1 (февр.) – 1941, № 45 (март); 1000 экз. 1940–1941 тит. также на кит. 1937. Год I. № 1, фев., март, апр., май, июнь, июль, авг., сент.–окт., дек.; 1938. Год II. Янв., фев., март, июнь, авг., сент., окт., нояб. [только обл., и несколько с.]; дек.; 1939. Год III. Янв., фев., март, апр., май, июнь, июль–авг., сент., окт., нояб.; 1940. Год IV. № 34 (фев.), № 35 (март), № 36 (апр.), № 38 (июнь), № 39 (июль–авг.), № 40 (сент.),

№ 41 (окт.), № 42 (нояб.), № 43 (дек. – без обл.); Год V. № 44 (январь – фев.), № 45 (март).

4. Shanghai Municipal Police Files. National Archives. Washington, DC, USA.

Т.В. Козельчук

Курган, Курганский государственный университет

**«Cherchez la femme»: особенности работы
с делопроизводственными документами как источниками
по истории женщин (на материалах Кургана
и Курганского округа периода НЭПа)**

В арсенале современного историка есть источниковедческий метод как гарантия строгой научности получаемого результата – исторического знания, но источники так разнообразны, что всякий раз исследователь попадает в эвристические ситуации, в которых атрибутирует, интерпретирует, верифицирует. Эти и другие источниковедческие задачи актуализируются, если речь идет о новых или относительно новых исследовательских направлениях.

Одно из таких направлений – гендерная история, в частности, история женщин [10]. При изучении этой темы были бы как нельзя кстати эго-документы, но их недостаток вынуждает обращаться к другим источникам. В нашем случае «искать женщину», точнее факты о женщинах Кургана и Курганского округа в годы НЭПа, мы будем в делопроизводственных документах из местных госархивов.

Несмотря на официальный характер, документы периода НЭПа содержат нарратив, они отнюдь не «сухие» или формальные. В 1920-е годы делопроизводство было на стадии становления, служащие еще не приобрели опыт документационной деятельности, что позволяло им высказываться в своих текстах, оценивая конкретные ситуации, реагировать эмоционально. Такие характеристики как раз и позволяют историку, образно выражаясь, увидеть в источниках человека прошлого.

Приведем цитату из распоряжения секретаря Курганского горкома комсомола за 1924 г. о стенгазетах: «Зачастую эти газеты не поставлены на правильное русло и сводятся только лишь к натравлению отдельных т[оварищей]. ... и помещается разная дребедень» [8, л. 6.]. Другой пример из доклада милиционера одного из районов Кургана от 1 сентября 1925 г.: притонов нет, но «...проституция в районе имеется частично, и лица, занимающиеся не как профессией, а лишь только из-за любви к искусству» [1, л. 133 об.]. Стилистика явно не деловая, зато красноречивая.

Поскольку тема задает вектор поиска, вполне закономерно, что в поле нашего зрения попадают женские источники – документы, написанные представительницами слабого пола. Отчеты делегатов о вовлечении курганских женщин в общественную жизнь, протоколы собраний работниц предприятий, дневники женорганизаторов, заявления женщин в органы власти по самым разным вопросам. Сюжеты истории женщин в таких документах, как говорится, на поверхности.

Например, заявление вдовы бывшего работника Уездного продкомитета от 1922 г.: «Находясь в крайне тяжелом положении и не имея абсолютно ни куска хлеба..., смею просить вас ... небольшой выдачи муки, так как я мать трех сирот заболела, оставив их на произвол судьбы» [5, л. 13]. Подобные тексты демонстрируют непростое положение женщин с детьми, оставшихся без мужа, финансовую зависимость от мужчин. Авторство соотносится с содержанием: документы, составленные женщинами, сюжетно посвящены им самим, актуальным для них проблемам.

Находкой для историка является фиксация в протоколах высказываний участниц всевозможных собраний, заседаний. Так, на собрании горожанок-покупательниц в августе 1927 г., в прениях прозвучали жалобы на приказчиков мануфактурного магазина, например: «Платков носовых говорит тоже нет, а приходит дамочка из Окрисполкома и он дает ей дюжину. ... Приказчики должны относиться одинаково ко всем покупателям» [6, л. 222]. Прямая речь, фиксируя личностное отношение женщин к своей повседневности, ориентирует историка на «раскрытие границ самосознания Другого» [9, с. 171].

Однако предпочтение женским документам с игнорированием мужских существенно сужает познавательные перспективы. Тем более большинство составлены именно мужчинами. Они, кроме прочего, важны для понимания отношения мужчин к своим современницам.

15 февраля 1923 г. по отделу управления Курганского уездного исполкома был издан приказ, прописывающий дисциплинарные правила ввиду того, «что технические сотрудники, в особенности лица женского персонала проводят время... в празднующем духе, постоянно уходя на кухню и... по своим делам из учреждения куда-либо» [3, л. 30]. Не бегать бесцельно на кухню, не вести посторонних разговоров между собой, не завтракать на глазах посетителей, «помнить, где служите» [3, л. 30] – эти правила создают весьма непривлекательный образ женщины-служащей: глуповатой, ленивой болтушки. Что отражает этот текст как источник: мужской шовинизм или действительно женскую безалаберность? От интерпретации зависят выводы историка. Хотя, предположим, при надуманной проблеме вряд ли пришлось бы издавать такой приказ.

Оценка достоверности, интерпретация и, собственно, реконструкция исторического знания являются взаимоопределяющими. Для решения названных задач и одновременно для расширения информационного потенциала источника необходимо обращать внимание на формулировки. К примеру, в декабре 1928 г. собрание ячеек ВКП(б) Кургана запланировало: «На собрании женщин подробно осветить вопрос об уклонениях в партии и особенно о правом, приспособив доклад к развитию женщин» [7, л. 17]. Последнее словосочетание указывает на низкий уровень грамотности, необразованность жительниц округа. Повышенное внимание к косвенным сведениям источника – одна из особенностей их анализа в рамках гендерной истории.

У значительной части делопроизводственных документов гендерная идентичность в содержании не прослеживается. В отчете Курганского адмотдела, где упоминается количество задержанных милицией за последний квартал 1925 г., приводятся общие цифры: «292 человека, в праздничные дни 135 и не праздничные

157...» [2, л. 48]. Но даже отсутствие ранжированной информации о женщинах/мужчинах важно для гендерной истории: оно наталкивает на размышления о ее значимости для властных структур рассматриваемого периода.

Итак, источниковедческую ценность для феминолога представляют документы, прямо касающиеся «женского вопроса» – о раскрепощении женщин, охране материнства и младенчества, проституции и пр. Однако, на наш взгляд, буквально все документы прямо или косвенно, полно или фрагментарно, но отражают историю женщин, женскую повседневность. Например, акт обследования источников водоснабжения за август–сентябрь 1926 г. зафиксировал, что курганцы воду для питья из Тобола «берут там же, где поят скот, стирают белье, а зимой наблюдается явление сваливания навоза на лед реки» [4, л. 85]. Фраза «стирка белья» для феминолога как красная тряпка для быка, он бросается на нее по понятным причинам – он нашел женщину, но речь в документе идет о последствиях употребления некачественной питьевой воды, что одинаково касается горожан и горожанок. Разве это не источник по истории женщин? Конечно, источник. Однако, подход к его изучению будет другой – извлеченную информацию нужно доработать, «приспособить» к истории женщин.

Таким образом, делопроизводственные документы существенно не ограничиваются сугубо деловой локацией человеческой обыденности. Как источники они отражают качество жизни людей, их повседневные проблемы, особенности взаимоотношений, переживания. Но не все аспекты «женского вопроса» сразу «открываются» исследователю, зачастую это косвенная фрагментарная информация. Феминолог, как любой историк, «сталкивается с формами чужого жизненного мира» [9, с. 25], анализирует его языковые репрезентации в источнике, пытается понять/объяснить женщину прошлого, реализуя, тем самым, антропологический подход к источникам.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 23.
2. ГАКО. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 24.

3. ГАКО. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 21.
5. Государственный архив социально-политической истории Курганской области (далее ГАСПИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 133.
6. ГАСПИКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 820.
7. ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 308.
8. ГАСПИКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21.
9. *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Регион Докса. Источниковедение культуры. М.: РГГУ, 2005.
10. *Пушкарева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.

М.Ю. Лачаева

Москва, Московский государственный педагогический университет

Законы Натальи Петровны Бехтеревой и их методологический потенциал для изучения женской истории (по воспоминаниям ученой)

Воспоминания Натальи Петровны Бехтеревой (1924–2008) неоднократно издавались при ее жизни и уже после ее смерти, но тем не менее они все еще остаются недостаточно исследованными и обладают потенциалом, способным принести несомненную пользу, в том числе и в изучении женской истории. Название ее мемуаров – «Магия мозга и лабиринты жизни» – раскрывает подход великой женщины-ученого к профессии и пониманию ею назначения ученого. Это уже женская история. Но не только.

«Жизнь общества и возможности фронта – именно фронта – науки крепко-накрепко связаны», – писала Бехтерева [1, с. 21]. Наталья Петровна считала важным поделиться своим жизненным опытом ученого, прошедшего жизненный путь в сложный период истории нашей страны от смерти В.И. Ленина до президентства Д.А. Медведева.

Посвятив жизнь научной проблеме «Мозг человека», топографической мозговой организации и механизмам творчества, Н.П. Бехтерева наблюдала за преобразованием благодаря творчеству не только собственно мозга, но и мира. Ее мемуары – это гимн научному творчеству и развитию страны. Наталья Петровна видела в интеллектуальном потенциале общества самую мощную силу, «которая только одна и способна обеспечить на многие годы устойчивость подъема страны, сделать его необратимым» [1, с. 6]. Известно, что в XX в. интеллектуальный потенциал нашей страны «не единожды истреблялся сознательно», и «трагические полосы» не шли ей на пользу. Но от нашей истории нам не уйти.

В детстве Бехтерева пережила гибель деда – ученого, невропатолога и психиатра Владимира Михайловича и арест отца – инженера, разработчика военной техники и вооружения Петра Владимировича (о его расстреле она узнала позднее), двух выдающихся представителей научной династии Бехтеревых, продвинувших разные научные области [2]. Не сразу ей стало известно, что тюремное заключение матери Зинаиды Васильевны – талантливого врача, красавицы и артистичной натуры – станет многолетним. Наталье Петровне повезло с директором детского дома, в котором она оказалась, поскольку тот помогал адаптироваться детям к суровой реальности и болезненному разрыву с родными. Но удар по детской психике был нанесен мощнейший. Тем не менее Наталья Петровна не утратила оптимизма. Она объясняла это действием «биологического закона выживания». Содержание своей детской и женской истории Бехтерева проанализировала, используя понятие «эмоционального баланса». Сформулировав закон «эмоционального баланса» для объяснения соотношения личного и общественного, Наталья Петровна наполнила его понятными читателю словами. Если созидательный, творческий характер движению придавала *радость*, то нарушали эмоциональный баланс *нереализованность способностей, одаренности, таланта, гениальности*, причем *как безотносительно социальных условий, так и в связи с ними*. Методика Бехтеревой позволяет обратить внимание на последствия разрушительной тенденции

нереализованности для личности, семьи, общества, государства, цивилизации.

По мере человеческого, профессионального и гражданского взросления Наталья Петровна укреплялась в мысли, что интеллектуальный потенциал общества проверяется на сверхзадачах и способности их решать. А эти сверхвозможности существуют и, по ее убеждению, они, «*несмотря на...*», работают. Бехтерева считала, что «разговор об утрате потенциала беспредметен» [1, с. 6].

Собственно мозг человека и делает человека человеком, существом социальным. В процессе научной работы Бехтеревой удалось сформулировать ряд принципов и выяснить механизмы деятельности мозга. Во-первых, мозг человека обладает удивительными механизмами самосохранения и самозащиты. Во-вторых, надежность мозга имеет многоплановый материальный базис. «Любая деятельность мозга реализуется системным механизмом, который, однако, принципиально различен в обеспечении стереотипной (“автоматизированной”) и нестереотипной, особенно творческой деятельности» [1, с. 14–15].

Важнейшей функцией сознания является осмысление окружающей среды, поэтому знание особенностей деятельности мозга позволило Наталье Петровне рассматривать особенности развития общества, в том числе и в его переходные эпохи реформ и революций. Бехтерева размышляла о том, что происходит в обществе, и пришла к выводу, что «на самом деле принципиально важных законов не так много, и они, скорее всего, едины для мироздания и деятельности мозга». «Вот я и пришла к сопоставлению явлений, событий общественного и организменного характера», – отметила ученая [1, с. 14]. «Углубляясь в изучение механизмов мозга человека», она старалась на этой основе понять, «что именно в обществе происходит по той же схеме». Условием адаптации организма к среде является формирование устойчивого состояния, поддерживаемого соответствующей *матрицей долговременной памяти*.

Размышления Бехтеревой о связях и взаимосвязях личного (индивидуального), семейного, социального и государственного представляют исключительный интерес. Она очень осторожна в

выборе понятийного аппарата, необходимого для раскрытия понятий и в своем отношении к слову. Образность языка стала для нее средством формирования научных понятий. Наталья Петровна обратила внимание на необходимость артикуляции возникшей в сознании ученой идеи или понятия первоначально в общем виде. Им может быть образ или образное представление. Особенно важна такая артикуляция в тех случаях, когда научный язык, система научных понятий и научных терминов еще не сложилась. Обычно это характерно для формирующихся, не устоявшихся еще дисциплин. От себя добавим, например, исторической антропологии и исторической психологии. И здесь могут очень пригодиться наблюдения Натальи Петровны.

Для выражения своих мыслей Бехтеревой потребовалась система «понятий-образов», например, *шапка детства* или *память детства*, с которой без особой необходимости человек не воюет, т.е. не старается ее «выбросить» и забыть, а спасается и согревается ею в тяжелых жизненных ситуациях. Эта «шапка» помогает хранить долгосрочную человеческую память. Одновременно «память детства» несет в себе и элементы более широкого феномена *памяти исторической*. «Мы живем не только во власти сегодняшних событий, но и под более или менее удобной (удачной) “шапкой детства”», – считала Бехтерева [1, с. 42]. Многолетняя экспериментальная работа с мозгом открыла ученой механизм «раскручивания» памяти взрослого человека и его возможности вспоминать, казалось, уже забытое.

Научный вывод о том, что матрица долговременной памяти закладывается в детстве и затем определяет всю жизнь человека, Бехтерева подтвердила своей жизнью. По словам Натальи Петровны, ее жизненную стратегию запрограммировала мать, повторяя ей: «Ты будешь ученой!». Н.П. Бехтерева стала ученой и достойно прошла свой путь в нестабильные периоды как в своей жизни, так и истории государства сквозь «метели». Этот образ постоянно встречается в воспоминаниях. Она пишет о «коридоре ограничений» и дерзновенном типе личности, преодолевающим эти ограничения.

В жизни самой Бехтеревой «рассогласования с матрицей» не произошло. Она объясняла стойкость тем, что ее закалили эмоциональный климат и семантическое пространство семьи, в которой она родилась и где прошло ее детство, усвоенная ею «матрица стандартных действий» в условиях противостояния личности «разным сложностям жизни».

Однако приходится иметь дело и с *измененной матрицей*. Болезненное состояние дестабилизированной или измененной матрицы характерно для революционных, стрессовых событий в истории, социальных и личных стрессов. И они, безусловно, оказывают влияние на исторический процесс. Ситуацию в обществе, как и мозге, помогают исправить, оздоровить имеющиеся в их структуре «гибкие звенья», которые оказываются более жизнеспособными, чем «твердые». Последние скорее подвержены слову и, как следствию ухудшения ситуации, – деградации матрицы. Так, в своих воспоминаниях и документальном фильме (несмотря на идентичное название, отличающихся) Наталья Петровна Бехтерева связывает циклы большого социального времени с индивидуальным временем. Она подтверждает правоту своего деда В.М. Бехтерева, утверждавшего социальное бессмертие словами «смерти нет, господа». Он имел в виду принципиальную «неуничтожаемость» той нервно-психической энергии, которая составляет основу человеческой личности и которая соответственно обеспечивает преемственность поколений. В истории науки Бехтеревы достойно представляют отечественную мыслительную традицию неприятия ликвидации настоящего во имя будущего, пусть и «светлого».

Список источников и литературы

1. *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. М.: Сова, 2011.

2. *Лачаева М.Ю.* Бехтеревы: междисциплинарные подходы // CLIO-SCIENCE: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. МПГУ: Изд-во Прометей, 2015. Вып. 5. С. 110–118.

Кулинарный рецепт как источник по истории женской «домашней» экономики

Приготовление пищи, расходы на продукты являются существенной частью семейного бюджета, показателем уровня жизни. Пищевые практики могут выражаться в потреблении как самых простых блюд, так и изысканных деликатесов. Исходя из этого кулинарный рецепт является не только инструкцией по приготовлению пищи, но является отражением исторической ситуации, свидетельствует о возможных тактиках ведения домашнего хозяйства.

Самой знаменитой кулинарной книгой Советского Союза является «Книга о вкусной и здоровой пище». Анализ рецептов показывает, что данное издание содержало разброс рецептов от простых и дешевых (несколько вариантов приготовления картофеля, макаронных изделий, бобовых) до дорогих и экзотичных (осетрина, артишоки). Сам состав рецептов в неоднократных переизданиях практически не менялся. Однако политическая призма и идеологическая подача неоднократно менялась в зависимости от политического курса. В первых изданиях 1939 и 1952 гг. социальная дифференция и различия в доступе к продуктам подавались как итог стахановского движения и должны были стимулировать людей к большим заработкам. Как отмечает Наталья Лебина, в данных изданиях был взят курс на буржуазный образ процесса потребления пищи: наличие столовой, богатой сервировки, кухонного буфета. При этом одновременно упор делался на быстрое приготовление блюд: использование консервов, сухих завтраков.

В 1960-е годы государство берет курс на конструирование образа женщины в общественном сознании как труженицы на производстве, так и домашней хозяйки, ведущей домашний бюджет. При этом социальное расслоение становится более выраженным. Если в 1930-е годы власть признавала право на высокий уровень жизни для передовиков производства, то в 1960-е годы, с одной

стороны, сохраняется категория граждан с очень низкими доходами, и с другой стороны, растет количество тех граждан, финансовое благосостояние которых формировалось за счет подпольного бизнеса, использования государственных ресурсов для личного обогащения. Более того, справиться с таким социальным расслоением советская власть не могла. В издании более позднего времени 1967–1969 гг. «Книги о вкусной и здоровой пище» во вступительных статьях появляется раздел «Экономно». Данный раздел не просто признавал факт социального расслоения в обществе, но и фактически уже говорил о том, что жизненный уровень определенных социальных слоев продолжает оставаться низким. И при этом содержались рекомендации по экономии домашнего бюджета при расходе продуктов. В частности, рекомендовалось чаще готовить блюда из рубленного мяса, уменьшить порции мяса за счет увеличения гарнира, использовать дешевые сорта рыбы.

С 1960-х годов кулинарные книги отчетливо формируют мысль, что большое место в системе питания должно отводиться именно домашней кухне, при этом существенная роль отводится воскресным обедам как факторам сплочивания семьи. Например, в 1972 г. выходит брошюра «Праздничный стол», в которой особо подчеркивалось, что воскресные трапезы «остаются в памяти всей семьи, дают по-особому ощутить тепло домашнего очага». Данное издание давало различные варианты меню воскресных обедов для четырех сезонов, рецепты праздничных блюд.

Со второй половины 1950–1960-х годов начинает издаваться большое количество разнообразных кулинарных книг именно для приготовления пищи в домашних условиях, тем самым обозначая существенное место непрофессиональной готовки пищи в ведении домашнего хозяйства. Ранее – в 1940–1950-е годы в первую очередь издавались пособия для поваров в общественных столовых и армии.

При этом выходят пособия, ориентированные на экономичное ведение домашнего хозяйства. В частности, издание «Домоводство» (1958) было ориентировано на жителей сельской местности и содержало рецепты разделки туши животных и использования

субпродуктов. Также для городских жителей появляются, например, такие книги как «150 блюд из салаки, кильки, хамсы и тюльки» (М., 1955). Авторы данного издания убеждали читателя «мелкая рыба не уступает крупной дорогой рыбе, а в ряде случаев превосходит по своей пищевой ценности и вкусовым свойствам». В наборе рецептов присутствовали не только холодные блюда и закуски, но и горячие, такие как, например: «Щи из квашеной капусты с хамсой», «Борщ с хамсой», различные блюда из тушеной и жареной салаки и тюлечки. Интересно, что знаменитому одесскому рецепту «биточки из тюлечки» в этом наборе места не нашлось. Отдельным разделом читателям рассказывали о консервах, выпускаемых советской промышленностью, и их использовании в домашней кулинарии, например, паштет из салаки предлагали использовать для приготовления запеканки, начинок для пирогов. Безусловно, появление подобного издания отражало две тенденции – из продажи стала исчезать привычная крупная рыба, и при этом надо было пропагандировать более дешевые блюда. Также в 1967 г. выходит издание, где главную роль в приготовлении домашних блюд было отведено селедке «Блюда и кулинарные изделия из сельдевых рыб». В нем домашним хозяйкам был предложен большой набор рецептов закусок, рецептов использования сельди в салатах. Нашлось в этой книге место и даже такому рецепту как «сельдь соленая, жаренная в сухарях».

Одновременно появляется большое количество тематических изданий, посвященных, например, приготовлению десертов в домашних условиях: пирогов, печенья, тортов. Тем самым власть предоставляла хозяйкам возможность решить проблемы домашнего меню в условиях нарастания продуктового дефицита. В 1967 г. выходит в свет книга Р.П. Кенгиса «Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов», которая преподавала основные базовые навыки работы с тестом в домашних условиях. Также женские журналы публикуют соответствующие тематические рубрики. Например, журнал «Работница» в 1975 г. опубликовала подборку рецептов тортов на «скорую руку», которые не требовали выпечки, а в другом номере рецепт торта «Киевский», который в то время пользовался очень

большой популярностью, но купить его было практически невозможно.

Раздача в 1960-х годах садоводческих участков, походы за грибами и ягодами в лес как форма досуга вызвала потребность у советских хозяек осваивать премудрости консервирования, причем в условиях городской квартиры. Книги по консервированию также становятся очень востребованными. Домашнее консервирование становится своеобразным хобби очень многих советских женщин и даже определенным способом состязания в женском коллективе.

Наиболее ярко демонстрируют стратегии домашней экономики рецепты и советы по ведению домашнего хозяйства в период нарастающего дефицита. Например, на страницах рецептов периода «перестройки» появляются подборки рецептов с весьма говорящим названием «если нет дрожжей», «если разоримся на уксус», рецепты приготовления крахмала в домашних условиях из картофельных очисток, приготовления сыра и брынзы в домашних условиях.

Таким образом, кулинарные книги и подборки рецептов, изданные в СССР, играли большую роль в системе идеологического воспитания, поддерживая миф о благополучии советского общества, и одновременно играли практическую роль в оказании помощи не просто ведению домашнего хозяйства, а в решении существенных проблем дефицита, загруженности женщины на производстве и домашним бытом.

С.А. Сиднева

Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова

Эмпирический материал для изучения женских кофеен в традиционной культуре Греции

Традиционная греческая кофейня (*παραδοσιακό ελληνικό καφενεύιο*) занимает особое место в жизни современного греческого общества. Это своеобразный маркер его патриархальности,

несмотря на декларирование равных прав и возможностей женщин в Греции.

Исследователь греческой пищевой культуры и автор книг, посвященных греческой кофейной традиции, Г. Питтас справедливо назвал это заведение «исключительно мужским местом»: «Что же на самом деле символизирует кофейня для греческого общества? Когда-то это было исключительно мужское место. Мужчины ходили в них не только отдохнуть и выпить в одиночестве чашечку кофе или пропустить стакан узо с приятелями. Там можно было узнать местные новости: вдруг кто-то заболел или ищет работу, а, может быть, кто-то имеет товар на продажу» [4, с. 73].

Именно в таком ключе и изучалась традиционная греческая кофейня в работах греческих и зарубежных социологов, культурологов, этнографов и лингвистов. Например, авторитетный толковый словарь Бабиньотиса тоже посвящает целую статью понятию *παραδοσιακό ελληνικό καφερείο* и подчеркивает тот факт, что это «мужское место», в которое негласно запрещен вход женщинам [2].

Современным ответом в духе равенства полов было создание *καφερείο γυναικών* – кофейни только для женщин. Но эта форма женского досуга в греческой традиционной культуре остается фактически неизученной. Отчасти «невнимание» к данной проблеме объясняется относительно недавним возникновением женской кофейни. Первые заведения подобного рода стали возникать в Греции в 1990-е – начале 2000-х годов.

В Салониках в начале 2000-х София Пападопулу открыла кофейню “*Οι Κυρίες της Αυλής*” («Дамы двора»). Основной возраст посетительниц – замужние женщины старше сорока лет, которые приходят в кофейню отдохнуть от домашних дел, пообщаться с подругами. Подобная кофейня есть на Кипре в деревне Кедарес. Название достаточно простое и информативное с точки зрения локации и назначения “*Γυναικείο Καφερείο Κεδάρων*” («Женское кафе в Кедарес»). У кипрской кофейни нет определенного хозяина в виде физического лица. Она существует за счет ежемесячного взноса женского комитета, состоящего из группы местных жительниц.

Для изучения реакции греческого общества на феномен «женской кофейни», в целом, позитивной, следует обратиться к такому эмпирическому материалу, как описания явления в греческих СМИ, отзывах в социальных сетях, вроде Facebook, опросе информантов. Но иногда можно отследить и ироничные комментарии, как правило, людей младше сорока лет: “Ετσι καταλαβαίνουv οι κυρίες την ισότητα”/ «Вот так дамы понимают равенство» (<https://www.newsbeast.gr/greece/arthro/460967/enakafeneio-mono-gia-gunaikes>). Дело в том, что посещать некоторые кофейни имеют право только женщины, а не представители обоих полов, как следовало бы сделать в духе истинного равенства. К тому же вопросы, обсуждаемые в данной кофейне, часто, хотя и не всегда, имеют некий гендерный уклон, как будто бы ограничивающий женщин определенными сферами жизни: воспитание детей, кухня, шитье, сериалы, мода, домашние проблемы. Так в новом явлении сохраняются черты традиционной греческой культуры.

Более «чистой» в политическом смысле является кофейня в городе Янина “Γιουκαλίλι”, основанная в 1996 г. Там собираются женщины из комитета по правам женщин и обсуждают вопросы общественно-политического характера. Основательница кофейни Маруска Хатзиянни – председатель Женского Комитета Янины, которая создала кофейню, чтобы, по ее же словам, «дать развитие женским движениям». Владелица кофейни является также автором ряда книг и статей, затрагивающих женский вопрос в Греции, но при этом не обращается к осмыслению собственного опыта в создании новой традиции на базе старой.

Название кофейни переводится как «Укулеле», то есть струнно-щипковый инструмент, схожий с традиционным для греческой кофейни или таверны бузуки (μπουζούκι), но характеризующийся более вытянутой формой корпуса и более мягким звуком. Можно предположить, что это остроумный намек на схожие явления, но представленные в ином, более «женственном образе». Примечательно, что там же иногда можно увидеть женщин, исполняющих не характерный для женщин жанр – «рембетико».

Вообще, в традиционной греческой культуре существует интересная дихотомия «мужское–женское», выражающаяся через

разделение по гендерному признаку песенных, танцевальных жанров и даже музыкальных инструментов. По традиции исполнителями музыки являются мужчины, особенно если речь идет об игре на бузуки. Женщина может выступать в качестве певицы. Также любопытным моментом является исполнение женщинами «рембетико». Возникновение жанра в 20–30 годах XX в. связано со специализированными малоазийскими кофейнями-теке, в которых нередко курили гашиш. Такие кофейни существовали также в афинском пригороде и порту Пирей. Жанр рембетико рассматривается как исключительно мужской. Исполнение его женщинами оценивался как вызов патриархальной традиции, о чем упомянул греческий этнограф Петропулос в своей работе, посвященной теке [3].

Однако, в источниках встречается упоминание о женщинах-исполнительницах данного жанра. Исследовательница греческой традиционной культуры Спириаду Константина отчасти рассматривала это явление в ракурсе женских феминистических движений в своей книге «Общественная роль женщин в рембетико в эпоху между двумя войнами в 1922–1940 гг.» [5].

В целом, для изучения феномена женской кофейни в Греции следует обращаться, главным образом, к эмпирическому материалу: свидетельствам информантов, сайтам таких кофейен в Интернете, обсуждению в социальных сетях и в греческих СМИ.

Однако и работы, посвященные описанию традиционной мужской кофейни, позволяют понять предпосылки возникновения «женского варианта» заведения, которое за основу берет как раз *парадоσιακό ελληνικό καφεείο*.

Можно также изучать феномен через призму гендерной дифференциации досуговых заведений. В таком ракурсе, например, рассматривал английские кофейни Б. Коуэн [1].

Список источников и литературы

1. *Cowan B. The Social life of Coffee. The emergence of the British coffeehouse. London: Yale University Press New Haven, 2005.*
2. *Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2019.*
3. *Πετρόπουλος Η. Ρεμπετολογία. Αθήνα: Κέδρος, 1990.*

4. Πιπτάς Γ. Τα καφενεΐα της Ελλάδας. Πάρος: Κοιλάδα Λευκών Α.Ε., 2013.

5. Σπυριάδου Κ. Η κοινωνική θέση των γυναικών στα ρεμπέτικα τραγούδια του ελληνικού μεσοπολέμου 1922–1940. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2014.

Α.Γ. Γαλλιάμοβα

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

**Устная история в изучении поведенческого паттерна
сельских женщин в военные годы. Опыт
микроисторического исследования**

В год 80-летия одного из наиболее трагических событий в истории страны – начала самой кровопролитной войны – особую злободневность обретает ее современное осмысление. Сегодня в публичном пространстве, на наш взгляд, в освещении истории войны наблюдается крен в сторону пафосной героизации, что чревато милитаризацией общественного сознания. Чтобы избежать этого, прославляя величие победы, необходимо раскрывать и антигуманную сущность войны. С этой точки зрения благодатным научным направлением служит «женская история», ведь алгоритм жизни людей в период военного лихолетья явственно диссонирует с заложенным природой созидательным началом женщины. Для рассмотрения «женского лица» войны весьма эффективен метод устной истории, обеспечивающий максимальное приближение к жизненным реалиям, что затрудняет манипулирование общественным сознанием.

В основу представленного текста легли материалы, полученные в ходе многолетней работы над составлением «Альметьевской энциклопедии», которая в настоящее время представляет собой уникальный интернет-ресурс по истории и культуре нефтяного региона Республики Татарстан с древнейших времен до 2010 г. [3]. Большая доля сведений в ней, в том числе и по периоду Великой Отечественной войны, составляет банк данных, добытый «из первых рук» с использованием метода устной истории.

Глубокое зондирование источниковой базы, тщательная проработка устных и письменных рассказов участников и очевидцев событий, их прямых потомков позволили воспроизвести с кинематографической точностью морально неоднозначно воспринимаемую картину как в целом военного прошлого села, так и роли, положения женщин, ковавших победу в тылу.

В годы войны, как известно, многие из них освоили нелегкую профессию тракториста. В с. Новое Надырово нам удалось пообщаться с одной из трактористок Зайтуной Гусмановой, которая со слезами на глазах рассказывала: «То, что мы видели, у хорошего хозяина и собака не видела». Жили они в продуваемом всеми ветрами дощатом бараке МТС, где царил железная дисциплина, как на фронте. Из продуктов была только мерзлая капуста. С раннего утра и до глубокой темени трактористки работали в поле. Во время сельскохозяйственной страды они не имели права отлучиться домой, даже если он был в двух шагах. В вагончике на полевом стане они, совершенно обессиленные, валились на пол, чтобы забыться коротким сном. К сожалению, в культурно-просветительском континууме села такие подробности военной повседневности не нашли отражения. В сельской библиотеке имеется лишь список героических трактористок.

В русле победных реляций не вписываются и тяжелые воспоминания сельских тружениц военной поры, связанные с осуществлением фискальной политики и многочисленных мероприятий по помощи тыла армии. Как правило, для сбора теплых вещей, съестного провианта рекрутировались молодые учительницы, которые в этом случае выступали в качестве агитаторов. Одна из них, учительница с 50-летним педагогическим стажем Сажида Курамшина из уже упомянутого с. Новое Надырово, вздыхая, рассказывала, что самым трудным во время войны являлись не суровые условия работы в школе, хотя приходилось обучать изможденных голодных учеников в холодных зданиях при отсутствии учебников, тетрадей и карандашей. Горестнее всего ей было вспоминать глаза вдовы фронтовика, матери четверых детей Нурлыхадар, умоляющую оставить в доме хоть немного картошки. Не отобрать было рискованно: могли наказать за укрыительство. Случаи доведения такой информации до нужных инстанций не были редкостью.

Весьма яркие свидетельства содержат выявленные в ходе экспедиций нарративы о женщинах – руководителях аграрных предприятий, численность которых по понятным причинам серьезно возросла в годы войны. В корпусе председателей колхозов их удельный вес за 1941–1944 гг. увеличился с 0,5 до 8,5% [2, с. 110–111], составив 320 человек [1, с. 534]. Самую широкую известность среди них получила председатель колхоза «Политотдел» Минлекамал Сулейманова, воспетая известным татарским писателем Мирсаем Амиром в пьесе «Минникамал».

Выбор писателем ее в качестве главной героини крупного произведения о военном периоде в истории республики был не случаен: в «сороковые роковые» М. Сулейманова сумела вывести возглавляемый ею колхоз на первое место в Татарской АССР по сдаче хлеба государству и помощи фронту. Представленное М. Амиром жизнеописание М. Сулеймановой политически подкорректировано расстановкой реперных точек в «нужных местах», не совпадающих со сведениями рукописной биографии, составленной падчерицей легендарной женщины.

Первым подретушированным в пьесе фактом является трагическая гибель мужа. По версии драматурга она случается в период коллективизации от рук кулаков. На самом деле первый муж Минлекамал, за которого ее отдали замуж в 15 лет, будучи муллой и учителем медресе, погиб во время Гражданской войны при не выясненных до конца обстоятельствах, причем неизвестно, от рук красных или белых. Оставшись беременной с маленьким первенцем на руках, она через год после смерти мужа теряет обоих сыновей, умерших от инфекционной болезни. Вскоре молодую вдову сосватали за вдовца Набиулла Сулейманова, который был старше ее на 26 лет и имел пятеро детей от первого брака. Вместе со своей новой семьей Минлекамал переезжает во вновь образованный поселок. Конечно, непросто было обустроиваться на новом месте с нуля на необжитых землях. Но Минлекамал активно вовлекается в новую жизнь, став передовой колхозницей, занимаясь самообразованием по зоотехнике.

В 1940 г. пытлившую женщину избирают председателем колхоза. Однако этот факт Мирсай Амир также подправил в пьесе. Согласно трактовке писателя Минникамал, охваченная патриотическим порывом, становится председателем в начале войны. На

самом же деле ее как энергичную инициативную личность еще до войны назначают руководить отсталым колхозом. Но понятие «отстающий колхоз» выбивалось из идеологемы о передовой системе организации советского сельского хозяйства, этим, видимо, и объясняется искусственная правка даты в пьесе.

За рамками художественного произведения М. Амира остался факт того, что Минлекамал тайком от вышестоящих властей организовала выпечку хлеба и подкармливала людей на их рабочих местах, чтобы люди могли полноценно трудиться. Информанты с благодарностью вспоминали, что благодаря строго и умело отлаженным в поселке производственным процессам, его жители не страдали от голода, сюда часто приходили даже из других селений попрошайничать. Проявляя чуть ли не материнскую заботу о жителях поселка, Минлекамал была чрезвычайно строга к членам своей семьи, которая состояла из семи человек и питалась лишь на норму одного колхозника, поскольку в колхозе работала только она сама.

Резюмируя, подчеркнем, что материалы устной истории позволили более реалистично по сравнению с художественным произведением представить образ Минлекамал. В трактовке М. Амира Минлекамал – состоявшаяся советская женщина, нашедшая счастье в борьбе. В действительности же обусловленная во многом жизненными обстоятельствами аскеза сформировала маскулинный паттерн поведения у легендарной героини, который дает неявное ощущение отсутствия счастливой гармоничности в ее жизни. Одна из приемных дочерей рассказывала, что Минлекамал, упрекавшая ее за мягкотелость, не утратила стойкости и несгибаемости до самой старости, оставаясь таким комиссаром в юбке до самой смерти в 1983 г. Но она ни разу не упомянула о радостных моментах, теплых семейных событиях и т.п.

В заключение отметим, что конкретный пример изучения поведенческого паттерна поведения сельских женщин посредством устной истории в годы войны способствует генерированию энергии сочувствия к человеку, вынужденному в экстремальных условиях переносить невероятную физическую усталость, бытовую неустроенность, сильнейшие стрессы, психологические пе-

регрюзки. Это, в конечном счете, служит формированию конструктивного пацифизма и предостерегает от облегченного восприятия войны, как доблестного похода за подвигом.

Список источников и литературы

1. История Татарской АССР /под рук. М.К. Мухарямова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1968.
2. Кабирова А.Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015.
- 3.URL: <https://almet-history.tatneft.ru>

Г.П. Сидорова

*Ульяновск, Ульяновский государственный
технический университет*

Художественное кино как источник для изучения гендерных аспектов советской повседневности

Многие российские специалисты в исторических науках и культурологии (О.В. Горбачев, Л.Н. Мазур, Т.М. Димони, Т.Ю. Дашкова, Е.Б. Жбанкова, А.Д. Попова и др.) уже два десятка лет продуктивно используют богатые информационные возможности советского игрового кинематографа, относя его к группе аудиовизуальных источников. Исследователи отмечают доступность этой группы источников, но ее маргинальность в источниковедении, а также сформировавшуюся традицию их изучения благодаря усилиям нескольких авторов: Н.Л. Пушкарева, Е.М. Евграфова, В.Н. Баталина и В.М. Магидова [1].

Для автора уже более десяти лет российско-советское массовое кино 1930–1980-х годов является доступным и неисчерпаемым источником исследований советской повседневности и ее гендерных аспектов: хозяйственной культуры и гендерных особенностей труда, материнства и отцовства, миграций из деревни в город; мужского/женского сотрудничества и взаимоподдержки

в годы Великой Отечественной войны; а также образов горожанки и горожанина; культуры российской провинции; формирования межгендерных коммуникаций через созданные в массовом кино паттерны «настоящего мужчины»; женских представлений о «мужском»; семиотики женского курения и др.

Теоретическим обоснованием использования художественного кино как источника для изучения гендерных аспектов повседневности или женской истории являются концепции художественных методов познания культуры и концепции информационных ресурсов массового искусства, представленные в трудах М.С. Кагана, Ю.М. Лотмана, Л.Д. Гудкова, Л.М. Мосоловой, А.В. Костиной, Т.Н. Суминовой, И.А. Манкевич, Т.С. Злотниковой и др. В основе герменевтического анализа художественного произведения – признание его уникальных возможностей в изучении культурно-бытового фона, среды обитая, менталитета, в т.ч., стереотипов поведения и ценностных ориентаций. Искусство, согласно системной модели культуры М.С. Кагана, – единственный плод деятельности, воссоздающий человеческое бытие в его целостности, позволяющий проникнуть в глубинную суть представляемой им культуры. В искусстве можно найти знания и ценности, отражение реальности и идеалы [2, с. 19]. В произведении искусства запечатлен как дух времени, так и менталитет, который изменяется мало и длительно, составляет фундамент истории и национальной культуры.

В основе изучения гендерных аспектов советской повседневности или женской истории через образы советского массового киноискусства (кино- и телефильмов 1930–1980-х) также лежит определение современной культуры как экранного типа, а игрового кино – как самого популярного вида экранного искусства. Автор полностью разделяет точку зрения Ю.М. Лотмана об особенностях кинематографа как искусства: «одновременное чувство предельной реальности и предельной иллюзии, которое он вызывает в аудитории, по силе превосходит все, что могут в настоящее время дать любые другие виды искусств. Реальность рассказанная и показанная принципиально неадекватна» [4, с. 123]. Концептуально отбираются для анализа кинопроизведения массовые,

с формульной структурой – синтезом специфических культурных штампов, с помощью которых в конкретных темах и стереотипах воплощаются универсальные повествовательные архетипы. Согласно теории Ю.М. Лотмана, «текст выполняет функцию коллективной культурной памяти» и «предстает перед нами <...> как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [3, с. 160, 162]. Исходно заложенный в текст смысл в ходе функционирования текста подвергается сложным трансформациям, в результате чего происходит его приращение [3, с. 190].

В исследовании гендерных особенностей миграций из деревни в город и проблем социокультурной адаптации анализировались фильмы «Светлый путь» Г. Александрова, «Учитель» С. Герасимова, «Председатель» А. Салтыкова, «Женщины» П. Любимова, «Ваш сын и брат» В. Шукшина, «Афоня» Г. Данелия, «Сладкая женщина» В. Фетина, «Родня» Н. Михалкова и др. Верификация аудиовизуальных источников с помощью письменных источников привела к выводам: в киноискусстве тоталитарного периода образы мигрантов недостоверны по воплощению факторов, мотиваций и средств, но достоверны в отражении гендерных особенностей. В фильмах «оттепели» и «семидесятых» семантика и количественное соотношение мужских/женских образов мигрантов приводит к выводам о правдивом отражении жизненных реалий [6].

В изучении такой темы как семиотика женского курения в контексте советской культуры автором были проанализированы художественные фильмы «Высота» (реж. А. Зархи, 1957), «Застава Ильича» и «Июльский дождь» (реж. М. Хуциев, 1965, 1967), «Доживем до понедельника» (реж. С. Ростоцкий, 1968), «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдай, 1968), «Укрощение огня» (реж. Д. Храбровицкий, 1972), «Служебный роман» (реж. Э. Рязанов, 1979), «Место встречи изменить нельзя» (реж. С. Говорухин, 1979), «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979), «Родня» (реж. Н. Михалков, 1981), «Осенний марафон» (реж. Г. Данелия, 1982), «Военно-полевой роман» (реж. П. Тодоровский,

1983) и др. Женское курение было рассмотрено как текст или система знаковых элементов, передающих смыслы советской культуры 1950–1980-х. Семиотический анализ текстов позволил выделить ряд семантических значений женского курения: *знак стрессового состояния; знак духовных мучений, тоски, семейного разлада и одиночества; знак пережитых испытаний, право взрослой/опытной женщины; знак контркультуры* и др., а также *негативное восприятие женского курения носителями традиционной сельской субкультуры* [5].

Таким образом, изучение гендерных аспектов советской повседневности через образы киноискусства позволяет детализировать ее существенные характеристики – бинарность и др., а также особенности российско-советского менталитета в историко-типологической конкретике.

Список источников и литературы

1. *Горбачев О.В.* Советский художественный кинематограф как исторический документ: особенности анализа и интерпретации // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 126–136.

2. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб., 1996.

3. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство СПб», 2002.

4. *Лотман Ю.М., Цивьян Ю.* Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. URL: http://www.studmed.ru/lotman-yu-civyan-yu-dialog-s-ekranom_5b240924319.html

5. *Сидорова Г.П.* Семиотика повседневности: женское курение как текст в контексте советской культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 86–92.

6. *Сидорова Г.П.* Советская повседневность: миграции из деревни в город и их отражение в образах киноискусства (1930-1980-е) // Культура и искусство. 2021. № 1. С. 50–62. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32384

С.В. Едыгарова

Хельсинки, Хельсинский университет

Л.В. Ямурзина

Таллинн, Фольклорный совет

**Женщина в прошлом и в современности, женщина в селе
и в мегаполисах: актуальные источники сравнительного
изучения женской истории**

В настоящей работе мы описываем наиболее актуальные источники, с помощью которых возможно сравнительное изучение идентитета женщин из сел и мегаполисов, женщин традиционного и современного образа жизни. В частности, мы сравниваем особенности идентитета или миропонимания женщин, принадлежащих к финно-угорским этническим сообществам и проживающих в: а) селах и б) мегаполисах Европы, а именно в крупных городах Эстонии, Финляндии и Германии.

Один из основных источников изучения идентитета и миропонимания – это этнографические и социолингвистические интервью. Содержание и структура интервью зависит от целей исследования. Например, Лесли Милрой [3] и Аннели Сархимаа [5] в исследовании использования языков у билингвов предлагают организовать интервью таким образом, чтобы можно было наиболее подробно определить социальные сети информантов. По мнению ученых, определенные социальные сети непосредственно влияют на развитие или сохранение тех или иных взглядов на мир, практик, например, использование того или иного языка.

Другим важным и современным источником изучения женской истории является автоэтнографический метод, поскольку именно этот метод позволяет нам как исследователям взглянуть на свою историю как на предмет исследования и через это понять культуру [1; 2], а в нашем случае мы сравниваем наш личный опыт с опытом других информантов. Авторы этого доклада родились в финно-угорских деревнях и сейчас проживают в столицах Эстонии и Финляндии, в этом смысле мы работаем на стыке двух жанров автобиографии – «этнической автобиографии» и «местного антрополога» [4, с. 2]

Список источников и литературы

1. *Chang, H.* Autoethnography as Method. Walnut Creek, CA: Left Coast, 2008.
2. *Ellis, C., T. E. Adams and A. P. Bochner.* Autoethnography: An Overview. *Forum: Qualitative Social Research*, 12 (1): Art. 10., 2011.
3. *Milroy, L.* Language and social networks. Oxford: Blackwell, 1987.
4. *Reed-Danahay, D.* Auto/Ethnography: Rewriting the Self and the Social. Oxford/NY: Berg, 1997.
5. *Sarhimaa, A.* Social network theory as a framework for studying minor Finnic languages with special reference to Karelian. – The quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Helsinki: Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 258, 2009.

С.В. Любичанковский

Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет

Судьбы женщин Урало-Поволжья на страницах сборника «Большаковских чтений» (2004–2020)

Материалы Большаковских чтений – международного научного форума, посвященного теме «Оренбургский край как историко-культурный феномен» и проводимого в Оренбурге на протяжении шестнадцати лет – представляют собой многотомную краеведческую библиотеку, срез современной историографии истории Урало-Поволжья. Целью настоящей статьи является обзор публикаций, касающихся судеб женщин, вошедших в историю региона. Эти исследования занимают на страницах сборников весомое место. Их можно систематизировать по нескольким направлениям.

Во-первых, это исследования женских судеб, направленные на получение каких-либо теоретических выводов в рамках гендерных исследований. Такова, например, статья Н.Л. Пушкаревой о судьбе крестьянки Афанасии Скутиной [6]. На материалах иссле-

дованной Л.Н. Большаковым переписки Льва Николаевича Толстого с А.С. Скутиной исследовательница сделала целый ряд интересных выводов о теоретических и практических методах изучения историко-культурного наследия в рамках направления гендерной этнологии.

Во-вторых, это реконструкция окружения женщин, сыгравших уникальную роль в истории России. Такова, например, статья С.В. Чемезова, И.Э. Лященко и В.И. Желтовой [8], проанализировавших начальный период деятельности В.А. Кашеваровой-Рудневой – первой и долгое время единственной в России женщиной, сумевшей в 1865 г. получить высшее образование, а через десять лет – ученую степень доктора медицины. Исследователи убедительно доказали, что едва ли не решающую роль в ее профессиональном становлении сыграли губернаторы Оренбургского края А.П. Безак и Н.А. Крыжановский.

В-третьих, это исследования, вводящие в научные оборот биографии женщин, незаслуженно обойденных ранее вниманием историографии. Например, ни в одном из справочников нет информации о геоботанике и флористе О.А. Смирновой. Между тем Ольга Алексеевна Смирнова, как доказано в статье Т.Н. Савиновой [7], была в числе первых ученых, кто в начале XX в. заложил основу системных ботанических исследований в Оренбургской области.

В-четвертых, это исследования, направленные на изучение биографий женщин – потомков славных родов или крупных исторических деятелей. Такова, например, статья И.К. Зубовой, рассказывающая о Наталье Ивановне Ободовской [1] – прямом потомке одного из основателей Оренбургского края, первого члена-корреспондента Российской Академии наук П.И. Рычкова. В работе показано, что героиня статьи активно участвовала в работе Оренбургского отдела Русского Географического общества и Оренбургской ученой архивной комиссии, а при советской власти с 1919 г. являлась председателем Библиотечного общества и работала секретарем в Археологическом институте.

В-пятых, это исследования о женщинах Урало-Поволжья второй половины XX – начала XI в. Концепцией конференции всячески поощряются исследования о ныне живущих или недавно

ушедших современницах. В этом отношении ценными источниками могут служить статьи об известном оренбургском журналисте Е.Н. Горбанской [2], об организаторе здравоохранения профессоре И.В. Лебедевой [4], и др.

В-шестых, это исследования, вводящие в научный оборот личные воспоминания женщин региона. Так, в публикации Т.А. Камсковой [3] впервые введены в оборот личные воспоминания Г.В. Кучапиной, в судьбе которой отразились и война, и послевоенные трудности, и становление и развитие библиотечной сети в Оренбуржье в эпоху позднего СССР и «перестройки». Личные встречи и воспоминания героини легли в основу и статьи Н.К. Курмеевой [5]. Инга Мартыновна Тевс, как и Г.В. Кучапина, была из поколения «детей войны», и ее воспоминания по-новому раскрывают историю становления профессионального музыкального образования в Оренбурге. Воспоминания оренбургской актрисы, заслуженной артистки РСФСР Г.А. Шведчиковой [9], перешедший сегодня 95-летний рубеж, введены в научный оборот на страницах сборника Большаковских чтений.

Таким образом, анализ материалов регулярной международной краеведческой конференции «Большаковские чтения» позволяет увидеть, что изучение судеб женщин Урало-Поволжского региона в современной историографии идет по семи основным направлениям, каждое из которых имеет свою ценность для постижения женской истории нашей страны в целом.

Список источников и литературы

1. *Зубова И.К.* Н.И. Ободовская – член Оренбургской ученой архивной комиссии // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. Т. 1. С. 142–143.

2. *Каган И.И.* Оренбургский журналист Евдокия Горбанская // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2011. С. 130–135.

3. *Камскова Т.А.* Директор областной научной библиотеки Генриэтта Валентиновна Кучапина // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. Т. 1. С. 155–158.

4. *Каспрук Л.И.* Оренбургский период деятельности профессора И.В. Лебедевой // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 379–381.

5. *Курмеева Н.К.* Музыкально-педагогическая и просветительская деятельность И.М. Тевс в Оренбурге во второй половине XX века // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 376–379.

6. *Пушкарёва Н.Л., Любичанковский С.В.* О теоретических и практических методах изучения историко-культурного наследия в рамках направления гендерной этнологии: (на материалах исследованной Л.Н. Большаковым переписки Льва Толстого с А.С. Скутиной) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018. С. 69–71.

7. *Савинова Т.Н.* Из истории оренбургских ботанических исследований: Ольга Алексеевна Смирнова (1892–1958) // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 311–318.

8. *Чемезов С.В.* Первая женщина – доктор медицины в Оренбургском крае // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 196–198.

9. *Шведчикова Г.А.* Страницы биографии [воспоминания] // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной

научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 205–209.

Е.Г. Луковицкая
*Великий Новгород, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого*

Законопроект «О профилактике семейного и домашнего насилия» 2019 г. как источник по современной женской истории: дебаты вокруг нормативного акта и методы анализа

Нормативные акты – особый источник, отражающий желаемое (а не реальность), однако, именно сравнительно изучая критерии желаемого и действительность, мы можем дать характеристику современному правовому статусу женщин в российских семьях.

Важной политической целью российского женского движения на протяжении трех десятилетий было принятие закона о домашнем насилии. Реальную картину домашнего насилия отражает статистика. Однако официальная статистика в отношении домашнего насилия в семье в России весьма проблематична, поскольку жертвы домашнего насилия не всегда регистрируются полицией и часто забирают свои заявления. В связи с этим важно сравнить статистику и ее динамику из разных источников, в том числе данные кризисных центров и российских опросов общественного мнения.

Официальные источники – законопроекты, находящиеся в открытом доступе, позволяют в динамике проанализировать меняющиеся критерии желаемого в отношении домашнего насилия в семье. С этой целью были проанализированы следующие источники:

- Законопроекты о предотвращении домашнего насилия начиная с 1990-х годов (1996 [2], 1997 [3], 1999 [4], 2016 [5] и 2019 [6] гг.), вносимые субъектами законодательной инициативы – депутатами Государственной Думы РФ и Советом Федерации.
- Комментарии к последнему законопроекту «О профилактике семейного и домашнего насилия», размещенного на сайте

Совета Федерации РФ для публичной дискуссии в конце ноября 2019 г. [6].

- Официальные заявления Московского Патриархата и ряда аффилированных с РПЦ организаций в связи с публикацией проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия» (2019 [1]).

История законопроектов о домашнем насилии показывает путь постепенной институционализации практик борьбы с домашним насилием в России – от обсуждения проблемы домашнего насилия на конференциях и летних школах до создания кризисных центров. Первые законопроекты 1990-х годов демонстрируют попытки закрепить уже сложившуюся и действующую социально-правовую практику работы с домашним насилием в стране, основанную как на международном опыте, так и на опыте негосударственных кризисных центров страны (в основном создавались за счет грантов международных фондов).

Содержание проектов законов о домашнем насилии последней декады показывает, что произошло осознание того, что имеющиеся законы в отношении домашнего насилия не работают, что необходима системная работа по профилактике насилия в семье.

Список источников и литературы

1. Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства в связи с обсуждением проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» // Официальный сайт Московского Патриархата. 4.12.2019. <http://www.patriarchia.ru/db/text/5541276.html>

2. Законопроект № 96700121-2 «О предотвращении насилия в семье» (новая редакция) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700121-2> (дата обращения: 10.05.2021)

3. Законопроект № 97700685-2 «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2> (дата обращения: 10.05.2021).

4. Законопроект № 99113775-2 «О предотвращении насилия в семье» // Система обеспечения законодательной деятельности.

URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99113775-2> (дата обращения: 10.05.2021)

5. Законопроект № 1183394-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О профилактике семейно-бытового насилия”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183394-6> (дата обращения: 10.05.2021)

6. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 29.11.2019. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/>

РАЗДЕЛ 2
МЕТОДЫ РАБОТЫ ИСТОРИКОВ, ИЗУЧАЮЩИХ
ИСТОРИЮ ЖЕНЩИН. ОСОБЕННОСТИ ПРИЕМОВ,
ПОДХОДОВ, МЕТОДОЛОГИИ

Т.К. Щеглова

*Барнаул, Алтайский государственный
педагогический университет*

**Устная история как метод и источник гендерной истории:
особенности введения женских историй в научные
исследования и их интерпретации**

Устная история и гендерная история имеют много точек взаимодействия, начиная от источниковой базы, заканчивая методологическими подходами и методами исследований. По словам Н.Л. Пушкаревой, их формирование как самостоятельных направлений исторических исследований совпадали по времени (1930–1970-е годы), имели сходные причины возникновения, можно добавить – мотивацию научных изысканий [3, с. 170]. Значение устной истории для гендерной Дж. Сангстер определила так: «Традиционные источники очень часто обходят стороной жизнь женщины, а устная история предлагает пути интегрирования женщин в историческое учение» [1].

Публикация посвящена слабо проработанным вопросам введения и интерпретации материалов устной истории в научных исследованиях. На примере женских историй автор предпринимает попытку показать, как гендерная принадлежность влияет на память и ее отражение в материалах интервью. Такая постановка вопроса обусловлена сложившейся в устной истории ситуацией. Автор, занимаясь устной историей тридцать лет отмечает, что для современной практики наиболее актуальными являются вопросы интерпретации и введение материалов устной истории в

научные исследования [4]. Связано это с тем, что в результате реализации масштабных проектов в России в 1990–2010-е годы созданы на основе интервью тысячи новых источников. Эти массивы документов еще находятся в пассиве, так как работать с ними не научились. В исследовательской практике они используются традиционно – через сплошное цитирование.

Определенную трудность также создает сформировавшаяся двойственность в определении предмета устной истории – «исторические процессы и события» (традиционный подход) или «память» (новационный подход). На наш взгляд, исследователь, занимающийся устной историей, изучает отражение в памяти исторических событий и процессов с опорой на эмпирический опыт конкретного человека. Отсюда вытекают особенности введения устных источников в научные тексты: важным при их интерпретации является комплексная характеристика личности носителя информации – гражданская позиция человека, его общественно-политические взгляды, сфера деятельности, профессиональные предпочтения, психологические особенности, социальный статус, степень образованности и, конечно, женская/мужская принадлежность, т.е. гендерное отражение личности в интервью. Как определяла Дж. Сангстер, «если мы собираемся выбрать в качестве “предмета исследования саму память”, нам следует очень осторожно подходить к тексту интервью, принимая во внимание то, кто говорит, какова личная и социальная программа» [1, с. 62].

Далее предпринимается попытка выявить, как гендерная принадлежность может влиять на интерпретацию источников устной истории. Начать можно с особенностей самой гендерной истории. Как считает Шерна Глюк, изучение индивидуальной памяти в женских историях ведет к «созданию новой истории», которая является «вызовом традиционной концепции истории, тому, что исторически важно. И мы утверждаем, что наше бытие – это история. Используя устную традицию, старую как человеческая память, мы перестраиваем наше прошлое» [1, с. 27]. При такой постановке главной причиной обращения гендерных историков к устной истории являлся источниковый голод. Как пишет Шуламит Рейнхарц, «поскольку именно мужчины создают в процессе своей жизнедеятельности больше письменных документов, то и

предметом анализа тех историков, которые используют архивные данные, становятся в первую очередь мужчины» [1, с. 45]. Соответственно в женских историях предметом анализа становятся женщины. При работе с ними важно учитывать гендерную принадлежность и вытекающие из нее особенности. Одни из них носят универсальный характер, другие обусловлены особенностями женской памяти и женского рассказа.

1. Среди универсальных особенностей устных источников в первую очередь необходимо обратить внимание *на субъективный процесс воспоминаний*. Именно процесс, а не оценки рассказчика, в чем часто упрекают устную историю. Сюжеты прошлой жизни не хранятся в памяти как в морозильной камере; при изъятии подвергаются корректировке. Реконструкция события – это моделирование того его ЗНАЧЕНИЯ, которое повлияло на жизнь рассказчика и его окружения в прошлом и в настоящем. Ал. Портелли считает, что устная история «рассказывает больше о значении события, нежели о самом событии... память не является пассивным депозитом фактов, это активный процесс создания значения» [4]. При извлечении из памяти это «значение» подвергается влиянию различных факторов, среди которых ведущую роль играют два – жизненный опыт ПРОШЛОГО и общественно-политический климат НАСТОЯЩЕГО. Происходящие трансформации этого значения в современной версии рассказчика неизбежны. Как говорит Дж. Сангстер, «чтобы дать контекст устным историям... необходимо изучить преобладающие идеологии, формирующие женские миры» (1, с. 65). Этот фактор нужно учитывать при интерпретации и женских, и мужских историй: «Люди предпочитают вспоминать историю по-разному в разное время и в том порядке, который отвечает их приоритетам в момент пересказа» (Ларри Е. Холмс) [1, с. 220].

2. При интерпретации устных историй необходимо выявлять и учитывать факторы влияющих на восприятие происходящих событий в прошлом и их интерпретацию в настоящем. Это представления, идеалы, установки, ценности, которые рассказчики получают из своего окружения – семьи, а также общества и государства. Надо определять степень зависимости от них. Индивидуаль-

ная память подвергается манипуляциям под влиянием формирующейся коллективной памяти, которая через ее материализацию в памятниках, ритуалах и т.п., может сильно менять картину прошлого как путем «приглаживания истории», так и наоборот, преувеличением. Особенно когда коллективная память культивируется в качестве скреп государственной политики или идеологии.

3. Несомненно, анализ женских историй необходимо проводить в связке с учетом социального статуса и социальной ступени, на которой находится рассказчица. От этого также зависит язык женских текстов и степень влияния внешних факторов. Известна закономерность, что трансформация памяти в женских историях тех социальных групп, которые менее всего причастны к политике или творчеству, а заняты будничной работой по содержанию семьи или зарабатыванию денег происходила медленнее. Находясь в стороне от государственно-общественных репрезентаций прошлого, они лучше сохраняют индивидуальную память, основанную на собственном жизненном опыте. Поэтому чем ниже был социальный статус, тем выше степень субъективной достоверности. И, наоборот, чем выше статус, тем больше трансформируется ее индивидуальная память. В последнем случае определения ими значения событий приближаются к мужским.

4. На устную женскую историю влияют особенности женской памяти. Расхожей фразой является утверждение, что «женщины зачастую помнят прошлое по-другому, чем мужчины». Например, Дж. Эттер-Льюис [1, с. 63] отмечает такие особенности, как «преуменьшение», «избегание точки зрения первого лица», более «редкое упоминание личных достижений». Одним из характерных для женских реконструкций прошлого является рассказ через «основные вехи жизни семьи», женщины «менее склонны выставлять себя в центре общественных событий, подчеркивая роль других членов».

5. Работа с женскими текстами требуют анализа языка – «прислушивание к женским словам» (Дж. Сангстер) [1, с. 65]. А это значит учитывать словарный запас, словесные трансформации, речевые обороты: «какие слова и отдельное значение важных слов», которые женщины используют для описания своей жизни, это поможет нам понять, как женщины адаптируются к культуре,

внутри которой они живут» (Катрин Андерсон и Дана К. Джек) [1, с. 86] Дают ключ к пониманию строения исторической памяти также «умолчания и пропуски в женских историях» (Дж. Сангстер) [1, с. 64]

Эти и другие факторы требуют как развернутой характеристики используемых устных источников при обосновании источниковой базы любой публикации, так и учета особенностей гендерной версии при введении их в научные тексты и их интерпретации в контексте научной логики.

Список источников и литературы

1. Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. Бишкек, 2001.

2. Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., ред. М.В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2003.

3. *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 168–176.

4. *Щеглова Т.К.* Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // *Исторический курьер*. 2020. № 5 (13). С. 8–22.

Л.Н. Попкова

Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Устная история американских женщин: переосмысление опыта феминизма XX в.

Американское женское движение начиная с 1990-х годов вступает в новую стадию, которую принято обозначать феминизмом третьей волны. В эпоху неоконсерватизма 1980-х массовая пресса радостно сообщила о конце феминизма и восстановлении утраченных в бурную эпоху 1960-х традиционных канонов женственности. Молодые активистки, назвавшие себя «бунтующими

девчонками» (“Riot Girls”), начали свой протест против консерваторов, за возрождение женского движения в Америке. Новое поколение феминисток стремилось критически переосмыслить опыт массового женского движения середины XX в. Создаваемые ими самодельные любительские журналы («зины») становились таким же пространством для обсуждения, проговаривания своего жизненного опыта, как и «группы роста сознания» 1970-х.

Исследовательницы обратились к собиранию и изучению устных историй женщин, чтобы лучше понять опыт «феминизма матерей», к которому у них накопилось много вопросов. Методология устной истории появляется в гуманитарном знании одновременно с «исследованиями женщин», она позволяла по-новому осмыслить проблемы субъективности и множественности идентичностей, определяла более глубокий уровень анализа женской коллективной памяти [1]. Исследователи исторической памяти подчеркивают, что изменение общественной ситуации влечет за собой создание иных нарративов воспоминаний об исторических событиях. Ключевой темой «третьей волны» становится проблема множественности видов неравенства и угнетения. Публикуя в своих журналах устные истории простых «забытых» женщин, они не только давали им голос, но в обсуждениях этих рассказов пытались найти новые идеи для формирования коллективной идентичности и мобилизации для протестных действий.

Впервые тезису либерального феминизма о существовании универсального женского опыта угнетения был брошен вызов со стороны афроамериканского феминизма. Уже в середине 1980-х годов теоретик этого течения Белл Хукс выступила с критикой идеологов движения 1960-х годов, игнорирующих в своих программах особый опыт угнетения женщин из расовых и этнических меньшинств. Вопрос, который становится актуальным, кто имеет право говорить от лица всех угнетенных групп? «Черные активистки, – писала Хукс, – обнаружили, что белые женщины считали своей ролью решать, какой опыт является аутентичным. Они делали нас “объектом” своего внимания. Быть “настоящим” черным означало разговаривать на местном просторечии бедняков, быть необразованным, нас могли услышать, только если наши заявления повторяли мнения доминирующего дискурса» [4, p. 11–12]. Голос женщин из разных социальных, расовых и этнических групп

подтверждал необходимость формирования нового подхода к борьбе против различных видов дискриминации.

Метод устной истории оказался способен не только раскрыть оставленные без внимания темы, но и дать основания для анализа конфликтных и травматических аспектов женского опыта. В интервью одна из активисток признавалась, что сама возможность говорить «своим голосом» дает представления о собственных возможностях и стратегиях сопротивления [3, р. 45]. В ходе интервью удавалось обнаружить сценарий, вокруг которого выстраивался женский рассказ. Самым важным оказывалась не информация о событиях, а о том, какое влияние оказало участие в протестах на жизнь женщин. Молчание или «забывание» унижительного жизненного опыта, такого, например, как насилие, говорило молодым феминисткам о собственных травмах. Публикуя истории в журналах, они подчеркивали, что «их задача открыто заявить о проблеме не только от своего имени, но и от имени того поколения женщин, которые только сейчас смогли заговорить, преодолев свой страх, чувство вины» [2, р. 184].

Открытием для исследовательниц стало то, что воспоминания рядовых активисток движения 1960-х годов концентрировались преимущественно вокруг событий частной, а не публичной жизни. В женских автобиографиях делался упор на то, как участие в акциях протеста меняло их мировоззрение и жизненную стратегию. «Я наконец-то осмелилась развестись со своим мужем после забастовки женщин 1972 г. Для меня личная независимость стала самым важным достижением того времени» [2, р. 189].

Объектом критического переосмысления опыта феминизма второй волны становятся воспоминания лидеров либерального крыла движения. К середине 1990-х годов были опубликованы интервью и воспоминания руководительниц Национальной организации женщин Бетти Фридан, Глории Стайнем, Бэллы Абцуг. Доминирующей чертой конструирования их версии прошлой борьбы стал дискурс «выбора». Он стал рамкой для выстраивания памяти о феминизме второй волны, как победе свободных женщин за право выбора своего жизненного сценария. В этом конструкте концепция «индивидуального успеха» становилась другой ключевой идеей. Лидеры «движения за права женщин» фак-

тически отождествляли успех движения с открывшимися возможностями для профессиональной карьеры белых женщин среднего класса. Устные истории женщин из непривилегированных социальных и расовых групп разрушали иллюзию о «свободе выбора» для всех женщин в Америке. В условиях отсутствия доступных детских садов, отпуска по беременности и уходу за детьми и других социальных прав, которых добились европейские женщины, американки формулировали задачи достижения равенства и справедливости.

Устная история помогла услышать голоса американских женщин, переосмыслить успехи и неудачи женского движения в США середины XX в., способствовала формированию феминистской стратегии на новом этапе. Солидарная борьба против всех видов социального неравенства и угнетения определила новые перспективы женского движения.

Список источников и литературы

1. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
2. *Different Wavelengths: Studies of the Contemporary Women's Movement.* Ed. by Reger J. N.Y.: Routledge, 2005.
3. *Heywood L., Drake J.* Third Wave Agenda. Being Feminist, Doing Feminism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
4. *Hooks B.* Feminist Theory: From Margin to Center. Boston: South End Press, 1984.

Е.В. Ануфриева

*Волгоград, Волгоградский государственный
технический университет*

Н.В. Дулина

Волгоградский государственный университет

Материалы устной истории как основа женской истории Сталинграда/Волгограда

Волгоград – российский город-миллионер, насчитывающий более чем 400-летнюю историю, за последние 100 лет сменивший

свое имя дважды: с 1589 г. он именовался Царицыном, бывшим до 1922 г. уездным городом Саратовской губернии, затем сам ставший центром Царицынской губернии. Город переименовали в Сталинград в 1925 г., областной центр Сталинградской области, имя которого стало известно всему миру в годы Второй мировой войны. В 1961 г. Сталинград стал Волгоградом, открылась новая страница истории города.

Каждому из этих периодов посвящены работы исследователей и, вполне объяснимо, что основная их часть посвящена истории Сталинграда периода Великой Отечественной войны. Вопросы обороны и наступления, восстановления и послевоенного строительства города, многие другие оказываются в поле зрения ученых. Одним из них является вопрос о роли женщин в жизни Сталинграда, о женщинах-защитницах, женщинах-медицинских работницах, о тех, кто восстанавливал город – участницах черкасовского движения, то есть чаще всего тех женщинах, чья жизнь и деятельность так или иначе были связаны с событиями Великой Отечественной войны.

Наверное, говорить о женской истории города как явлении, которое имеет место быть, еще рано. Пока, благодаря усилиям отечественных ученых, речь может идти о процессе институционализации российской «женской истории», «гендерной истории» [4, с. 61]. И, в данном случае, женская история города представляется феноменом интересным, малоизученным и, возможно, не бесспорным. Тем не менее историю и жизнь города Сталинграда/Волгограда невозможно представить без участия в ней женщин. Нам представляется важным то, что одним из источников по созданию женской истории Сталинграда/Волгограда являются материалы устных интервью. Устная история как метод исследования и как научное направление неоднократно оказывалась предметом нашей работы [1–3], что и подтолкнуло нас обратить внимание на материалы устной истории как источника, как основы для написания, создания женской истории города.

Наша работа, в настоящее время, сосредоточена на исследовании женской истории Сталинграда/Волгограда, рассказанная самими жительницами города Волгограда, которые родились в Сталинграде, их детство и юность пришлось на «доволгоградский»

период истории города. Методом исследования является глубинное, структурированное интервью. В структуре гайда четыре блока вопросов: первый – представление респондента, второй – образ города, третий – образ горожанки, четвертый – заключительный. Работа начата в марте 2021 г. На сегодняшний день взяты десять интервью. Наши собеседницы родились в Сталинграде в 1937–1954 гг. Рассказ о каждой из них заслуживает отдельного повествования. Не останавливаясь подробно на каждом рассказе, в рамках заявленной темы можно отметить следующее. Во-первых, город Сталинград/Волгоград имеет свою историю, которая в рассказах, «микроисториях» наших собеседниц несколько отличается от официальной истории города. Отличается именно той человеческой эмоциональностью, которую отмечают все те, кто применяет как метод исследования устную историю. Во-вторых, в устных историях, рассказанных нашими собеседницами, присутствует чувство любви к городу, чаще всего окрашенное печалью из-за того, что город детства и юности отличается от города зрелости и старости. Почти все сходятся во мнении о том, что «Сталинград был как бы единое целое, вот здесь все друг друга знали, как бы мы тут все родственники, а Волгоград уже здесь очень много у нас понаехало людей, те, которым уже было им все равно где было жить, им неважно» (ж., 1948 г/р). При этом имя города – Сталинград, подчеркивают наши собеседницы, было именем, которое «делало нас сплоченнее». Сталинград и сталинградцы, в воспоминаниях горожанок, характеризуются так: «было добродушие, любовь была к ближнему, заботились друг о друге».

Вопрос об изменениях в повседневной жизни после переименования города в Волгоград обозначил единодушное мнение. Собеседницы сказали, что «не принимали люди Волгоград. <...> Долго еще тетрадки подписывали *Сталинград*. Нас ругали за это, я помню, все равно писали *Сталинград* <...>. Даже вот сейчас, когда спрашивают: “Ты где родилась?”. Я всегда говорю: “В Сталинграде”. Нет такого города!» (ж., 1948 г/р). «Сталинград хочется <...> вернуть <...> это сейчас я понимаю <...> легендарный, этот самый, город был, и взяли его, поменяли в Волгоград.

То есть Волгоград он – никакой, вот в чем дело. Сейчас я понимаю... – никакой. Волга и Волга. Волгоград[ом] можно назвать любой город по Волге, переименовать таким образом» (ж., 1946 г/р).

В завершение нашего краткого повествования остановимся еще на одном вопросе, ответ на который очень интересен. Спросив о том, какое лицо у города Сталинграда/Волгограда, мы получили ответ: женское лицо. «Женское, конечно. Женщины все тащат на себе, у нас мужчины только руководят. Конечно, женское. У нас даже на восстановлении кто работали? Женщины. Массы-то все были – женщины. Я понимаю, что мужчины воевали, но все равно больше было женщин. <...> Лицо (женщины), я так бы сказала до 40 лет, та, которая уже более зрелая, поняла жизнь» (ж., 1948 г/р).

Подводя некоторые итоги, можно предположить следующее. История каждого города, как и его жизнь, богата событиями, фиксируемыми историками, краеведами, исследователями социальных и гуманитарных проблем, что нашло выражение в формировании исторической урбанистики как нового, междисциплинарного научного направления. Вполне уместными становятся материалы устной истории, которые являются важным источником по женской истории города, в частности такого города, как Сталинград/Волгоград.

Список источников и литературы

1. *Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.* Женщины и война: повседневная жизнь в устных историях современниц событий времен Великой Отечественной войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 3-х частях. Волгоград, 2020. С. 235–239.

2. *Ануфриева Е.В., Дулина Н.В.* Устная история Великой Отечественной войны: на перекрестке коммуникативной и исторической памяти // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА

РАН. В 2-х частях / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 1. С. 249–253

3. *Ануфриева Е.В.* «Oral history» / Устная история как направление и как метод изучения истории Великой Отечественной войны // Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень / под общ. ред. Р.С. Жаркынбаевой, Е.В. Ануфриевой; Казак университеті. Алматы, 2020. С. 237–246.

4. *Пушкарева Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.

Н.В. Шалыгина

*Москва, Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Нарратив как метод изучения ресоциализации русскоязычных женщин-иммигранток в США

В докладе анализируются особенности нарративного метода изучения женской повседневности в среде современных русскоязычных иммигрантов США (2000-е годы). В отличие от исследований миграционных процессов прошлых десятилетий, ориентированных на социально-экономические аспекты адаптации иммигрантов в инокультурной среде (структурная ассимиляция), сегодня значительно больше внимания уделяется антропогенным факторам «вживания» в так называемое принимающее общество (культурная ассимиляция), и одним из наиболее приемлемых методов изучения повседневной жизни иммигрантов все чаще становится нарратив.

Устойчивый рост интереса к нарративу наблюдается в социальных науках с начала 1980-х годов. Отвечая на вызовы постпозитивистской науки, к проблемам повествования обратились история (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит), социология (Э. Гидденс, К. Рисман, Ф. Шюц), антропология (К. Гирц), психология и ряд других дисциплин. Несмотря на длительную традицию исследования нарратива в лингвистике (Ж.М. Адам, Ж. Женетт, М. Баль,

В. Шмид, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс и др.), понятие быстро вышло за ее пределы, расширив спектр своих тематических возможностей. Если на первом этапе нарратив понимался преимущественно как автономно существующий текст, то позже интерес распространился и на процесс наррации, т.е. в нем стали видеть не только акт семантической организации текста, как это принято у лингвистов, но и коммуникативный акт [3].

Использование нарративного метода антропологами представляется особенно продуктивным для изучения так называемого женского мира иммигрантов, где вербальные коммуникации имеют приоритетное значение для адаптации. Живое общение женщин на родном для них языке в иноязычной среде становится одним из важнейших факторов снижения психологического напряжения и едва ли не основным ресурсом восстановления внутреннего баланса в повседневной жизни.

Классическая теория повествования считает отличительной чертой нарративных текстов «преломление повествуемой действительности через призму восприятия нарратора» [4], акцентируя, таким образом, внимание на центральной роли индивидуального сознания в процессе наррации. Однако в последнее время нарратив все чаще рассматривается как своего рода «языковая игра», в которой именно посредством языка формируется идентичность [6; 7]. В условиях иммиграции последнее обстоятельство, понимаемое автором данного доклада как активизация коммуникативных навыков, дает женщинам больше шансов не только быстрее адаптироваться, но и достигать больших успехов в социализации по сравнению с мужчинами.

Процесс социализации в иммиграции сегодня принято рассматривать как ресоциализацию, т.е. вынужденное и сознательное обновление ценностных предпочтений в изменившихся условиях. На основании проведенных автором доклада полевых исследований среди русскоязычных иммигрантов США в начале 2000-х годов были выявлены так называемые «травмы женской идентичности» [1], представляющие собой рефлексивное переживание поворотного момента в своей судьбе как освобождение самосознания от уже прожитых сценариев ради формирования установки на построение «новой судьбы». Такие поворотные

моменты являются отличительной чертой женских нарративов и особенно актуализируются в инокультурной среде, которая предположительно способна «дать больше степеней свободы, или больший простор для поворота» [2].

В личных нарративах или, по определению психологов, «нарративах культурной идентичности» [5], русскоязычные женщины-иммигрантки всегда и преднамеренно сохраняют напряженность коллизии между своим «Я» и социокультурной средой через эмоционально насыщенный рассказ об утраченном мире и готовности/неготовности принять мир новый.

Подобного рода драматургия, воспроизводящая историю постепенного переформатирования культурных ориентиров, представляет собой несомненный интерес для изучения процессов ресоциализации, так как «расколдовывает» возможности женщин-иммигранток посредством нарратива перестраивать собственную идентичность в условиях инокультурной среды.

В качестве вывода предлагается утверждение, что нарратив является одним из самых устойчивых и востребованных культурных механизмов, обеспечивающих позитивную ресоциализацию в иммигрантской среде. При этом речь идет не о механическом оперировании социальной информацией, а о тонком и сложном процессе конструирования новой личностной идентичности в среде русскоязычных иммигрантов США новейшего времени.

Подготовлено по гранту РФФИ 19-09-00191 и Программе НИР ИЭА РАН.

Список источников и литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. 1 (2). С. 9–29.
3. Пушкарева Н.Л. Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31–40
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.

5. *Gone J.P., Miller P.J., Rappaport J.* Conceptual Self as Normatively Oriented: The Suitability of Past Personal Narrative for the Study of Cultural Identity // *Culture and Psychology*. 1999. Vol. 5 (4). P. 371–398.

6. *Harré R.* Metaphysics and Narrative: Singularities and Multiplicities of Self // *Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture* / Ed. J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 59–73.

7. *Harré R., Gillett G.* *The Discursive Mind*. L.: Sage, 1994.

В.А. Веремко

Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Гендерный ракурс изучения прислуги пореформенной России: возможности нового методологического подхода

Прислуга, выполнявшая многочисленные обязанности по дому и при этом находившаяся «в тени», долгие годы оставалась столь же незаметной фигурой и для исторической науки. Только в последние годы появились работы, исследующие социальный состав, специфику статуса, особенности профессиональной деятельности и повседневной жизни домашней, домово́й и общественной прислуги [6]. При этом анализ данной социальной группы осуществлялся преимущественно в русле социальной истории и истории повседневности. Вместе с тем крайне продуктивным и во многом единственно возможным является исследование этой категории населения с позиции гендерного подхода.

При значительной вовлеченности в услужение как сферу занятости и мужчин, и женщин (последние составляли подавляющее большинство домашней прислуги [5]) именно гендерная принадлежность оказывалась тем маркером, который определял ожидания и требования нанимателя, форму организации деятельности работника, характер его наименования.

Изначально более высокая стоимость мужской прислуги делала ее индивидуальный долгосрочный найм крайне нерациона-

нальным для пострадавших в результате пореформенной модернизации городских семейств среднего и даже высшего достатка. Востребованность же ее услуг сохранялась. Ответом на данное противоречие стало формирование артельной организации труда мужской прислуги, предлагавшей потребителю временный краткосрочный найм по твердой таксе (напр., артель носильщиков) или возможность совместной оплаты ежедневного постоянного труда общего для группы нанимателей работника (напр., артель дворников) [3]. Анализ многочисленных уставов разнообразных артелей, действовавших в городах России, демонстрирует строгие ограничения на прием в организации женщин. И хотя в начале XX в. в России стали появляться ранее немыслимые сторожихи, дворничихи, буфетчицы, официантки, извозчицы и т.д., в массе своей они были одиночками, не имевшими возможности войти в артель. Последнее обстоятельство лишало таких женщин минимальной социальной защиты (пособий при потере работы или в тяжелой жизненной ситуации, установленной в договоре гарантии прав, судебной помощи и т.д.), которая уже была вполне привычна мужчинам, положившим начало отечественной сферы услуг [7].

Отражались происходившие изменения и на самом наименовании лиц, находящихся в услужении в России во второй половине XIX – начале XX в. С одной стороны, общеупотребимый термин «слуги» (множественное число от «слуга» – мужской род) постепенно уступил место «прислуге» («прислуга» – женский род), что отражало качественное изменение гендерного состава данного контингента работников. С другой стороны, помимо традиционного парного обозначения лиц разного пола, занимавшимся схожим трудом (дворецкий/экономка, повар/кухарка; лакей/горничная), появились новые, формировавшиеся путем добавления суффикса «их» (швейцариха, дворничиха, сторожиха, повариха) [1].

И для нанимателей, и для самих работников «женские» наименования изначально предполагали более «узкий» функционал и, соответственно, меньшую зарплату. Так, от повара ждали, что он будет мастером кулинарного искусства, а от поварихи (кухарки) – чтобы «стряпать» вкусно умела. Недаром последние, желая

подчеркнуть высокий уровень собственной квалификации, характеризовали себя в рекламных объявлениях как «кухарка за поваром». Аналогичное значение имело и предложение «горничной за лакея» [см., напр., 4]. В обоих случаях претендентки на данное звание желали получать зарплату большую, чем обычно предоставлялась женщинам, хотя и меньшую, чем получал мужчина на данной должности.

Аналогичный подход касался не только домашней, но также домово́й прислуги и особенно прислуги общественных учреждений. Так, швейцар, по общему мнению, – всезнающий и все подмечающий человек, тонкий психолог. Сторож – не только охранник, но и курьер, вообще «мастер на все руки», обеспечивавший порядок в конторе. В отношении же швейцарихи, дворничихи и сторожихи кроме выполнения прямых обязанностей ни хозяева, ни обыватели особо ни на что не рассчитывали [2].

Вместе с тем кажущиеся нам сейчас пренебрежительными и даже оскорбительными наименования – швейцариха, дворничиха, сторожиха и т.д., в представлениях современников не имели эмоциональной окраски, а просто обозначали то, что данные обязанности выполняет женщина (аналогично: учитель–учительница, буфетчик–буфетчица).

Таким образом, только использование гендерного подхода при анализе статуса, деятельности и повседневной жизни пореформенной прислуги в России дает возможность охарактеризовать формы и характер занятости, уровень ее заработка, ожидания нанимателей по отношению к лицам, работавшим в услужении, те характеристики, которые вкладывали современники в наименование работника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Список источников и литературы

1. *Веретенко В.А.* Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 1. С. 181–191.

2. *Веретенко В.А., Крылова Е.Н.* Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 210–218.

3. *Веретенко В.А., Самарина Л.А.* Мужская прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: от дворни к артели // PRZEGLĄD WSCHODNIOEUROPEJSKI. 2019. № X/2. С. 35–49.

4. Новое время. 1880. 6 февраля.

5. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года. СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905.

6. *Самарина Л.А.* Российская прислуга второй половины XIX века в современной историографии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 105–113.

7. *Самарина Л.А., Семенов А.М.* Цели и средства касс взаимопомощи для прислуги в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Клио. 2020. № 12. С. 93–99.

Е.Ф. Фурсова

Новосибирск, Институт археологии и этнографии СО РАН

Особенности методов полевой этнографической работы в Сибири: коммуникационный и гендерный аспекты

В системе методов российской этнографической науки полевые методы занимают особое место. Методы наблюдения используются для сбора качественных данных и достижения глубинного понимания объекта исследования (этноса, этнической группы) и этно-социокультурных процессов. Вспомним, что российское народоведение XVIII в. рождалось не в кабинетах, а в путешествиях, таким образом, российская этнография с самого своего зарождения опиралась на полевые источники почти на сто лет раньше западной антропологии [1, с. 17]. Работы, выполненные на основе странствий, имеют долгую жизнь, так как «научная значимость образа народа (этнография) ничуть не ниже его теоретического осмысления (этнология), и у этнографического образа

есть шанс войти в нетленный фонд науки, тогда как опыт этнологического теоретизирования может остаться сиюминутным и ситуативным» [1, с. 7].

Этнограф может получать информацию о различных компонентах культуры от самих носителей этой культуры. Затем информация подвергается отбору, классификации, научной обработке (описание, черчение, рисование и пр.), осмыслению. Однако именно на первом этапе должен состояться контакт с человеком – носителем знаний об этнической культуре. Анализ проблем взаимодействия исследователя и «поля» мало освещен в нашей научной этнографической литературе. Бытует передаваемая из поколения в поколения истина, что плох тот этнограф, которого не накормят, не напоят и не предложат переночевать его информаторы, т.е., по сути, незнакомые люди. Когда приезжают этнографы/антропологи из города и представляются учеными неведомой науки (в 1970–1980-е годы автор поясняла, что они «историки и приехали писать историю», так как слово «этнография» ни о чем не говорило), первая задача заключается в том, чтобы снять напряженность и просто расположить к себе сельских жителей. Слишком много испытаний и потрясений пережили крестьяне/колхозники на своем веку с детства (политическое и идеологическое давление в 1920–1930-е годы, войны, историческая травма от политики «укрупнения деревень» и проч.), чтобы сразу открыться незнакомому человеку, даже если он похож на тебя и говорит на одном с тобой языке. Конечно, работать в среде родственного народа (это принято называть «гомогенностью исследователя») совсем иное дело, чем собирать материал среди носителей иной культуры и языка, когда приходится разговаривать через переводчика.

Тем не менее в 1970-х годах, по молодости, нам казалось забавным, когда после откровений и рассказов жизненных историй какая-нибудь бабушка, вдруг спохватившись, бежала за нами вслед и тревожно спрашивала: «А что, девки, не посадят ли меня, может, что не так сказала?». Пожилые мужчины в Среднем Приобье могли начать рассказ о своем прошлом с сообщения, что «сидели» и мало что помнят, кроме Нарыма. Глубину этих пере-

живаний понимаешь, когда в процессе проведения полевых исследований в Томской области постоянно встречаешься с пожилыми людьми, родители которых были сосланы как эксплуататоры, «за сеялку и веялку». В полевой практике мы столкнулись с концентрацией в этом районе ссыльных крестьян-старожилов со времен политики «раскулачивания» («раскрестьянивания»), потому что старожилы (обычно называются «чалдонами») являлись наиболее зажиточными и по этой причине в большей степени подверглись репрессиям. Многие местные жители вспоминали, как были обобраны до нитки в родном селе и в качестве «кулаков» сосланы в эти края с родителями в детском возрасте.

Когда за плечами более сорока лет полевых этнографических экспедиций, можно составить определенное представление о ключевых качествах для профессии этнографа. Помимо профессиональных исторических знаний, этнограф должен обладать несколькими способностями. Этнографу нужно, во-первых, любить путешествовать, потому что путешествия в этнографических экспедициях очень часто бывают затруднительными, некомфортными в бытовом плане: например, перемещения в палатках из одного населенного пункта в другой, ночевки у информаторов и проч. Второе качество, необходимое для человека, который решил заняться этнографическими исследованиями, можно охарактеризовать как любовь к людям: нужно уметь разговаривать с людьми и настраивать их на положительный тон общения. Знания наших информаторов действительно важны и для науки, и для народа, и для нашей страны. Поэтому в нашей профессии без любви и уважения к человеку, к конкретному информатору, стать профессионалом невозможно – ты просто не сможешь создать себе соответствующий источник. И, наконец, третье качество – это умение увидеть во время сбора материала какие-то моменты, которые помогут решить поставленную задачу (межкультурные, межэтнические взаимоотношения, проблемы этнокультурной идентичности) [3].

Наконец, работа в полевых условиях предполагает коммуникации не только с носителями традиций, но и с потомками наших информаторов, сельской молодежью. На конференции, посвященной исследованиям в области женской истории, нельзя не затронуть тему гендерных отношений: например, молодых селян,

как правило, парней допризывного возраста и студенток и аспиранток ВУЗов. Первые всегда воспринимали девушек как бывших «городских невест», вторые – пытались сосредоточиться на сборе материалов для курсовых, дипломных работ. Из-за различия изначально диаметрально противоположных установок возникали недоразумения, обиды и даже выраженная агрессия по отношению к «незванным гостям», игнорировавшим внимание мужской части населения.

По причине того, что Сибирь является территорией относительно позднего, с XVI в., освоения русским народом, здесь выработались свои методы сбора материала, подходов к его подборке. Важнейшее значение приобретает методика сравнительного полевого исследования, или «синхронизации полевых материалов», заключающаяся в сборе необходимых этнографических данных не только на местах современного проживания представителей этнокультурных групп, но и предположительного или достоверного места жительства их прадедов в Европейской России, Польше и проч. Практическое применение подобного метода уже позволило собрать необходимый этнографический материал, предоставляющий большие основания принять или отвергнуть высказанные ранее утверждения [2].

Для полевых работ в сибирских условиях многочисленности групп восточнославянских народов и вариативности их традиций актуально сопоставить мнение о себе от носителей, например, старожилов, и альтернативное мнение их соседей – поздних переселенцев пореформенного и столыпинского периодов («расейских»). Опора на внутренний и внешний (эмный и этный) подходы, понимание самого Себя и Другого в полевой этнографической практике является неотъемлемой частью исследовательского процесса. Это необходимо делать, чтобы избежать соблазна отталкиваться не от эмпирического материала, а от воображаемого конструкта, а также предотвратить постулирования заранее высказанных утверждений.

Список источников и литературы

1. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.

2. Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В. и др. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014.

3. Хужина Я.Р. Эх, Масленица, да ты красавица! Интервью с Е.Ф. Фурсовой. Женщины в науке // Научная Россия. 11.03.2021. <https://scientificrussia.ru/articles/eh-maslenitsa-da-ty-krasavitsa>

Н.Н. Козлова

Тверь, Тверской государственный университет

С.В. Рассадин

Тверской государственный технический университет

**Новые методы в фамилистике: сетевой анализ
региональных семейных практик в современной России
(на материалах Тверской области)**

Фамилистика как комплексная наука о семье находится в поиске новых методов исследования. В условиях процесса цифровой трансформации общества одним из методов изучения семьи может стать сетевой анализ. Данный метод был разработан в рамках концепции сетевого общества, согласно которой создается новое пространство для осуществления жизненных целей (М. Кастельс). Возможности использования интернет-пространства как среды проведения научных исследований в области фамилистики и женских/гендерных исследований отмечается в трудах отдельных российских ученых [1; 3]. В пространстве online циркулируют дискурсы, артикулирующие семейную, демографическую, гендерную проблематику, отражающие ценности, установки и пр. членов семьи. В рамках межрегионального научно-исследовательского проекта «Государственная семейная политика как фактор устойчивого развития государства: сетевой анализ региональных практик в современной России» (2020) авторы данной статьи анализировали следующие сетевые ресурсы с 2014 по 2020 гг.: группы «ВКонтакте», «Подслушано в Твери...», сайты

общественных объединений, аккумулирующих усилия родительских сообществ, а также официальные ресурсы органов государственной власти, непосредственно связанных с разработкой и реализацией семейной политики, с целью выявить контекст восприятия членами сетевых групп семейных проблем, их интерпретацию причин и способов решения данных проблем, сюжеты семейных нарративов, методы и ресурсы мобилизации семей в рамках различной проектной деятельности, анализ и оценку государственной семейной политики в РФ и т. д.

Общественный и государственный дискурс относительно семейной политики отчасти сопрягается, отчасти нет. В общественном/гражданском дискурсе сетевых ресурсов Тверской области обсуждается широкий спектр частных и публичных проблем, среди которых по степени актуальности можно выделить следующие: льготы и выплаты на детей (38 кейсов), семейные праздники (22 кейса), семья в трудной жизненной ситуации (21 кейс), товары и услуги для семьи (20 кейсов), внутрисемейные проблемы (16). Пристальное внимание к различного рода выплатам от государства объясняется низким уровнем благосостояния многих тверских семей: «Безусловно, я люблю своих сыновей, они – моя жизнь. Но черт подери, их нужно кормить, одевать. На что? Зарплаты мужа хватает лишь на ипотеку, кредит на машину... Пошла бы работать, с огромным удовольствием! Финансовые проблемы бы скорее ушли из семьи. Но детей не с кем оставить. Нянечкам доверить их не могу, слишком [много] страшных случаев и историй за последнее время в новостях. Такие проблемы только у меня, интересно?» [2]. Еще больше экономических проблем артикулируется многодетными семьями. Для решения данных вопросов сетевые сообщества осуществляют мобилизацию, публикуя объявления следующего содержания: «В Торжокском районе в канун Рождества волонтеры собирают денежные средства на покупку стиральной машины для Многодетной семьи, в которой проживает девять детей. Помочь может каждый» [2]. Учитывая, что в период пандемии COVID-19 и связанных с ней локдаунов, массовых увольнений, экономического спада резко возросла потребность семей в финансовых средствах, сетевые сообщества

стали активно размещать актуальную информацию с официальных сайтов органов государственной власти по вопросам материальной поддержки семей.

Пользователи сетей в Тверской области пытаются найти решения личных, внутрисемейных отношений, затрагивающих гендерный порядок, в частности, распределение ролей и обязанностей в семье между супругами. Большую озабоченность проблемами семейной жизни высказывают женщины, выкладывая на страницы социальных сетей обиды, претензии к членам семьи, но в ряде случаев вопросы задают мужчины: «Почему вы считаете, что домашние хлопоты – это только женская обязанность? А что тогда мужская? Гвоздь в стену забить? Но, подождите, гвоздь в стену вы не каждый день забиваете, а домашние дела нужно делать ежедневно. Почему все это должно лечь на хрупкие женские плечи?» [2].

В соцсетях регулярно публикуются child free взгляды, которые в то же время не стали трендом в Тверской области. В социальных сетях публикуются «женские рассказы», в которых отражаются мечты женщин о семейном счастье, благополучии, заботе со стороны «сильной половины». Встречаются и жесткие позиции мужчин, критикующих девушек и женщин, рассчитывающих только на финансы своих мужей: «Частенько дамы пишут здесь, что мужчина обязан содержать их и как обычно свои интересы объединяют с потребностями “семьи”. Подтверждения их желаниям нет ни в одном законе. Есть только фраза: Супруги обязаны материально поддерживать друг друга. Ст. 89 СК РФ. Т.е. мужчина должен поддерживать женщину, а женщина – мужчину. А не кто-то один другого содержать. Так что, женщины, вам никто ничего не должен» [2].

Сетевые сообщества в Тверской области обсуждают проблематику, связанную с условиями безопасности детей: многочисленные сообщения о гибели детей в ДТП, смерти от рук собственных родителей, выпадении детей из окон создают впечатление, что Тверь является криминальной столицей Верхневолжья. В социальной сети «ВКонтакте» также отражены конфликтные ситуации жителей области с органами государственной власти и местного самоуправления по вопросам реализации семейной политики – мусорная реформа, борьба с поборами в школе и другие

сложности, вызванные необходимостью обучения в дистанционном режиме в условиях пандемии COVID-19.

Таким образом, сетевые сообщества Тверской области обсуждают широкий спектр семейных проблем. Значительное количество поднятых общественностью вопросов свидетельствует о напряженности между гендерным порядком и семейной политикой. Семьи с детьми артикулируют ценности социального государства – материального благополучия, доступного образования и здравоохранения, условий для безопасной жизни. Сетевое сообщество в Тверской области стремится мобилизовать имеющиеся ресурсы для решения данных вопросов, но их явно недостаточно для системной работы в этом направлении.

Список источников и литературы

1. *Гнедаш А.А.* Идеологический дискурс и общественная повестка дня современных сетевых сообществ рунета: кейс-стади online-сообщества «мама» // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всерос. науч. конф. РАПН с международным участием. Москва, 6–7 декабря 2019. М.: Моск. педаг. гос. ун-т, 2019. С. 106–107.

2. Подслушано. Тверь и Тверская область [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/tver_podslushano (дата обращения: 12.02.2021 г.).

3. *Чернова Ж.В.* Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 6–23.

Л.В. Дерябкина

Независимая исследовательница

История возникновения и развития «академического волонтерства» на примере Хайфского феминистского архива

Сохранение «женских голосов» в мировой истории связано со второй волной феминизма, которая стимулировала возникновение женских исследований в академической среде. Однако становление женских, гендерных дисциплин происходило благодаря

бескорыстному энтузиазму ученых, активисток, занимающихся разработкой гендерной теории, ее основных методов в Израиле. Один из таких проектов, возникших на добровольных началах – это Хайфский феминистский архив, который с 1970-х годов занимается сбором различных исторических источников, относящихся к еврейскому феминистскому движению в Израиле, а также затрагивает и историю мирового феминизма, борьбы за достижение гендерного равенства. С 1980-х годов данный архив – это часть Хайфского феминистского института и исследовательского центра «Женщина женщине» (Isha l'Isha). Думается, следует рассмотреть историю становления наиболее крупного феминистского архива в Израиле, а также механизмы, которые, будучи изначально основаны на волонтерских началах, включили в себя еще и исследовательский институт, а также смогли занять одно из ведущих мест в стране по борьбе с гендерной дискриминацией. Опыт Израиля может быть полезен для выстраивания широкой сети архивов в рамках не только одной страны, но и тесного взаимодействия различных этнических, культурных сообществ.

Одной из ключевых задач было рассмотреть активистскую деятельность израильтянок от возникновения архива и включения источников личного происхождения, процессы отбора материалов. Не менее важно было проследить расширение феминистской повестки от элитарного «белого феминизма» через постколониальный поворот [1] к интерсекциональности и переосмыслению прошлых опытов. Немаловажно обратить внимание на внутреннее устройство архива, где попытка создать горизонтальные связи в управлении архивом, а также регулярная смена администрации способствует сохранению академического сообщества, без подчеркнуто властных иерархических отношений. Такие формы взаимодействия не случайны в израильском обществе. Еще в догосударственный период в первых поселениях пытались поддерживать систему горизонтальных связей в руководстве киббуцев, мошавах – в которых принятие решений реализовывалось через общие собрания всего поселения [2]. Сами социальные институты создавались под сильным влиянием социалистических идей, поэтому система феминистского архива, построенная

как на идеях социализма, так и на левых идеях западноевропейских феминисток, а также особенности израильского общества позволили выстроить устойчивую систему управления данной структурой. Система взаимопомощи, делового «корпоративного» единства, волонтерства – были развиты среди иудеев Палестины и в период проживания в догосударственный период (ишув). Однако, патриархатный характер «молодого» государства, созданного в 1948 г., а также влияние иудейского религиозного сектора на еврейское общество способствовали развитию и финансированию государственных программ, направленных на социальные проекты, которые не затрагивали повестку равноправия или защиты дискриминируемых сообществ.

Ситуация стала меняться под влиянием новых олим («олим» – новые репатрианты) из стран Западной Европы и США. 1960-е годы принесли западноевропейскому миру вторую волну феминистского движения, которая откликнулась в Израиле в начале 1970-х, когда группа активисток в Хайфе приняла решение о сборе источников по истории феминизма и гендерных исследований в стране. По словам активистки Сараи Ахарони, работающей в центре с 2007 г.: «Феминистские архивы в Израиле не пользуются ни государственной поддержкой, ни признанием, их курирует группа добровольцев. И в них такие сокровища! Все обсуждают: что должно и не должно быть в архивах? К каким материалам должен быть открыт доступ? Как оцифровать материалы? Как обеспечить ресурсы для обработки материалов?» [3] Все эти вопросы задавали себе первые группы феминисток, которые решили сохранить для истории прежде всего свои документы. Но сбор материала носил сугубо волонтерский характер, так как в начале 1970-х годов нельзя было представить, чтобы правительство выделило какие-либо средства на сбор и хранение документов. Первый толчок для развития феминистской активности связан с репатрианткой из США Марсией Фридман. Вместе со своими единомышленницами они организовали кружок в Хайфе, который и послужил началом феминистского движения и стал основой архива.

За первые годы на волонтерских началах удалось собрать большое количество материала, и уже в 1980-е годы, как было

отмечено выше, архив стал частью Хайфского феминистского института и исследовательского центра «Женщина женщине» (Isha I'isha). Можно предположить, что расширение собранных материалов стало препятствием для сохранения архива небольшим количеством участниц, поэтому понадобилось включение и других активистских групп. На данный момент архив существует при поддержке членских взносов в размере 120 \$ в год (однако оговаривается, что сумма вносится добровольно). Непосредственно сбор и накопление информации по феминистскому движению в Израиле зависели только от инициативы первых волонтеров, которые хотели прежде всего развивать гендерное равенство в стране и обсуждать вопросы насилия, аборт, гражданских браков публично, опираясь на исследовательский потенциал своих единомышленниц. Это было связано с тем, что в 1970-е годы борьба за права дискриминируемых сообществ развивалась в ограниченных небольших группах, и лишь благодаря тому, что Марсия Фридман стала депутатом Кнессета в 1974 г., Хайфский феминистский кружок был вовлечен в публичное поле.

Следующий этап развития связан с тем, что к накопленным материалам исследовательницы стали добавлять новые гендерные теории, особенно делая упор на квир-исследования, что послужило увеличению фондов архива и включением последнего в институции. При таком развитии событий была необходима широкая база, поэтому был ускорен процесс каталогизации и систематизации. Это привело к необходимости увеличения финансирования, а также более масштабному привлечению добровольцев. Именно на этой стадии включились ученые-волонтеры, например, Ханна Сафран, которая, работая в архиве, стала исследовать феминистское движение в Израиле. На сегодняшний день Хайфский феминистский архив заключил договор с исследовательским университетом Брейндайса в США. Благодаря такому сотрудничеству израильский феминизм сможет расширить свои возможности, так как именно в Соединенных Штатах проживает примерно около 5,5 млн евреев, а в самом Израиле чуть более 6,5 млн евреев. Но даже учитывая финансовые возможности Брейндайского университета, необходима квалифицированная волонтерская работа, как с израильской, так и с американской

сторон. И здесь следует уточнить, что требования к исследователям-волонтерам в наш век цифровых технологий значительно повысились. Это осложняет участие в работе большого числа активистов и снижает темпы накопления документальных материалов Хайфского феминистского архива.

Список источников и литературы

1. *Стивак Гайятри Чакраворти*. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001. С. 649–670.

2. *Федорченко А.В.* Экономика Израиля. М., 2004. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/916/9166960e6ad31ea9a175e1d05b90f286.pdf>

3. Feminism in Israel. Feminism and Israeli-Palestinian Peace: an interview with Sarai Aharoni. 2018 / Fathom. URL: <https://fathomjournal.org/women-and-feminism-in-israel-feminism-and-israeli-palestinian-peace-an-interview-with-sarai-aharoni/>

М.А. Жигунова

Омск, Новосибирск,

Институт археологии и этнографии СО РАН

Гендерный аспект традиционной культуры в современной деятельности музеев Сибири

Исследованиями по гендерной тематике занимаются антропологи, историки, культурологи, лингвисты, педагоги, политологи, психологи, социологи, философы, экономисты, этнографы, юристы и др. Для дальнейшего и глубокого изучения необходимо расширение дисциплинарных границ [2, с. 201; 3]. Целесообразность гендерных исследований в музейной сфере не вызывает сомнений, поскольку **современные музеи** превращаются в сложную многоуровневую систему, выполняющую целый ряд социокультурных, историко-познавательных, воспитательных, развлекательных и других функций. Несмотря на то, что существует Международная Ассоциация Женских Музеев **IAWM** (в которой

зарегистрировано 83 реальных и виртуальных музеев) [1], целенаправленные комплексные научные изыскания по этой проблеме практически отсутствуют.

В докладе автор рассматривает заявленную тематику под новым углом зрения, используя гендерные, культурологические, этнографические и музеологические подходы. При этом применяется многолетний личный опыт работы с фондами и экспозициями различных музеев Сибири (начиная с 1985 г.), участия в научно-практических конференциях и семинарах, а также – опубликованные музейные каталоги, буклеты выставок и экспозиций. Музей, отражая культуру, несет в себе ее огромный информационный пласт. Реконструкция «картин мира» прошлого и настоящего на базе этнографических и музейведческих источников может позволить охарактеризовать историческую эпоху, традиционный быт, особенности психологии, семейного уклада, положения мужчины и женщины, т.е. те самые «координаты» гендерной составляющей культуры [4].

Сибирь представляет особый интерес, поскольку является территорией многовекового взаимодействия различных народов, религий, культур, а также – хозяйственных укладов, ремесел и промыслов [6]. Сегодня здесь проживают представители около 200 национальностей, среди которых явно доминируют русские. В большинстве музеев Сибири этнографические экспозиции имеют однородный характер и являются главным транслятором традиционной культуры. Можно выделить два основных вида презентации ее гендерных аспектов. Первым является демонстрация традиционных жилищ, где в полной мере прослеживается характер, быт и нравы народа. Особой широтой их представления отличаются архитектурно-этнографические комплексы, музеи-заповедники и музеи под открытым небом («Ангарская деревня», «Старина Сибирская», «Тальцы», «Томская писаница», «Торум Маа», «Тюльбергский городок», «Шушенское» и др.). В них представлены подлинные или воссозданные жилые, хозяйственно-бытовые и культовые постройки, предметы, характеризующие различные занятия и промыслы, религиозные культы, средства передвижения, орудия охоты и рыбалки, традиционные одежда и обувь, мебель, утварь и др. – все, что окружало человека в повседневной жизни.

Музейные предметы (наделенные особыми качествами и символикой, несущими понимание системы межличностного взаимодействия, посредством которого создается, подтверждается и воспроизводится представление о «мужском» и «женском» – категориях социального порядка) экспонируются в четко определенном пространстве традиционного жилища. Презентация поло-ролевой структуры осуществляется через предметы, относящиеся к мужской или женской хозяйственной и иной деятельности. Как правило, мужчину характеризуют средства передвижения и дорожная утварь, рыболовные и охотничьи принадлежности, предметы земледелия и животноводства, горнорудных и лесных промыслов, плотницкие и столярные инструменты. Традиционная роль женщины – хранительницы домашнего очага и матери – подчеркивается соответствующими деталями интерьера жилища, домашней и кухонной утвари, наличием предметов по уходу за детьми. Одной из основных разновидностей женской деятельности у восточных славян являлось прядение и ткачество, о чем свидетельствует наличие многочисленных прялок, вертикальных и горизонтальных ткацких станков, веретен и пр. Также во многих экспозициях представлены предметы, характеризующие собирательство.

Презентация гендерных аспектов традиционной культуры осуществляется также посредством организации специализированных музейных выставок (через демонстрацию соответствующих видов одежды и обуви, предметов вооружения, труда и быта, обрядовых принадлежностей, музыкальных инструментов, украшений). В открывшемся Центре «Эрмитаж-Сибирь» (г. Омск, 2019 г.) первой была представлена выставка «Сжимаемая рукоять меча... Воинская культура и оружейные традиции Ближнего Востока». Но, в большинстве своем, музейные экспозиции представляют женскую историю, женские образы и женское творчество. Например, в музее «Торум Маа» большим успехом пользовалась выставка «Ханты ими хот – Очаг хантыйской женщины» из цикла «История семьи в истории страны – след прожитой жизни». Современная музейная деятельность позволяет демонстрировать не только местные, но и уникальные коллекции из различных музеев России. Так, в Омском государственном историко-краеведческом музее 11 мая 2011 г. открылась выставка «Санкт-Петербург – Омск: женский городской костюм конца XIX – начала XX вв.» (из

коллекции известного петербургского антиквара Н.А. Костригиной). Одежда, аксессуары и «приятные женские мелочи» иллюстрировали разносторонность жизни женщины: визиты и балы, повседневные прогулки и деловые поездки, домашние занятия и, конечно же, свадьбу.

Свадебная тематика занимает особое место в современной музейной деятельности Сибири [5]. К уже привычным выставкам добавились интерактивные мероприятия. Так, в экомузее «Тюльбергский городок» летом 1998 г. провели первую инсценированную свадьбу. В августе 2010 г. здесь прошла настоящая свадьба, сценарий которой разработала невеста и научный сотрудник музея – П.В. Кимеева. По желанию молодоженов, торжественную регистрацию и фотосессию можно провести в Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. В историко-краеведческом музее Калачинского района Омской области 14 октября 2004 г. была открыта подготовленная совместно с сотрудниками ЗАГСа выставка «Это нашей истории строки», где демонстрировались документальные и иллюстративные источники, материалы и предметы, характеризующие рождение и крещение, свадебные и похоронно-поминальные обряды.

Абсолютное большинство музеев Сибири представляют историю и культуру родного края, его природно-географический, экономический, социокультурный и этнографический потенциал. Поэтому музеям принадлежит важнейшая роль в формировании и трансляции не только национальной, этнокультурной, но и региональной сибирской идентичности. В целом, гендерный аспект традиционной культуры наиболее полно представлен в этнографических экспозициях с помощью сюжетно-образного показа традиционных занятий мужчин и женщин, их вещественного мира и занимаемого символического пространства.

Список источников и литературы

1. Всемирная сеть женских музеев IAWM. URL: <https://www.wmmsk.com/vsemirnaya-set-zhenskih-muzeev-iawm> (дата обращения: 29.04.2021).

2. *Ильных С.А.* Комплексная гендерная методология исследования: поверх дисциплинарных границ // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 3. С. 201–205.

3. *Жигунова М.А.* Свадебная тематика в современной музейной деятельности Западной Сибири // Роль музеев в формировании и трансляции региональной идентичности. Новосибирск: Нонпарель, 2012. С. 52–64.

4. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 31–40

5. *Рождественская С.Б.* Гендерные исследования в системном подходе к изучению этноса // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999. Т. 2. С. 260–267.

6. Этническая панорама Сибири: альбом-путеводитель по экспозиции и этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея / авт. и сост.: П.П. Вибе, М.А. Жигунова. Омск: ОГИК музей; СПб.: Любавич, 2020.

Т.Н. Иванова

Тольятти, Тольяттинский государственный университет

*Посвящается моей любимой бабушке Марии Трофимовне Цымбалист, родившейся 16 октября 1926 г. в Молдове (район Штэфан Водэ, село Алава, где прошли мое прекрасное, веселое, радостное детство, отрочество и юность), самой сильной, самой доброй, самой душевной, самой гостеприимной, самой трудолюбивой...
С благодарностью и любовью.*

Сравнительный анализ жизненных стратегий женщин советского и постсоветского поколений

Почему именно женщина? Женщина – наиболее уязвимая страта нашего общества, тем более в условиях «прошлых времен». Особая роль женщин, работающих на мужском производстве, осваивающих мужские профессии. Героизация женщин-передовиков такого производства. У России вообще женский образ. Наверное, такие женщины олицетворяли Родину-мать в мирное, невоенное время.

Советская женщина – сильная женщина. На ее плечи легли и домашние заботы, и добыча заработка.

Женщины советских времен – женщины, обладавшие мужеством и ответственностью, наделенные риском. Приходилось крутиться и выкручиваться, чтобы выжить и прожить. Образ женщины-труженицы мелькал на советских плакатах, в газетных вырезках.

«Развитие каждого человека в этом направлении уникально, оно продолжается на протяжении всей жизни и включает в себя процесс, получивший название “индивидуализация”» [2, с. 161].

Изучая советское общество, мы делаем акцент не на различиях, а на сходстве его периодов, т.е. на том, что характеризует это общество в целом. Как пишет Н.Н. Козлова, выживание – главная проблема и главная ценность [1, с. 301]. Война и голод, туберкулез, гибель братьев... Подобных историй в советское время – великое множество.

Исследователь Н.Н. Козлова характеризует советское общество как Главное время, время Большой истории. Как пишет автор, ее героиня Е.Г. Киселева свою позицию определяет как позицию песчинки. Все общество состоит из этих «песчинок», образуя сплоченный коллектив. Отсюда вытекает стратегия коллективизма. Держаться вместе, чтобы выжить или выжить, чтобы не быть одному.

Н.Н. Козлова называет женщину «генератором порядка, носителем цивилизационных умиротворяющих начал». Здесь можно говорить о стратегии существования. «Кручусь как белка в колесе» – так могли описывать свою жизнь многие советские женщины. Выполнение этих функций, как полагает автор, требовало порою сверхчеловеческих усилий. Нельзя сказать, что счастье обходило наших женщин. Автор твердит нам, что «жизнь никто не может, не хочет откладывать до лучших времен, он совершает ее немедленно, в любых условиях» [1, с. 219].

Объектом эмпирического исследования выступили социальные группы женщин, относящихся к советскому и постсоветскому поколениям. Выборка составила десять человек, из них пять советских женщин (1932–1940 г.р.) и пять постсоветских (1967–1972 г.р.), соответственно. Мы делаем акцент на трудоспособном возрасте, в котором женщины сознательно выбирают ориентиры и жизненные пути, т.е. акцентируем внимание на том возрасте, когда женщины начали свою трудовую деятельность.

Основной задачей нашего исследования было выявление особенностей жизненных стратегий женщин, и, как следствие, их сравнительный анализ.

При нарративном интервью мы не использовали слово «стратегия», дабы избежать конфуза или ступора в мышлении женщин. Мало кто мог понять полное значение этого термина. Так как одной из главных задач нашего интервью было быть понятным друг другу, мы использовали выражение «жизненный план». Термины «жизненная стратегия» и «жизненный план» почти синонимы. Только первое – из научной лексики, второе – из обычного языка. В эмпирическом исследовании при общении с информантами, в принципе, нельзя использовать научную лексику – это методическое требование.

Итак, послевоенное время – тяжелое время в памяти наших респондентов. Время, когда много дедов, отцов и братьев не вернулись с войны. Женщинам приходилось своими силами выживать в столь смутное время.

В 12 лет, будучи еще детьми, им пришлось выходить на работу. Да, работали в колхозе – дергали траву, работали плугом. Женщины ходили в лес за дровами. И это было частое явление. Отсутствовал план накопительства дров. Может быть причина в том, что они жили в настоящем времени, никто не задумывался о завтрашнем дне. Такие ценные продукты как хлеб и картошка доставались как благо свыше – крайне редко и чуть-чуть.

Действительно, большие семьи в то время не редкость. Рождались и по 8-9 детей, выживали из них лишь 4-5.

С одеждой тоже был дефицит, такой же как с едой. Многие женщины именно по этой причине не посещали школы. Никто не переживал по поводу того, что вырастет безграмотным. Были иные, более важные проблемы. Образование – не было важным приоритетом в жизни наших респондентов. Они работали и день, и ночь «за краюху хлеба». Конечно, нельзя не сказать, что жалели их матери. «А куда деваться?» – это самый повторяемый риторический вопрос-ответ советских молодых женщин. Будучи уже в подростковом возрасте (15-16 лет), молодые женщины советского времени радовались как дети любой появившейся одежде. Истинную радость им приносила жизнь такими «подарками».

Замужество не было ранним. Оно не было даже столь осознанным шагом в их жизни. Скорее определялось надобностью. Нельзя сказать, что их заставляли обзавестись семьей. Просто время шло, и оно диктовало свои правила. Советские женщины постоянно сравнивают временные рамки – «сейчас» и «раньше». Никто не выходил замуж по расчету или «по залету», но и «дикой» любви, как причины брака, не было. Замужество для них как скрытая форма выживания или брачная стратегия – средство. Советские браки – это браки с традиционным разделением обязанностей. Муж во главе семейства, пусть даже его «и не видно было дома». Для многих женщин того времени, брак – это раз и навсегда. Да, не все так безоблачно было в браке, но никто даже не задумывался о разводе. Уход от мужа означал страшное явление.

Женщины терпели. Вообще, терпение – это главный козырь выживания в советское время. Терпимость можно назвать самой главной стратегией – средством самой стратегии – цели выживания советского времени.

Не от лени и жадности богатства, женщины могли позволить себе что-то украсть. Речь идет о стратегии – средстве жульничества. Жизнь не давала особых подарков, поэтому некое жульничество и кража имели место быть, но это считалось планом выживания.

Послевоенное время сравнивало практически всех, но оно не сломило их. В них все так же «цвели» доброта и искренность, они помогали друг другу. Все общество образовывало некий коллектив. Люди держались друг за друга. Это обычный способ совместного выживания, так называемая, стратегия – средство взаимопомощи.

Конечно, помимо рабочих дней, советские женщины отмечают праздники, или «гулянки», как они их называют. И здесь, можно отметить стратегию – средство коллективизма.

Итак, по итогам нарративного интервью с советскими женщинами, мы увидели, что самой главной стратегией советской жизни – была стратегия выжить. Это основная мысль, двигающая сознание людей в то нелегкое время. Терпимость, коллективизм, взаимопомощь, жульничество, брак – это те стратегии – средства, которые можно назвать тактиками, используемыми, чтобы выполнить главную цель своего существования.

Если дальше идти по времени, мы переплывем в постсоветское общество – общество с новыми устоями, новыми планами, новыми стратегиями. Нельзя утверждать, что постсоветское время – это полностью забытое советское. Бесспорно, это новое общество с пережитками старого.

1991–1993 гг. – это время, когда продукты выдавались по талонам. Женщины стали планировать свою жизнь. Мы можем увидеть стратегическую разницу между советским и постсоветским поколениями.

Относительно брака, судя по нашему интервью, можно сказать, что нет уже такого слова «надо», как было в советское время. Женщины, выходя замуж, может быть и думали, что это навсегда. Но чаще ситуация складывалась таким образом, что стали появляться повторные браки – и это уже было не ново.

Устои прошлого времени стали пылинками, которые можно было стереть, в одночасье. Дочери стали говорить о тех вещах, которые для их матерей были табу. Возможно, это проявление некоего бунтарства.

Тип патриархальной семьи перестает быть в каждой семье. Естественно, мы не говорим об исчезновении этого типа, были семьи, где муж оставался главой семьи, и обязанности были четко распределены. Начинается новая эра в семейных отношениях, в которых уже нет строгого деления обязанностей на мужские и женские.

Многие постсоветские молодые женщины в раннем возрасте уезжали из дома. Причиной брака могла стать незапланированная беременность. Ведь эта ситуация, буквально образом, была по их нравам. Кто-то мирился с этим «подарком» судьбы, а кто-то, брав девочку за руку, вел ее на аборт. В этом контексте видны те пережитки прошлого, советского времени, о которых мы говорили ранее.

Конечно, никто не освобождает постсоветскую женщину от роли матери и жены, создающую уют в доме. График ее жизни становится все плотнее и плотнее. На плечи женщины ложатся еще и карьера, и образование, и самореализация. И такое положение дел – вполне нормальное и реальное явление в постсоветское время.

Женщина становится более независимой. Она перестает зависеть от мужа, так как может заработать наравне и даже больше его. Действительно, происходит некая эмансипация. У постсоветских женщин появляются права: право на свободу слова, на свободу действия, выбора. Муж «съезжает» с того пьедестала, который он занимал в советское время.

Порой кажется, что женщина теряет слабину и будто бы ей все под силу, но это не означает, что она впадает «во все тяжкие». Нет, просто она «как львица», которая делает все, чтобы защитить своих детей от каких-либо напастей. Действительно, возможно, глядя на опыт своих родителей, видя, в каких условиях и как они жили, молодые постсоветские женщины словно создают себе установку на лучшую жизнь.

Постсоветская женщина – суровая женщина. Та самая, что и «коня на скаку остановит», и «в горящую избу войдет». Эти некрасовские изречения – не просто подобие мужского поведения, фраза усиливается причастностью к мужской стихии. Она становится социально активна, пробуя себя в различных сферах, будь то политика или искусство.

Персонализированные связи родства, близости, дружбы, даже профессиональной солидарности, которые существовали в советском обществе, сохраняются и в постсоветском социуме. Можно говорить о свойстве коллективизма женщин. Старались держаться дружно, может потому, что действовали по принципу: «Вместе мы – сила!».

В ходе исследования выявляется следующая картина анализа жизненных стратегий женщин в советское и постсоветское время.

Главным отличием, на наш взгляд, является отсутствие стратегии выживания у постсоветских женщин. Действительно, начинают преобладать стратегии самореализации, независимости и построения карьеры, т.е. те стратегии, для которых не находилось места в советские времена.

Традиционные гендерные роли затрудняют самореализацию советских женщин, ограничивая их возможности «внесемейной» самореализации.

Общей стратегией двух поколений можно назвать стратегию коллективизма. Женщины старались держаться плечом к плечу, считая, что вместе они справятся со всеми трудностями.

Список источников и литературы:

1. *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд. «Европа», 2005.

2. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. Основные положения, исследования и применение / пер. с англ. С. Меленевской. СПб.: Питер Пресс, 2008.

К.А. Ярушина

Пермь, Пермский государственный институт культуры

Как я интервьюирую молодые семейные пары. Опыт полевого исследования

Изучение современной семьи – задача сложная. Исследователь этой области сталкивается с распространенной культурной установкой: «сор из избы не выносить». О семье не принято говорить, используя негативные или позитивные коннотации, – можно «сглазить» семейное счастье. Задача усложняется больше, когда требуется получить информацию о гендерном самоопределении участников повседневных взаимодействий в домашней, приватной атмосфере. Учитывая, что гендер является феноменом динамичным, для полноценного анализа этого явления необходим аутентичный материал. Опыт подсказывает, что интервьюирование служит вполне адекватной процедурой. Преимущество этого исследовательского инструмента заключается в предъявлении рассказчика в качестве «эксперта собственной реальности, в которой конструируется мир опыта, значений и смыслов» [3, с. 65]. Поэтому интервьюирование позволяет не только понять мир с точки зрения собеседника, но и объяснить значение противоречивых человеческих действий, тем самым приближая исследователя к пониманию реальной картины мира [1].

Метод интервьюирования применялся мной в рамках диссертационного исследования гендерной идентичности, реализуемой

в брачных стратегиях молодых семей города Перми в 2018 – 2020 гг. В качестве молодой семьи была взята семья в первые три года после заключения брака, членам которой не более 30 лет. Также обязательными критериями выборки являлся город постоянного проживания (Пермь) и наличие свадебного торжества. Обсуждение свадебного торжества являлось «отправной точкой» гайда интервью. Рефлексия на тему этого приятного публичного события позволяла настроить респондентов на доверительную беседу, вопросы которой строились по принципу усложнения: от свадебного торжества и его организационных нюансов, до брачного выбора. Таким образом, через обсуждение данных тематических блоков была получена подробная информация о проявлении персональных гендерных особенностей членов молодых семей в условиях реализации брачной стратегии. В этом ключе гендер понимается в качестве «некой вещи – определенного набора типов поведения, продуцируемых в определенных социальных ситуациях» [2, с. 155]. Интервьюирование проводилось последовательно (отдельно с мужчиной и отдельно с женщиной) и записывалось на диктофон. Средняя продолжительность беседы с мужчиной – 75 минут, с женщиной – 90 минут. Всего было опрошено 13 молодых семей, информанты не слышали ответов друг друга.

По результатам проведенной работы были сформулированы методические рекомендации, которые могут быть полезны коллегам, решившим воспользоваться методом интервьюирования в гендерных исследованиях.

Список источников и литературы

1. *Квале С.* Исследовательское интервью. Москва: Смысл, 2003.
2. *Киммел М.* Гендерное общество / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.
3. *Логунова Л.Ю.* Гуманистически-смысловой подход в микросоциологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 2. С. 64–68.

Н.А. Мицюк
*Смоленск, Смоленский государственный
медицинский университет*

Проблемы изучения современного женского политического и гражданского активизма, женских прав в российском научном дискурсе

Академический дискурс по отношению к проблеме гендерного неравенства, женского активизма тесно связан с реальными практиками – уровнем развития женского активизма, степенью участия женщин в политической жизни страны, продвижением идеологии феминизма. В современных условиях мы наблюдаем откат от идей женского равноправия в политической жизни. Этот процесс не мог не сказаться на изучении темы в научном сообществе. Цель доклада – определить основные ракурсы исследования женского современного политического движения в России.

Расцвет изучения женского активизма в академическом сообществе пришелся на 1990–2000 гг. [10] Однако с 2012 г. со смелой политического курса ситуация в научном дискурсе изменилась [17]. С консервативным поворотом в российской внутренней и внешней политики, с ограничением западного влияния через принятие соответствующих законов гендерная повестка в научных исследованиях пошла на убыль. Поисковые запросы в Google с тегами «современный женский активизм» за период 2016–2021 гг. выдают около 100 тыс. публикаций. Основная часть материала – публицистические и журналистские статьи (Meduza, Colta, Wonderzine, 7x7). Научный поиск в системе РИНЦ показывает, что в последние 2-3 года наблюдается слабое оживление исследовательского интереса к теме.

Авторы исследований, занимающиеся изучением женского активизма на протяжении нескольких десятилетий, определяют современное женское движение как поступательное. О.А. Хасбулатова, И.Н. Смирнова рассматривают женское движение в России как часть международного, выделяя достижения российских женщин в продвижении гендерного равноправия в реализации

государственной политики [15]. Авторами представлен позитивный взгляд на развитие женского активизма.

О.А. Воронина, напротив, полагает, что женский активизм после 2012 г. пошел на спад именно в части решения проблем, связанных с гендерным равенством. Социолог считает, что основная причина этого – «устранение государства от выполнения роли проводника гендерной политики» [7, с. 12].

Несмотря на ограничение деятельности феминистских организаций, исследователи отмечают рост числа женских неправительственных объединений в России [3]. Для понимания повестки данных организаций, целей, способов действий в интересах женщин современные исследователи проводят типологизацию женских объединений [14, 3].

Исследователи по-разному оценивают взаимодействие государства и женских неправительственных объединений в продвижении гендерной повестки. О.А. Хасбулатова, М.Ю. Милованова положительно оценивают взаимодействие государства и женских инициатив [9, 14, 16]. Женский некоммерческий сектор оценивается как «феминизированный», а женские организации рассматриваются как важная часть гражданского общества, чьи усилия направлены на преодоления дискриминации женщин.

Другая часть исследователей отмечает ограниченность современного женского движения, отсутствие внятной политической повестки в интересах женщин [1]. Исследователи полагают, что существующие женские организации подстраиваются под актуальную политическую повестку, дистанцируясь от решения вопросов равноправия, теории феминизма. Представители данного крыла [13] применительно к российским реалиям используют концепцию «war of gender» [18], считая современную политику в России в отношении женщин проявлением политики «антигендеризма» [19]. Социологи и политологи полагают, что гендерное равенство, не успев институционализироваться в России, в нынешних условиях стало политическим инструментом для реализации проекта консервативного поворота [4]. Социологи отмечают политическую депривацию женщин, снижение амбиций общественных женских движений в участии в политической жизни [8].

Новая практика женского активизма – рост участия женщин в политических протестах. Социолог О.А. Сенькова полагает, что феминистский активизм все более маргинализируется по отношению к современной политической повестке. Она подчеркивает рост низового женского активизма, «уличных» феминистских инициатив. В то же время она определяет гендерный режим в активистских сообществах «как патриархатный и препятствующий совместному сопротивлению доминирующему консервативному дискурсу» [12].

Политолог, гражданская активистка С.В. Сиражудинова одна из немногих исследовательниц, которая изучает чрезвычайно актуальную проблему, связанную с возрождением традиционных практик женского обрезания на Северном Кавказе [2]. Основной причиной развития данной практики исследовательница видит в новом витке возрождающегося в регионе патриархата, выраженного в росте контроля мужчин над сексуальным поведением женщин. Демографы и социологи обращают внимание на уязвимость репродуктивных прав женщин в современном обществе, которые ущемляются в рамках современной семейной политики [20]. Даже действующая национальная стратегия в интересах женщин (2017–2022) имеет ярко выраженный пронаталистский характер и предполагает ограничение абортного законодательства [5; 6; 11].

При поддержке РФФИ, проект № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18–21 век)».

Список источников и литературы

1. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3–13.
2. Антонова Ю.А., Сиражудинова С.В. Отчет по результатам качественного исследования «Производство калечащих операций на половых органах у девочек в Республике Дагестан» (2016 г.). URL: <https://www.srji.org/resources/search/proizvodstvo>

kalechashchikh-operatsiy-na-polovykh-organakh-u-devochek-v-respublike-dagestan/

3. Букина А.А. Женские некоммерческие организации современной России: опыт классификации // Право и современные государства. 2017. № 4. С. 25–38.

4. Великая Н.М., Овчарова О.Г. Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // Материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча». Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 29–34.

5. Великая Н.М., Князькова Е.А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщины в российском обществе. 2021. № 1. С. 25–37.

6. Вишнеvский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П. Запрет аборта: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. 2016. № 707–708. С. 1–15.

7. Воронина О.А. Гендерное равенство в России: роль женского движения, гендерного сообщества и государства // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. 2019. С. 11–18.

8. Кашина М.А., Василенко Л.А. Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления в современной России // Женщины в российском обществе. 2019. № 2. С. 17–31.

9. Милованова М.Ю. Социально-ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79.

10. Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.

11. Сенькова О.А. «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга // Социология власти. 2018. Т. 30. № 1. С. 79–100.

12. Сенькова О.А. «Я с этими людьми в один автозак не сяду»: солидарности и конфликты в феминистских инициативах Петербурга // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 457–472.

13. *Темкина А.А.* Борьба против гендерного равенства: Транснациональная мобилизация // Журнал исследования социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 674–683.

14. *Хасбулатова О.А.* Женское движение в современной России // Женщина в Российском обществе. 2019. № 3. С. 14–26.

15. *Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Женские организации в России и за рубежом: технологии продвижения гендерного равенства // Женщина в Российском обществе. 2020. № 4. С. 37–51.

16. *Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Женское движение в России: моделирование баланса взаимодействия государства и женской инициативы // Женщина в Российском обществе. 2021. № 1. С. 3–19.

17. *Шнырова О.* Российский феминизм: ждуть ли новой волны? // Неприкосновенный запас. 2012. Т. 83. № 3. С. 52–60.

18. *Graff A.* «Gender ideology»: weak concepts, powerful politics // Religion and Gender. 2016. Vol. 6. N 2. P. 268–272.

19. *Kuhar R., Paternotte D.* (eds.) Anti-Gender Campaigns in Europe: Mobilizing against Equality. London: Roman and Littlefield. 2017.

20. *Темкина А.* Childbirth is not a car rental: Mothers and obstetricians negotiating consumer service in Russian commercial maternity care // Critical Public Health. 2020. Т. 30. № 5. С. 521–532.

Научное издание

**Женская история сегодня: источниковедение,
историография, новые методологические подходы**

Материалы XIV Международной научной конференции
Российской ассоциации женской истории и Института
этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Часть 1

Ответственный редактор Н.Л. Пушкарева
Составители А.И. Громова, А.В. Жидченко

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Редактор *О.Л. Милова*
Корректор *О.Л. Милова*
Компьютерная верстка *О.И. Мальцева*
Художник *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 31.08.2021
Формат 60x84 1/16. Усл.-печ. л. 14,5
Тираж 500 экз. Заказ № 177

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119334, Москва, Ленинский проспект 32а